

**Б.М. КОЛКЕР
И.Э. ЛЕВИТ**

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
РУМЫНИИ
И РУМЫНО-СОВЕТСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ**

(СЕНТЯБРЬ 1939 — ИЮНЬ 1941)

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. М. КОЛКЕР, И. Э. ЛЕВИТ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
РУМЫНИИ
И РУМЫНО-СОВЕТСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ

(сентябрь 1939 — июнь 1941)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1971

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. А. ШЕВЯКОВ

Книга посвящена малоисследованной проблеме, отдельные аспекты которой искажаются и фальсифицируются буржуазными историками. Авторы характеризуют отношения между буржуазно-помещичьей Румынией и СССР накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, вскрывают причины, побудившие румынские правящие круги участвовать в агрессивной войне. Монография основана на материалах архивов, советской и зарубежной прессы, обширной исторической и мемуарной литературы. Многие архивные документы вводятся в научный оборот впервые.

1-6-3

БЗ № 47—1970 г. № 5

ВВЕДЕНИЕ

Исследование истории второй мировой войны является одной из актуальнейших проблем советской исторической науки. Дело не только в том, что вторая мировая война — явление весьма сложное. Следует иметь также в виду, что буржуазная историография, публицистика в угоду монополистическим кругам пытаются извратить истинные причины ее возникновения, скрыть захватнические цели империалистических государств.

Предметом особой заботы буржуазных фальсификаторов истории являются внешняя политика буржуазно-помещичьей Румынии и особенно румыно-советские отношения от начала второй мировой войны до вероломного нападения Германии и ее сателлитов на Советский Союз. Стараясь оправдать свою антисоветскую политику, румынские буржуазные политические деятели написали ряд «трудов», в которых в искаженном виде представлены внешняя политика королевской Румынии и румыно-советские отношения.

Первый выступил по рассматриваемому нами вопросу бывший премьер-министр Румынии Г. Татареску. Вскоре после мирного разрешения вопроса о Бессарабии он издал брошюру, в которой пытался возложить на Советский Союз вину за ухудшение отношений между двумя странами¹.

Еще бушевала вторая мировая война, а в Швейцарии бывший министр иностранных дел Румынии и последний румынский посланник в Москве Г. Гафенку, получавший значительные денежные субсидии от правительства Антонеску, заканчивал свою книгу, которая, по замыслу ее автора, должна была обелить румынские правящие круги, бросившие свой народ в пучину анти-

¹ *Gh. Tătărăscu. Evacuarea Basarabiei și a Bucovinei de Nord. Craiova, 1940.*

советской войны². Гафенку изображает вступление Румынии в войну на стороне гитлеровской Германии не как завершение той антисоветской политики, которую вели по отношению к СССР румынские правящие круги в период между двумя войнами, а как следствие того, что его страна, будучи расположенной между Германией и Советским Союзом, практически не могла оставаться вне войны. То, что боярская Румыния оказалась союзницей Германии, Гафенку ставит в вину Советскому правительству. Его мысль сводится к тому, что якобы советская нота 26 июня 1940 г. бросила Румынию в лагерь будущих противников СССР³, хотя ему, занимавшему пост министра иностранных дел Румынии с декабря 1938 и до конца мая 1940 г., лучше, чем кому-нибудь другому, было известно, на какой основе строилась в тот период внешняя политика его страны и как усиленно добивалась королевская Румыния установления сначала дружественных, а затем и союзнических отношений с Германией. Для «аргументации» своих положений Гафенку не останавливался перед умалчиванием и даже прямой фальсификацией фактов. К такому же роду работ относятся «труды» Ал. Крецяну, занимавшего ответственные посты в МИДе Румынии⁴, бывшего румынского военного атташе и посла в Берли-

² *Grégoire Gafenco. Préliminaires de la guerre à l'Est. Fribourg, 1944.*

Гафенку выехал в Швейцарию после нападения Румынии на Советский Союз в качестве неофициального представителя правительства Антонеску. К этому времени он восстановил отношения с лидером национал-царанистской партии Ю. Манну и другими ее руководителями, с которыми он порвал в 1938 г., к моменту занятия поста министра иностранных дел в правительстве королевской диктатуры.

В Швейцарии Гафенку поддерживал связь с реакционными политическими деятелями, часто выступая на страницах швейцарской печати в защиту режима Антонеску и его захватнических целей. Бывший министр иностранных дел посылал также донесения в Бухарест и давал «советы» румынскому правительству. Он пытался использовать свои связи, чтобы добиться содействия западных империалистов для сохранения буржуазно-помещичьего строя в Румынии после того, как поражение военно-фашистского строя стало очевидным.

³ *Ibidem*, p. 338, 347.

⁴ *Al. Cretzianu. The Soviet Ultimatum to Rumania. Journal of Central European Affairs, vol. 9, january 1950; он же. La politique de paix de la Roumanie à l'égard de l'Union Soviétique. Paris, 1955; он же. The lost opportunity. London, 1957.*

не Иона Георге⁵, бывшего личного секретаря И. Антонеску Г. Барбул⁶, Е. Чуря⁷ и др. В концентрированном виде эти измышления нашли отражение в коллективном «сочинении» группы румынских реакционеров, проживающих в ФРГ, США и Франции, изданном в 1967 г. в Париже⁸. Чтобы доказать мнимую агрессивность Советского Союза по отношению к Румынии, авторы приписывают видным советским государственным и военным деятелям заявления, касавшиеся намерений Советского правительства в отношении Румынии, которые последние никогда не делали⁹. В целях оправдания факта национального предательства, совершенного румынскими правителями принятием решений венского арбитража, эти авторы мушуют избитый тезис о якобы имевшей место подготовке Советским Союзом нападения на Румынию в августе 1940 г.¹⁰.

Особый интерес к советско-румынским отношениям этого периода проявляют западногерманские буржуазные историки. А. Хиллгрубер в книге, посвященной германо-румынским отношениям¹¹, также утверждает, что нота Советского правительства от 29 августа 1940 г. по поводу провокационных действий румынских военных властей на советско-румынской границе якобы представляла собой серьезную угрозу в адрес Румынии. Он пытается доказать, что подготовка гитлеровской Германии к оккупации Румынии являлась ответом на эти мнимые советские угрозы¹². Полна грубейших извращений и совместная статья А. Хиллгрубера и Ганса-

⁵ *Ion Gheorghe. Rumäniens Weg zum Satellitenstaat. Heidelberg, 1952.*

⁶ «*Mémorial Antonesco. Le troisième homme de l'Axe*», vol. I. Paris, 1950.

⁷ *Emil C. Ciurea. L'Effondrement des frontières roumaines. Les conditions internationales. «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1955, N 20.*

⁸ *G. Cioranescu, G. Filiti, R. Floresco, D. Ghermani, A. Gorjiu, M. Korne, N. Neculce. Aspects des relations russo-roumaines. Rétrospective et orientations. Paris, 1967.*

⁹ *Ibid.*, p. 153—154.

¹⁰ *Ibid.*, p. 161.

¹¹ *Andreas Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 2 Auflage, 1965.*

¹² *Ibid.*, S. 92—93.

Гюнтера Серафима¹³. Старые тезисы автора по поводу румыно-советских отношений повторяются и в одной из последних книг А. Хиллгрубера¹⁴. Фальсифицированные факты из истории румыно-советских отношений некоторые буржуазные авторы стараются использовать как аргумент в пользу «теории» так называемой превентивной войны против Советского Союза¹⁵. Сама эта «теория», как известно, не нова. Она была видвинута Гитлером и его пропагандистским аппаратом в первый же день войны¹⁶. Продолжая развивать ее, бывший гитлеровский генерал Зигфрид Вестфаль утверждает: «Его (т. е. Гитлера. — Б. К., И. Л.) убеждение в необ-

¹³ *Hans Günter Seraphim und Andreas Hillgruber. Hitlers Entschluss zum Angriff auf Rußland. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1954, N 3.*

¹⁴ *A. Hillgruber. Hitlers Strategie, Politik und Kriegführung 1940—1941. Frankfurt am Main, 1965.*

¹⁵ Критику этой теории см.: «Проблемы истории второй мировой войны. Доклады и дискуссии по теме: Важнейшие направления в реакционной историографии второй мировой войны». М., 1959, стр. 16—18, 37—39, 49 и др., *П. А. Жилин. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. М., 1966, стр. 112—114 и др.; Ф. Н. Телегин. О фальсификации западногерманской реакционной историографией вопроса о подготовке фашистской агрессии против СССР. «Новая и новейшая история», 1958, № 6, стр. 130—132 и др.*

¹⁶ Легенда о «советской угрозе» Румынии была пущена в ход в воззвании Гитлера от 22 июня 1941 г., в ноте Риббентропа Советскому правительству, зачитанной по берлинскому радио спустя несколько часов после разбойничьего нападения на СССР, а также в состряпанном германской службой внешних сношений сообщении, опубликованном в фашистской прессе 24 июня 1941 г. Гитлеровские главари договорились до того, что и железногвардейский путч 21—23 января 1941 г. также был «делом рук Москвы», стремившейся спровоцировать в Румынии «гражданскую войну» (см. «Dokumente der deutschen Politik. Der Reich Adolf Hitlers», Bd. 9, T. I. Berlin, 1944, S. 212, 214, 230—231). Во время войны румынские буржуазные историки и публицисты часто пользовались гитлеровской выдумкой о «превентивной» войне для оправдания преступной политики клики Антонеску. Действительный член румынской королевской академии, реакционный военный историк Р. Росетти в своем публичном докладе, посвященном военным операциям 1941 г. на территории Бессарабии и Северной Буковины, не располагая никакими доказательствами, но вместе с тем стараясь придать видимость правды измышлениям о «превентивной» войне, наметил даже направления русского «наступления» и определил количество дивизий, готовых осуществить «атаку» против Румынии. «Чтобы обеспечить успех немецко-румынского наступления,— с серьезным видом писал Росетти,— нужно было застичь врасплох русские армии, сконцентрированные на всем фронте от Балтийского до

ходимости разгрома России было подкреплено целым рядом событий. Особенно беспокоила Гитлера угроза русских Румынии, что могло сорвать поставки румынской нефти в Германию»¹⁷.

Особенно усердствует в протаскивании теории «превентивной» войны западногерманский историк Ф. Фабри, чья книга¹⁸ широко рекламировалась на Западе как «хорошо документированный» труд. В аннотации книги издатели не скрывают поставленные перед собой заведомо антисоветские задачи. Доводы Фабри настолько противоречат историческим фактам, что вызвали критику даже со стороны отнюдь не прогрессивного американского историка Г. Вейнберга¹⁹. Последний показал, в частности, что Фабри искажил цитаты из дневника бывшего начальника штаба сухопутных сил гитлеровской Германии Ф. Гальдера, относящиеся к гитлеровской политике на Балканах. Хотя Вейнберг разоблачил фальшивки Фабри, его собственная книга, посвященная толкованию событий этого периода, тоже не лишена существенных недостатков, в том числе и в вопросе румыно-советских отношений²⁰. Подчеркнем, однако, что Вейнберг со знанием дела разбирает многие, укоренившиеся в буржуазной историографии представления о внешней политике Румынии. В этой связи немаловажным является опровержение Вейнбергом исходящего от того же Гафенку истолкования смысла «гарантий», предоставленных Германией и Италией Румынии. Критикуя вздорные утверждения Гафенку, который писал, что гарантии явились якобы выражением решимости Германии и Италии «закрывать дверь перед любым новым стремлением СССР на юг»²¹, Вейнберг указывал, что

Черного морей, до того, как они могли перейти в наступление, что стало бы возможным для них во второй половине августа» (*R. Rosetti. Analele Academiei Române, Memoriile secțiunii istorice, seria III, t. XXIV. București. 1942, p. 505*).

¹⁷ З. Вестфаль, В. Крейне, Г. Блюментрит, Ф. Байерлейн, К. Цейтцлер, Б. Циммерман, Х. Мантейфель. Роковые решения. Пер. с англ. М., 1958, стр. 59.

¹⁸ *Philipp W. Fabry. Der Hitler—Stalin Pakt 1939—1941. Ein Beitrag zur Methode sowjetischer Außenpolitik. Darmstadt, 1962.*

¹⁹ См. рецензию Г. Вейнберга на книгу Ф. Фабри в «*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*», 1964, Heft I, S. 132—135.

²⁰ *Gerhard L. Weinberg. Germany and the Soviet Union. 1939—1941. Leiden, 1954.*

²¹ *G. Gafenco. Op. cit., p. 72.*

представление так называемых гарантий было predeterminedo принятым до того решением Гитлера напасть на СССР²².

В фальсификации позиции Советского Союза осенью 1940 г. по отношению к Балканам, и в частности к Румынии, внесли свою лепту и американские историки В. Л. Ланджер, С. Э. Глисон, Э. Л. Пресэйзен и др. Первые два утверждают, например, что Гитлер решил послать «военных инструкторов» в Румынию из-за «боязни», что СССР нападет на Балканы²³, а Э. Л. Пресэйзен заявляет, будто Советский Союз пытался осенью 1940 г. добиться единоличного контроля над Дунаем²⁴. Эту последнюю версию развивают также некоторые французские буржуазные историки²⁵.

Заметные успехи в исследовании истории Румынии в годы второй мировой войны, в том числе ее внешней политики, достигнуты советской исторической наукой. Немалая заслуга в этом принадлежит Н. И. Лебедеву²⁶. Отдельные аспекты рассматриваемой нами проблемы получили освещение в книге А. А. Шевякова²⁷ и в ряде работ, посвященных событиям на Балканах²⁸. Они так-

²² *Gerhard L. Weinberg. Germany and the Soviet Union...*, p. 129.

²³ *W. L. Langer and S. Everett Gleason. The undeclared war 1940—1941. New York, 1953, p. 130—131.*

²⁴ *Ernest L. Presseisen. Germany and the Balkan 1940—1941. «The journal of modern history», 1960, N 4, p. 366 и др.*

²⁵ См. «*Les frontières européennes de l'URSS 1917—1941*», Sous la direction de J. B. Duroselle, Paris, 1957, p. 329.

²⁶ *Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961; он же. Падение диктатуры Антонеску. М., 1966; он же. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968; он же. Некоторые вопросы внешнеполитической истории Румынии в освещении буржуазной историографии. «Новая и новейшая история», 1967, № 3.*

²⁷ *А. А. Шевяков. Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963.*

²⁸ *И. Н. Чемпалов. Политика англо-французского блока на Балканах накануне и в начале второй мировой войны (октябрь 1938 — июнь 1940). «Ученые записки Уральского государственного университета», вып. 16, исторический. Свердловск, 1957; он же. Англо-французские планы нападения на СССР с юга и политика гитлеровской Германии на Балканах (март—май 1940 г.). «Международные отношения в новейшее время», ч. I. Свердловск, 1966; он же. Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства Германии на Балканах (май — сентябрь 1940). «Международные отношения в новейшее время», ч. II. Свердловск, 1966; он же. Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь-октябрь). «Международные отношения в*

же затрагиваются в общих работах по истории второй мировой войны²⁹, истории Румынии в новое и новейшее время³⁰, а также в некоторых монографиях³¹. Во всех перечисленных трудах дается в целом правильная оценка политики правящих классов буржуазно-помещичьей Румынии, раскрывается антисоветская сущность их внешнеполитического курса. Что касается румыно-советских отношений в первый период второй мировой войны, то предметом специального обстоятельного изучения в советской исторической науке они еще не стали.

В современной румынской исторической науке существует сравнительно мало работ, посвященных внешней политике Румынии и румыно-советским отношениям в конце 30-х — начале 40-х годов. При освещении вопросов румыно-советских отношений историки СРР в общих работах³² и в ряде статей³³ ограничивались упоминаниями об антисоветской политике румынских правящих кругов. К сожалению, эта основная черта внешней политики буржуазно-помещичьей Румынии в некоторых работах фактически замалчивается, что объективно ведет к обелению деятельности королевской дипломатии³⁴.

новейшее время», ч. II. Свердловск, 1966; *он же*. Итало-германская агрессия на Балканах в конце 1940 г. «Международные отношения в новейшее время». Свердловск, 1968; *он же*. Завершение оккупации Румынии немецко-фашистскими войсками (январь—март 1941 г.). «Международные отношения в новейшее время». Свердловск, 1968; *Н. И. Ожиганов*. Установление германского контроля над Дунайским судоходством (апрель — декабрь 1940). «Международные отношения в новейшее время, ч. II. Свердловск, 1966.

²⁹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I, 1963, стр. 303—304; «Всемирная история», т. X, М., 1965, стр. 85—86.

³⁰ *В. Н. Виноградов, Е. Д. Карпещенко, Н. И. Лебедев, А. А. Язькова*. История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964.

³¹ *В. Л. Исраэлян и Л. Н. Кутаков*. Дипломатия агрессоров. Германито-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967.

³² См. «România în războiul antihitlerist. București, 1966, p. 25; «Momente din istoria poporului român». București, 1965, p. 142; «Румыния во второй мировой войне. Очерки». Бухарест, 1964, стр. 11 и др.

³³ См. *Е. Campus*. Blocul balcanic al neutrilor. Studii. Revista de istorie (далее — «Studii...»), 1956, N 4; *она же*. Tratatивele în preajma dictatului de la Viena (aprilie — august 1940). «Studii...», 1957, N 3.

³⁴ См. *Tr. Bunescu*. Dictatul de la Viena — încălcarea brutală a independenței și suveranității României. «Analele Institutului de studii isto-

В настоящей работе авторы, рассматривая внешнюю политику Румынии в первый период второй мировой войны, предпринимают попытку более широко осветить румыно-советские отношения, раскрыть причины, побудившие буржуазно-помещичью Румынию активно участвовать в войне против СССР.

Работа создана главным образом на основе архивных и опубликованных документальных материалов. Используются как советские, так и зарубежные источники. Много материалов по теме извлечено авторами из советской и зарубежной прессы, мемуарной и другой литературы. I—IV главы книги написаны Б. М. Колкером, V—VII — И. Э. Левит. Введение и заключение написаны авторами совместно.

* * *

В лекции «Война и революция» В. И. Ленин писал: «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменяв только форму действия»³⁵.

Самое беглое рассмотрение политики господствующих классов королевской Румынии как нельзя лучше иллюстрирует всю правдивость и жизненность этого ленинского положения.

Известно, что эксплуататорские классы Румынии, как и других капиталистических стран, враждебно встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Буржуазно-помещичья Румыния при помощи империалистов Запада первая среди капиталистических государств начала военную интервенцию против молодого Советского государства, захватив в начале 1918 г. советскую Бессарабию. И хотя, в соответствии с соглаше-

rice și social-politice de pe langa CC al PCR (далее — «Analele...»), 1968, N 1; *Cristian Popișteanu. România și Antanta Balcanică*. București, 1968; *Al. Gh. Savu. Considerații privind neutralitatea României la începutul celui de al doilea război mondial. «Studii privind politica externă a României (1919—1939)»*. București, 1969; *Al. Gh. Savu. Dictatura regală (1938—1940)*. București, 1970.

³⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 79.

нием от 5—9 марта 1918 г., румынское правительство взяло обязательство вывести в двухмесячный срок свои войска из Бессарабии и «не предпринимать никаких военных, неприятельских или других действий против Всероссийской Федерации Советских Республик рабочих и крестьян и не поддерживать таковые, предпринимаемые другими государствами»³⁶, оно вероломно нарушило его, став на путь аннексии отторгнутого края и превращения его территории в плацдарм нападения на Страну Советов.

Во все последующие годы Румыния находилась в фарватере антисоветской политики империалистических стран Запада, являлась одним из основных звеньев так называемого «санитарного кордона». Опираясь на их помощь, реакционные правители Румынии, внешне создавая видимость стремления нормализовать отношения с Советским государством, в действительности отвергали неоднократные предложения правительства СССР о мирном разрешении вопроса о Бессарабии, об установлении добрососедских отношений.

В своей ненависти к Стране Советов румынские правящие классы избегали почти всяких экономических и культурных связей с СССР. Антисоветская брань не сходила со страниц реакционной печати. Не случайно королевская Румыния только в 1934 г., на 17-м году существования Советского государства, установила с ним дипломатические отношения³⁷. Однако наметившееся в середине 30-х годов некоторое улучшение советско-румынских отношений было непродолжительным. Сторонник создания системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР, видный румынский дипломат Н. Титулеску в конце августа 1936 г. был снят с поста министра иностранных дел. Противники улучшения отношений с Советским Союзом взяли верх.

В обстановке все усиливавшейся международной напряженности конца 30-х годов румынские правящие

³⁶ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 90.

³⁷ См. А. А. Язькова. Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Румынией в 1934 г. «Новая и новейшая история», 1964, № 6; Я. Копанский, И. Левит. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией (июнь 1934) «Русско-румынские и советско-румынские отношения». Кишинев, 1969.

крупн, лавируя между англо-французским и итало-германским блоками, неизменно придерживались антисоветской ориентации. В период Мюнхена своим отказом пропустить через территорию Румынии советские войска для оказания помощи Чехословакии в случае нападения на нее Германии Румыния объективно способствовала осуществлению гитлеровских планов расчленения своей союзницы по Малой Антанте и проведению англо-французской политики «умиротворения» фашистских агрессоров. Посетивший Гитлера в ноябре 1938 г. румынский король обещал «никогда не разрешать прохождения русских войск через территорию Румынии»³⁸.

Известно, что 18 марта 1939 г. Советское правительство предложило немедленно созвать совещание представителей СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения вопроса об оказании Румынии помощи в случае германской агрессии. Однако румынское правительство высказалось 19 марта 1939 г. против системы коллективной безопасности на основе пакта о взаимной помощи с участием СССР и 23 марта заключило с Германией кабальное экономическое соглашение, предвещавшее потерю национальной независимости страны.

Вместе со своей союзницей — панской Польшей — королевская Румыния внесла свою «лепту» в срыв проходивших в Москве в марте — августе 1939 г. англо-франко-советских переговоров³⁹.

Посетив 18—20 апреля Берлин, Гафенку заверил фашистских правителей Германии, что Румыния не согласится участвовать совместно с СССР в каком-либо союзе⁴⁰.

Наряду с другими странами Юго-Восточной и Центральной Европы Румыния использовалась в качестве разменной монеты в далеко идущих планах западных

³⁸ Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP), series D, vol. VII. London, 1954, doc. 254, p. 339.

³⁹ См. V. A. Varga. Atitudinea guvernului român burghezo-moșieresc față de tratativele anglo-franco-sovietice din anul 1939. «Studii», 1960, N 4.

⁴⁰ DGFP, series D, vol. VII, doc. 227, p. 280; Andreas Hillgruber. Hitler. König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsche-rumänischen Beziehungen 1938—1944, 2 Auflage. Wiesbaden, 1965, S. 51.

империалистических держав направить гитлеровскую агрессию против СССР.

Свой последовательный антисоветизм румынский король продемонстрировал и в ходе переговоров 11 августа 1939 г. с президентом Турции Исметом Иненю. Попытки последнего убедить Кароля в целесообразности для Румынии найти пути улучшения отношений со своим восточным соседом оказались безуспешными. Король заявил, что даже если Советский Союз пожелает оказать помощь его стране против агрессора, он не допустит советские войска на территорию Румынии. Ссылаясь на нежелание вовлечь Румынию в войну с Германией, он отверг всякую возможность заключения договора о взаимопомощи с СССР и высказался за сохранение антисоветского румыно-польского договора⁴¹.

Эта позиция королевской Румынии, как и Польши, тайком поощряемая правительствами Англии и Франции, служила той дымовой завесой, за которой последние проводили свою двойную игру, «рассчитанную на соглашение с гитлеровской Германией с целью направления ее агрессии на восток, против Советского Союза»⁴².

Свои внешнеполитические планы правящие круги Румынии строили в расчете на то, что империалистические великие державы в конечном счете договорятся между собой на антисоветской основе. Но, как известно, они просчитались. Война началась не так, как об этом они мечтали.

⁴¹ См. Б. М. Колкер. К вопросу о провозглашении Румынией нейтралитета в начале второй мировой войны. «Известия АН МССР», 1966, № 2, стр. 30—31.

⁴² «Фальсификаторы истории. Историческая справка». М., 1952, стр. 38.

ГЛАВА I

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РУМЫНИЕЙ НЕЙТРАЛИТЕТА. ОТНОШЕНИЯ РУМЫНИИ С СССР

1 сентября 1939 г. нападением на Польшу гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну. Сначала румынские правящие круги надеялись на возможность предотвращения дальнейшего развития конфликта между двумя империалистическими блоками. «Война носит пока локальный характер, и ее можно еще приостановить», — писал 2 сентября 1939 г. официоз румынского правительства¹. 3 сентября, однако, с объявлением Англией и Францией войны Германии стало ясно, что уповать на это нет никаких оснований. Румыния должна была определить свою позицию. 4 сентября 1939 г. румынское правительство опубликовало коммюнике, в котором говорилось, что Румыния полна решимости «сохранить и впредь мирную позицию, которую она соблюдала до сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами. В этом духе правительство готово возобновить свое предложение о заключении договора о ненападении»². Коммюнике свидетельствовало о нежелании румынского правительства четко определить свою позицию и в то же время о его замешательстве.

Решение румынского правительства заявить о сохранении им «мирной позиции» было, видимо, продиктовано в большей мере его нежеланием раньше других правительств Балканской Антанты объявить о нейтралитете, т. е. поставить в известной мере знак равенства между Великобританией, Францией, Польшей и их противником,

¹ «România», 3.IX 1940. В буржуазно-помещичьей Румынии газеты датировались днем позже их действительного выхода.

² Ibidem, 6.IX 1940. Речь шла о возобновлении предложения о заключении договора о ненападении с Венгрией.

тем более что оно надеялось на быстрое развертывание союзниками боевых действий против гитлеровской Германии и облегчение в результате этого положения Польши.

Но за формулой «мирной позиции» скрывались и далеко идущие планы правящих кругов Румынии. Такая позиция, полагали они, позволит им остаться, хотя бы на первых порах, вне войны и сохранить территориальную неприкосновенность «Великой Румынии». Комментируя коммюнике правительства, «Ромыния» писала: «Мы ничего ни от кого не требуем... Мы ничего никому не должны; мы ничего никому не дадим»³.

Избрав «мирную позицию», правители Румынии, как об этом писал впоследствии Г. Татареску⁴, стремились сохранить нетронутыми свои вооруженные силы, которые с выгодой предполагали использовать на заключительном этапе мировой войны, когда станет ясно, кто победит, и когда изнуренная войной Европа, возможно, будет охвачена таким же революционным брожением, как и после первой мировой войны. «Я убежден,— писал этот видный представитель королевской камарильи,— что в усталой Европе и в измученном страданиями, нехватками и ужасами войны мире решающую роль будут играть народы, которые сумеют сохранить нетронутыми свои вооруженные силы, в то время как народам, которые растратят свои армии и явятся защищать свои права с остатками войск, фатальным образом будет

³ «România», 6.IX 1939.

⁴ Г. Татареску был премьером правительства Румынии с января 1934 г. по декабрь 1937 г. Он сыграл видную роль в установлении в начале 1938 г. королевской диктатуры. Долгие годы был генеральным секретарем национал-либеральной партии — крупнейшей буржуазной партии королевской Румынии, представлявшей интересы финансовых и промышленных магнатов, главным образом Старого Королевства. После установления королевской диктатуры, в первом правительстве которой он занял пост министра иностранных дел, Татареску порвал связи с председателем своей партии И. К. И. (Дину) Братиану. В конце 1938 г. был послом Румынии во Франции, где находился до конца августа 1939 г. С ноября 1939 и до начала июля 1940 г. вновь возглавлял правительство Румынии. В мае 1943 г., будучи уже не у дел, Татареску составил документ, озаглавленный «Наша внешняя политика», который был им сдан «для истории» Румынской академии наук. В своем опусе бывший премьер рассматривал внешнюю политику Румынии в конце 30-х годов, основной упор делая на освещение периода «странной войны» и румынско-советских отношений.

навязана воля более сильного. Вот почему я считаю, что *преждевременное* (курсив наш.— Б. К., И. Л.) вступление в войну нашей армии следует избежать любой ценой»⁵.

Наконец, румынские помещики и капиталисты надеялись, что объявленная правительством «мирная позиция» обеспечит им при сохранении территориального *status quo* рост прибылей от продажи воюющим державам нефти и зерна, цены на которые многократно возросли.

Однако на практике проводить провозглашенную политику было куда труднее. Румыния имела конкретные обязательства перед воюющими сторонами. Еще до начала военных действий румынское правительство обещало Польше пропустить через свою территорию транспорт английских самолетов и вело переговоры с польским правительством о создании базы для получения других военных материалов, предназначенных Польше⁶. В расчете на содействие Румынии делу союзников строили свои военные планы в Польше и на Балканах Англия и Франция⁷. С другой стороны, в соответствии с германорумынским договором от 23 марта 1939 г. Румыния должна была снабжать Германию нефтью, продовольствием и другими товарами, столь необходимыми гитлеровцам для ведения войны против западных держав.

Половинчатая формулировка румынского коммюнике, в котором отсутствовало слово «нейтралитет», в какой-то мере отвечала надеждам и планам союзников, но не удовлетворяла гитлеровскую Германию. Нарочитая неопределенность коммюнике вызвала в Берлине беспокойство относительно намерений румынского правительства. Как указывает западногерманский историк А. Хиллгрубер, Гитлер, конечно, не боялся нападения со стороны румынской армии, но опасался сокращения или запрещения вывоза румынской нефти в Германию⁸.

⁵ Историко-дипломатический архив МИД СССР, фонд микрофильмов архивных документов (далее — ИДА, фонд микрофильмов) «*Politica noastră externă*». Отдельные части этого документа были опубликованы в виде выдержек из дневника автора в газете «*Drapelul*», 17.I 1945.

⁶ Colonel *Joseph Beck*. *Dernier rapport. Politique polonaise 1926—1939*. Paris, 1951, p. 223.

⁷ Général *Gamelin*. *Servir*, t. I, p. 29; *Pierre Etienne Flandin*, *Politique française 1919—1940*. Paris, 1947, p. 317.

⁸ *A. Hillgruber*. *Hitler, König Carol...*, S. 56.

Кроме того, гитлеровские заправилы добивались прекращения перевозок оружия через Румынию в Польшу, тем более что это был самый безопасный путь для снабжения польской армии вооружением и боеприпасами. Еще за день до нападения на Польшу германский посланник в Бухаресте В. Фабрициус, побывав у румынского министра иностранных дел Г. Гафенку, потребовал от последнего, чтобы Румыния запретила транзитную перевозку 3000 ящиков с бомбами из Констанцы в Польшу⁹.

4 сентября 1939 г., в день издания правительственного коммюнике, Фабрициус посетил румынского премьера А. Калинеску¹⁰ и вновь добивался запрещения провоза военных материалов, а заодно и проезда английской миссии через Румынию в Польшу. Румынский премьер, однако, ограничился обещанием не разрешить проезда большой группы английских военнослужащих и провоза большого количества оружия. Вряд ли удовлетворил Фабрициуса и ответ Калинеску относительно поставок нефти Германии. Румынский премьер заявил, что нефтепоставки по договору будут выполняться по мере того, как германское правительство будет поставлять товары и материалы по своим обязательствам¹¹. В конце беседы Фабрициус заявил, что, хотя он знает, что румынское правительство руководствуется «высшими интересами страны», он считает, что Румынии было бы лучше сделать заявление о нейтралитете. Согласно за-

⁹ Arhiva Ministerului Afacerilor externe (далее — АМАЕ), cazierul 4, problema 71, vol. 20, anii 1939—1944. Convorbirea între Gr. Ga-fencu și W. Fabricius din 31 august 1939, f. 1.

¹⁰ Арманд Калинеску — видный политический деятель королевской Румынии. Во время пребывания у власти национал-царанистов занимал ряд министерских постов. Один из организаторов расправ с рабочими Гривицы (1933 г.). В декабре 1937 г. вошел в состав профашистского правительства О. Гоги в качестве министра внутренних дел. С февраля 1938 г. и до марта 1939 г. входил в состав всех правительств королевской диктатуры, а в марте 1939 г. стал премьер-министром. Во внешней политике придерживался англо-французской ориентации. Несмотря на свои реакционные взгляды, Калинеску был противником «Железной гвардии» — террористической фашистской организации. По его распоряжению в ноябре 1938 г. был умерщвлен главарь румынских фашистов К. Кодряну и некоторые его сподвижники.

¹¹ АМАЕ, cazierul 86, vol. 41. Notă asupra convorbirii dintre Armand Călinescu și W. Fabricius din 4 septembrie 1939, f. 1, 2.

писи беседы, Калинеску ответил гитлеровскому посланнику, что «это невозможно, так как Румыния не находится на положении стран типа Швейцарии, Дании и Голландии. Мы считаем, что весь мир признает, что нейтралитет вытекает из наших действий, которые не допускают никаких кривотолков»¹².

Однако события разворачивались с такой быстротой, что румынским правителям пришлось через 48 часов после издания коммюнике вновь заняться вопросом об отношении к войне. Гитлеровское наступление в Польше развивалось успешно. Франция же и Англия не предприняли никаких наступательных боевых действий против Германии, чтобы облегчить участь своего польского союзника. Невольно у них возникал вопрос: предпримут ли англо-французы какие-нибудь конкретные меры для выполнения своих «гарантий», данных Румынии 13 апреля 1939 г., в случае нападения на нее гитлеровской Германии или Венгрии? К тому же 5 сентября 1939 г. Югославия — член Балканской Антанты — объявила о решении остаться нейтральной, сохранить дружеские отношения со всеми великими державами и развивать добрые отношения с соседними странами¹³. Это, по словам А. Крецяну, было использовано германским посланником в Бухаресте, чтобы потребовать от румынского правительства более четко определить свою позицию¹⁴. О германском нажиме на Румынию сообщал в Рим и итальянский посланник в Бухаресте П. Гиджи¹⁵. И хотя Греция и Турция, как члены Балканской Антанты, правда, расположенные дальше, чем Румыния, от границ рейха, пока отказывались объявить о своем нейтралитете, подчеркивая тем самым свои симпатии делу союзников, румынские правители решили, не откладывая в долгий ящик, «уточнить» свое прежнее решение.

В связи с этим 6 сентября в одном из королевских дворцов в пригороде Бухареста — Котрочень состоялось созванное Каролом II заседание Коронного совета. На

¹² АМАЕ, *op. cit.*, f. 2. Калинеску имел в виду традиционный нейтралитет Швейцарии, Дании и Голландии.

¹³ «Le Temps», 6.IX 1939.

¹⁴ *Al. Cretzianu. The lost opportunity.* London, 1957, p. 29.

¹⁵ «Documenti diplomatici italiani» (далее — DDI), nona serie, 1939—1945, vol. I. Roma, 1954, p. 36, 60.

заседании присутствовали почти все королевские советники¹⁶, а также А. Калинеску, Г. Гафенку и министр двора, ближайший сподвижник Кароля II — Эрнест Урдэряну. Участники заседания являлись не только прожженными политиками, но, за редким исключением, и крупнейшими капиталистами. Многие из них (К. Арджетоюну¹⁷, Ал. Вайда-Воевсд¹⁸, Г. Г. Миронеску¹⁹ и др.) были тесно связаны с иностранными монополиями. Хотя все они носили одинаковую форму реакционного «Фронта национального возрождения», единственно дозволенной политической организации, никакого единства взглядов между ними не существовало, так как они представляли различные интересы и политические течения в румынских правящих кругах. Лишь в одном члены Коронного совета были едины — в ненависти к СССР и к революционному движению румынских рабочих и крестьян.

¹⁶ Королевский советник — звание, учрежденное в конце марта 1938 г. Каролем II после установления режима королевской диктатуры. Оно присваивалось бывшим премьер-министрам и другим реакционным политическим, военным и общественным деятелям. Решения Коронного совета носили консультативный характер, но оказывали определяющее влияние на политику страны.

¹⁷ К. Арджетоюну (1871—1952) был известен как мастер политических интриг. После того как побывал членом почти всех буржуазных партий (кроме крайне правых) и министром многих правительств, Арджетоюну создал свою численно небольшую «Аграрную лигу». Однако его личный политический вес не шел ни в какое сравнение с весьма незначительным влиянием его партии. Арджетоюну входил в состав первого правительства королевской диктатуры, затем был назначен королевским советником, председателем Высшего экономического совета и избран председателем сената. Был сторонником сближения Румынии с фашистской Германией, так как считал, что Великобритания и Франция не будут оказывать сопротивления гитлеровской агрессии.

¹⁸ А. Вайда-Воевод неоднократно был премьером румынского правительства. Долгое время являлся одним из лидеров национал-царанистской партии. Покинул ее в 1935 г. Махровый реакционер, он еще в 1938 г. в конфиденциальном письме Каролю II требовал, чтобы Румыния заключила союз с гитлеровской Германией, объясняя, что в таком случае «опасность большевизации не будет угрожать будущему страны».

¹⁹ Г. Миронеску был одним из крупных промышленников страны, в прошлом — членом многих буржуазных партий. В качестве одного из лидеров национал-царанистской партии он занимал различные министерские посты и был в 1930—1931 гг. премьером румынского правительства. В 1935 г. вышел из этой партии и стал «беспартийным».

На заседании Совета выступили почти все присутствующие²⁰, а на второй день было издано специальное коммюнике, в котором констатировалось одобрение дипломатической деятельности правительства и принятых им мер по охране государственных границ. Далее в коммюнике говорилось: «Совет единогласно решил строго соблюдать правила нейтралитета, выработанные международными конвенциями по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте»²¹.

Это решение Коронного совета давало гитлеровцам гарантии, что румынское правительство ничего не предпримет против интересов Германии и не окажет помощи Польше. Опираясь на это заявление о нейтралитете, гитлеровцы под предлогом «нарушения» международного права имели основания добиваться от румынского правительства принятия выгодных им мер. Вполне понятно, что Фабрициус, как сообщал в Рим Гиджи, заявил о полном удовлетворении принятым Коронным советом решением²².

Весьма характерно, что, провозглашая нейтралитет, Румыния не расторгла ни один из политических или экономических договоров, связывающих ее с воюющими между собой державами.

Как явствует из протокола заседания Коронного совета, немалое место во время дебатов по вопросам внешней политики страны заняли советско-румынские отношения. Г. Татареску напомнил присутствующим о существовании румыно-польского договора²³ и заявил, что не исключает в будущем необходимости его вступления

²⁰ См. об этом подробнее: *Б. М. Колкер. К вопросу о провозглашении Румынией нейтралитета в начале второй мировой войны. «Известия АН МССР», 1966, № 2, стр. 25—31.*

²¹ «Universul», 8.IX 1940.

²² DDI, пона serie, vol. I, doc. 88, p. 60.

²³ Румыно-польский союз был важным звеном в системе «санитарного кордона», созданного под эгидой западных империалистов. В 1926 г. румыно-польский договор, заключенный в 1921 г. на пять лет, был продлен еще на один срок. Одновременно была подписана военная конвенция, содержащая обязательства сторон в случае войны с СССР оказывать друг другу помощь всеми своими вооруженными силами. С 1931 г. договор стал практически бессрочным, так как участники договорились автоматически считать его продленным, если одна из сторон после очередного пятилетнего срока не объявляла о его расторжении.

в действие²⁴. Это выступление носило откровенно анти-советский характер. Сменивший его К. Арджетоюну заявил, что в разразившейся войне трудно предугадать, какая из сторон выйдет победителем. «Уверенность имеется только в одном вопросе,— продолжал он,— После войны останется огромная держава — Россия. Кто бы ни одержал победу, Германия или англо-французы, будет ли еще достаточно энергии на Западе, чтобы удержать Россию?» Арджетоюну боялся, что Советский Союз, оставшийся вне войны, усилится, в то время как империалистические державы будут ослаблены и в них станет бурно расти революционное движение. Из этого анализа Арджетоюну пытался сделать выводы для Румынии. «Мы,— говорил он,— не должны враждовать с Россией. Мы должны присмотреться к России. Она является на сегодняшний день победительницей, поэтому я требую установления нормальных отношений с Россией. Мы должны добиваться объяснения и сближения с ней»²⁵. Несмотря на такое заявление, Арджетоюну, как, кстати, и остальные участники заседания Коронного совета, фактически не представил никакого конкретного плана улучшения отношений с СССР.

Это, собственно, и не предусматривалось планами правителей буржуазно-помещичьей Румынии. Хорошо осведомленный в делах румынского МИДа, его бывший генеральный секретарь А. Крецяну в конфиденциальном докладе, составленном 4 марта 1941 г. по поручению И. Антонеску, отмечал, что в начале войны при определении позиции Румынии существовали три возможности: 1) присоединение к англо-франко-польскому блоку, 2) переход на сторону гитлеровской Германии и 3) абсолютный нейтралитет, который означал бы отказ от англо-французских гарантий 13 апреля 1939 г.²⁶ Следовательно, румынские правители и не помышляли всерьез об улучшении отношений с Советским Союзом.

Необходимо отметить, что в эти дни нашелся лишь один румынский буржуазный деятель, который указал на новый путь для румынской внешней политики. Но

²⁴ АМАЕ, *cazierul* 9, vol. 61. Consiliul de la Cotroceni din 6 septembrie 1939, f. 5.

²⁵ Ibidem, f. 7.

²⁶ Ibidem, *Evoluția relațiilor anglo-române*, f. 15.

из-за преследований со стороны правительства и угрозы фашистской «Железной гвардии» он находился в изгнании. Это был бывший румынский министр иностранных дел Н. Титулеску²⁷, смещенный со своего поста в августе 1936 г. за попытку заключить договор о взаимопомощи с СССР. При всей своей неприязни к коммунизму Н. Титулеску понимал, что добрососедские отношения с СССР являются жизненной необходимостью для Румынии. После начала второй мировой войны он направил Каролю II конфиденциальный доклад о состоянии румыно-советских отношений. В своей записке он подчеркивал правильность и выгодность для Румынии проводимой им ранее политики сближения с СССР²⁸. Далее Титулеску указывал, что еще сейчас (после начала второй мировой войны) не поздно и возможно заключение договора о взаимопомощи с Советским Союзом²⁹. Румынский монарх даже не ответил на это послание. Правители Румынии пренебрегли предостережением одного из способнейших представителей своего класса, которого они ненавидели именно потому, что он видел дальше и лучше их. Они избрали другой путь.

Именно в эти первые дни войны румынское правительство предприняло ряд антисоветских акций. Еще до

²⁷ В историю румынской дипломатии Н. Титулеску вошел как последовательный защитник версальской системы. Долгие годы был посланником Румынии в Англии и ее постоянным представителем в Лиге Наций. Являясь сторонником добрососедских отношений с Советским Союзом, Н. Титулеску вместе с тем в интересах господствующих классов Румынии добивался отказа СССР от Бессарабии. В 1932 г. его действия в этом направлении привели к срыву переговоров о заключении советско-румынского пакта о ненападении (см. *Я. М. Копанский, И. Э. Левит. Позиция королевской Румынии по вопросу о заключении пакта о ненападении с СССР и подписании конвенции об определении агрессора (1932—1933 гг.). «Балканский исторический сборник», I. Кишинев, 1968*). Впоследствии он активно поддерживал идею создания системы коллективной безопасности с участием СССР, способствовал установлению в июне 1934 г. дипломатических отношений между двумя странами (см. *Я. М. Копанский, И. Э. Левит. К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией (июнь 1934 г.) «Русско-румынские и советско-румынские отношения». Кишинев, 1969*).

²⁸ Arhiva Centrală a Institutului de științe istorice și social-politice de pe lângă CC al PCR (далее — ACISISP), dosar special, Raportul lui N. Titulescu către Carol al II-lea, f. 2.

²⁹ Ibidem, f. 4.

заседания Коронного совета А. Калинеску принял посла Франции в Бухаресте А. Тьерри и передал ему так называемую «инструкцию», якобы разосланную ВКП(б) всем коммунистам Восточной Европы. В этой фальшивке, неграмотно составленной румынской сигуранцей, говорилось, что Советский Союз отказался от заключения англо-франко-советского договора, так как таковой мог укрепить буржуазию, и приводились другие подобного рода нелепости. Содержание этого, с позволения оказать, «документа» было немедленно переслано (6 сентября 1939 г.) Тьерри в Париж³⁰.

На антисоветской основе, как явствует из документов о пребывании И. Джигурту в Берлине, правители Румынии продолжали строить свои отношения и с Германией. Сразу же после Коронного совета этот крупный промышленник, бывший член профашистского правительства О. Гоги, был направлен под видом частного визитера в Берлин для объяснения сущности объявленного нейтралитета. 9 сентября 1939 г. он был принят Герингом. Джигурту заверил Геринга, что Германия может доверять Румынии, так как занятая ею позиция соответствует экономическим и политическим интересам третьего рейха. Он подчеркнул, что экономика Румынии и Германии друг друга дополняют, а с политической точки зрения Румынии нужна сильная Германия, чтобы «сдерживать» Россию³¹. Все это говорило о том, что разговоры о необходимости нормализации отношений с СССР ничего не стоили. Румынские правящие круги никаких эффективных мер в этом направлении не собирались принимать, придерживаясь прежней враждебной Советскому Союзу линии.

Общественному мнению Румынии не были известны интриги и махинации реакционных политических деятелей. Оно осуждало нападение гитлеровцев на Польшу и варварские бомбардировки польских городов и сел.

Передовые рабочие, патриотически настроенная интеллигенция, многие рядовые члены распущенных на-

³⁰ См. *Georges Bonnet. Défense de la paix. Fin d'une Europe. Gèneve, 1948, p. 411—412.* Ж. Бонне — один из соучастников мюнхенского сговора, в то время занимал пост министра иностранных дел Франции.

³¹ АМАЕ, *cazierul 86, vol. 41, Relațiile româno-germane. Telegrama din Berlin din 11 septembrie 1939.*

ционал-царанистской, социал-демократической и радикал-царанистской партий понимали, что тяжелая участь Польши может постигнуть и их родину.

Находившаяся в глубоком подполье Коммунистическая партия Румынии призывала к борьбе против гитлеровского фашизма. «Румынские коммунисты,— указывалось в передовой статье газеты «Скынтейя»,— клеймят палаческую агрессию Гитлера против польского народа и возглавят борьбу народов Румынии против фашистской империалистической Германии»³². КПР призывала к дружбе с Советским Союзом, подчеркивая решающую роль Советской державы в деле защиты народов от империалистических происков³³, к свержению королевской диктатуры и созданию правительства, которое в состоянии спасти независимость страны от посягательств империалистов и вести страну по пути подлинного сотрудничества с СССР и балканскими народами³⁴.

Но правящие круги королевской Румынии в своей ненависти к стране социализма и в страхе перед ее революционизирующим воздействием на румынских трудящихся продолжали свою старую антисоветскую политику, стараясь найти ей поддержку как в одном, так и в другом империалистических блоках. Эта политика, конечно, не облегчила положение румынского государства. Наоборот, она вынуждала идти на все новые уступки гитлеровскому рейху, полчища которого быстро захватили союзную Румынии Польшу.

Уже в ходе переговоров с представителем Германии по экономическим вопросам К. Клодиусом, который прибыл в Бухарест 16 сентября 1939 г., министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку поспешил заверить Клодиуса, что все поднятые им в ходе дискуссии экономические и финансовые вопросы можно будет решить³⁵.

³² «Scinteia», 8.IX 1939.

³³ ACISISP, fond 1, dosar 226. f. 55. Manifest din septembrie, 1939.

³⁴ ACISISP, Cota A, XXIII—22, № inventarului 1034 (Manifest al CC PCR din septembrie 1939).

³⁵ Клодиус заявил, что Германия будет уважать нейтралитет Румынии и не возражает против сохранения ею своих связей со всеми воюющими странами, но подчеркнул, что было бы хорошо, чтоб эти связи «не развивались во вред нормальным отношениям, которые существуют и будут развиваться между Румынией и Германией». В связи с этим Клодиус указал, что закупки англо-французами

Как явствует из записи этой беседы, румынский министр подчеркнул «общие интересы Германии и Румынии в устьях Дуная»³⁶. Этим заявлением Гафенку повторил старый антисоветский тезис румынских правящих кругов о роли Румынии как «стража» западной цивилизации на востоке Европы. Оно перекликалось с вышеупомянутым заявлением Джигурту Герингу 9 сентября 1939 г. и свидетельствовало о стремлении румынского правительства добиться разъяснений по вопросу о том, в какой мере гитлеровская Германия намерена продолжать свою антисоветскую линию, которой она открыто придерживалась до заключения договора о ненападении с СССР.

В этот же день Клодиус был принят премьер-министром Калинеску, который просил его о дополнительных поставках немецкого оружия за счет увеличения поставок нефти, зерна и другой румынской продукции. Калинеску подчеркнул «политическое значение подобных соглашений в такое время и добавил, что своим предложением он желает доказать Германии свою добрую волю»³⁷.

Своей инициативой румынское правительство как бы подчеркивало необходимость поддержания гитлеровской Германией территориальной целостности страны, которая охотно не только уважает заключенные соглашения, но сама предлагает подписание новых выгодных экономических контрактов.

Антисоветский характер румынской внешней политики еще больше усилился после того, как 17 сентября 1939 г. советские войска приступили к освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии. В тот же день Советское правительство направило румынскому посланнику в Москве копию ноты, врученной им польскому послу, с объяснением причин, заставивших СССР принять это важное решение, и заявило ему о своем

румынской нефти и продовольствия не должны мешать снабжению этими товарами Германии. Гитлеровский представитель также намекнул на «трудности» с переводом валюты в оплату поставок румынских товаров (АМАЕ, *cazierul* 86, *problema* 71/1939, vol. 41, *Notă asupra convorbirii lui Gr. Gafencu cu Clodius din 16 septembrie 1939*).

³⁶ Ibidem.

³⁷ DGFP, series D, vol. VIII. London, 1954, doc. 74, p. 73.

решении проводить политику нейтралитета в отношении Румынии³⁸.

Освободительный поход советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию имел огромное значение не только с точки зрения государственных и национальных интересов СССР. Благодаря этому уменьшилась и возможность оккупации Румынии гитлеровскими войсками, так как Германия была лишена общей с ней границы. Даже буржуазная печать Запада, враждебно настроенная к СССР, вынуждена была отметить этот факт. Еженедельник «Еуроп нувель», близко стоявший к французскому правительству, подчеркивал: «После исчезновения Польши — и этот термин надо использовать, чтобы рассмотреть с открытыми глазами положение Румынии в ближайшем будущем — занятие русскими войсками старой польско-румынской границы уменьшает, возможно, боязнь немецкой агрессии»³⁹. Официоз французского МИДа «Тан» также отмечал, что советские войска «перерезали немцам путь в Румынию, в нефтяной район, ко всем богатствам, которых нацистская Германия жаждет в юго-восточной части континента»⁴⁰. Еще одна французская газета, реакционная «Ордр», писала, что много румын, которые замечали, что Германия угрожает их родине, увидели без недовольства и даже с облегчением, «как Советская Армия вступила в Южную Польшу и установила заслон между рейхсвером (в тексте, видимо, ошибка. Имеется в виду вермахт.— Б. К., И. Л.) и королевством пшеницы и нефти»⁴¹.

Следует также сказать, что освобождение Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии позволило румынскому правительству сравнительно спокойно разделаться с железногвардейским путчем, начавшимся 21 сентября 1939 г. убийством вооруженной группой этой организации премьер-министра А. Калинеску⁴². А. Крецяну, по-видимому, не без оснований от-

³⁸ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV. М., 1946, стр. 448—449.

³⁹ «L'Europe nouvelle», 23.IX 1939, p. 1052.

⁴⁰ «Le Temps», 22.IX 1939.

⁴¹ «L'Ordre», 22.IX 1939.

⁴² Подробно о «Железной гвардии» и ее взаимоотношениях с королевской диктатурой см.: Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968.

мечает, что покушение на Калинеску и захват румынского радиоцентра железнодорожниками должны были служить предлогом для вступления немецких войск в Румынию в целях «восстановления порядка», но что этому помешал тот факт, что не гитлеровские, а советские войска заняли бывшую польско-румынскую границу⁴³. Как писал официоз французского министерства иностранных дел, убийство Калинеску доказывает, что наиболее преданные гитлеризму элементы в Румынии потеряли в результате занятия советскими войсками польско-румынской границы надежду на оккупацию страны немцами⁴⁴.

Гитлеровские главари не могли не отдавать себе отчета в том, что освобождение Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии является сильным ударом по агрессивным планам Германии в Юго-Восточной Европе. Старый нацист, министр сельского хозяйства Германии Вальтер Дарре говорил с горечью Розенбергу, что, лишив границы с Румынией, враги рейха добились одной из своих целей: «держат нас (Германию.— Б. К., И. Л.) ралеко от Черного моря»⁴⁵.

Как же реагировало румынское правительство на вступление советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию? Характерным для его позиции было официальное коммюнике от 18 сентября 1939 г. «Особые условия, в которых произошли события 17 сентября в Польше,—говорилось в нем,—и то обстоятельство, что польское правительство попросило румынское правительство предоставить гостеприимство главе государства и его министрам, которые перешли на нашу территорию, указали Румынии на необходимость дальнейшего соблюдения строгого нейтралитета по отношению к нынешним воюющим странам»⁴⁶. Таким образом, румынское правительство и сейчас еще формально не расторгло антисоветский договор с Польшей, а лишь объясняло его невступление в действие объективными причинами.

⁴³ *Al. Cretzianu. The lost opportunity*, p. 33.

⁴⁴ «Le Temps», 23.IX 1939.

⁴⁵ «Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40». Göttingen, 1956, S. 79.

⁴⁶ «România», 20.IX 1939.

В создавшейся обстановке правители Румынии решили прибегнуть к маневру. 17 сентября состоялось совещание Кароля II, Калинеску и Гафенку, на котором было решено предложить СССР заключить договор о ненападении с Румынией⁴⁷. В тот же день Гафенку отправил инструкции румынскому посланнику в Москве Н. Диану, в которых говорилось о желании правительства усилить экономические связи с СССР. Он предлагал посланнику подчеркнуть, что «сейчас, когда опасность немецко-советского конфликта устранена, у нас имеется возможность улучшить наши соседские отношения и выяснить наши общие интересы на суше и в Черном море»⁴⁸. Этим самым Гафенку признал, что в определении своей прежней политики по отношению к СССР румынское правительство в значительной мере равнялось на Германию. Вместе с тем Гафенку инструктировал посланника не делать формально предложения о заключении договора о ненападении до того, как он узнает намерения СССР. Кстати говоря, предложение о заключении договора о ненападении так и не было сделано румынскими правителями.

⁴⁷ АМАЕ, А. *Călinescu*. *Insemnări zilnice*, p. 581. Сообщая о том, что Кароль II высказал 17 сентября 1939 г. согласие с предложением Калинеску заключить договор о ненападении с СССР, румынские историки Г. Захария и А. Петри утверждают, что «создавшееся внешнее положение и ускоренный ход последующих событий сделали невозможным подобное сближение, для которого существовали подходящие условия в 1936 г. и даже в первые месяцы 1939 г.» («Analele...», 1966, № 2—3, p. 139). Как известно, в 1936 г. велись переговоры о заключении договора о взаимной помощи между обеими странами, а 18 марта 1939 г. СССР сделал предложение о созыве совещания представителей Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и Советского Союза для обсуждения вопроса о мерах, направленных на предотвращение нападения гитлеровской Германии на Румынию. Однако 19 марта 1939 г. румынское правительство высказалось против системы коллективной безопасности на основе пакта о взаимной помощи с участием СССР (Gh. Zaharia, A. Petri. *Aspects de la politique extérieure de la Roumanie durant les années qui précéderent la deuxième guerre mondiale*. «Nouvelles études d'histoire», vol. III. Bucarest, 1965, p. 411). Таким образом, в обоих случаях речь шла о заключении договора о взаимопомощи, в то время как в сентябре 1939 г. Калинеску думал о договоре о ненападении, что не одно и то же. Следует напомнить, что именно Калинеску возглавлял румынское правительство в марте 1939 г. и что в свое время он выступал против политики Титулеску.

⁴⁸ АМАЕ, *cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Telegramme № 57920 din 17 septembrie 1939.*

В заключение обращалось внимание Диану на необходимость поддерживать самый тесный контакт с прибывающим в Москву министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу, который якобы будет интересоваться и отношением Советского правительства к Румынии.

На самом же деле столь быстрый распад польского панского государства ничему не научил румынские правящие круги, не заставил их искать новых путей для внешней политики страны, добиваться подлинно хороших отношений с СССР. Вместо того чтобы оценить объективно положительное значение для Румынии заслона, созданного на пути гитлеровской экспансии, румынские правители продолжали упорствовать в своей антисоветской политике.

В связи с событиями 17 сентября Калинеску развил бурную дипломатическую деятельность. 19 сентября он принял сначала представителей Франции и Великобритании, затем Германии и Италии и стал их запугивать пресловутой «советской угрозой»⁴⁹. Калинеску подчеркнул, что создавшееся положение следует рассматривать «с особенным беспокойством». Сохранилась еще одна запись беседы с французским послом Тьерри и английским посланником Хором этого дня, продиктованная им самим: «Я им выразил серьезную озабоченность, вызванную в Румынии продвижением Советов в центр Европы и социальной опасностью, которая может возникнуть в результате усиления коммунистической агитации»⁵⁰.

Даже представители западных держав, которых никак нельзя заподозрить в симпатии к Советскому Союзу, сочли своим долгом указать румынскому премьеру, что разгром Германии является главным вопросом и что Советский Союз может явиться в будущем ценным союзником в борьбе против нее⁵¹. Их заявление, однако, не оказало никакого влияния на румынских правителей.

21 сентября Гафенку принял итальянского посланника в Бухаресте Гиджи и сделал ему весьма примечатель-

⁴⁹ АМАЕ, cazierul 86, vol. 41, Notă asupra convorbirii avute în ziua de 19 septembrie 1939 de d. prim-ministru cu miniștrii Franței, Angliei, Germaniei și Italiei.

⁵⁰ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Notă asupra convorbirii lui A. Călinescu cu ambasadorul Franței și ministrul Angliei la 19 septembrie 1939.

⁵¹ Ibidem.

ное заявление. В нем говорилось: «Польша и Румыния выполняли до сих пор функцию барьера против большевизма. Румыния не сможет впредь выполнять одна эту функцию»⁵². Спекулируя на стремлениях итальянского фашизма занять главенствующую роль в борьбе против коммунизма, Гафенку разглагольствовал по поводу «опасности для европейской цивилизации», которую представляет Советский Союз. В своем донесении Г. Чиано об этой беседе Гиджи сообщал, что «Гафенку меня просил, чтобы оно (сделанное им сообщение — *Б. К., И. Л.*) хранилось в тайне, так как сложившееся серьезное положение вынуждает румынское правительство к максимальной осторожности по отношению к России и заставляет его искать путей к улучшению отношений, вплоть до заключения договора о ненападении, если это только будет возможно». Таким образом, подтвердилось, что предложение о заключении договора о ненападении, которое фактически и не было сделано, являлось лишь маневром со стороны румынского правительства, продолжавшего искать союзников на случай, если Советский Союз предъявит свои законные права на Бессарабию.

В этом направлении делались усиленные попытки заручиться и поддержкой гитлеровской Германии. 21 сентября, когда румынского министра иностранных дел посетил Фабрициус, чтобы поблагодарить от имени своего правительства за «строгое» соблюдение Румынией нейтралитета, Гафенку, воспользовавшись случаем, выразил надежду на то, что Германия в создавшейся обстановке будет считаться «со своими большими интересами, которые ее связывают с нашими (румынскими.— *Б. К., И. Л.*) восточными границами, с немецким населением Бессарабии и с устьями Дуная». Намек был ясный. Гафенку опять напомнил о том, что «у устьев Дуная интересы Румынии полностью соответствуют немецким интересам»⁵³. Таким образом румынское правительство пыталось доказать гитлеровцам, что оно по-прежнему занимает твердую антисоветскую позицию. Во время беседы с Фабрициусом Гафенку сделал очень важное признание. Он заявил, что если отношения Румынии с СССР далеки от

⁵² DDI, nona serie, vol. I, doc. 370, p. 226.

⁵³ AMAE, cazierul 86, vol. 41. Telegrama cifrată N 59159 din 21 septembrie 1939 la Berlin semnată de Gafencu.

того, чтобы быть дружественными, то это объясняется ее лояльностью по отношению к Германии в соответствии с устной договоренностью, достигнутой с Гитлером, Герингом и Риббентропом во время его, Гафенку, визита в Берлин в апреле 1939 г. В заключение румынский министр спросил германского посла, может ли Румыния «...рассчитывать на дружественную поддержку Германии, чтобы не иметь никаких неприятностей со стороны России?» Этот вопрос носил провокационный характер.

Беседа Гафенку с Фабрициусом еще раз подтвердила, что заявление Джигурту, сделанное 9 сентября Герингу о значении для Румынии «сильной Германии», было не его личным мнением, а отражало антисоветскую позицию румынских правящих кругов.

Лишним доказательством этого тезиса может служить и статья-интервью Джигурту, появившаяся 22 сентября 1939 г. в утреннем выпуске «Берлинер берзенцайтунг», считавшейся рупором гитлеровского МИДа. Статья носила явный прогитлеровский характер и своим содержанием разоблачала неуклюжую попытку Гафенку представить визит Джигурту в Германию как «частный». «Я имел оказию изложить ему (Герингу.— *Б. К., И. Л.*) внешнеполитическое положение Румынии и выразить ее непреклонную волю к абсолютному нейтралитету в нынешнем конфликте»⁵⁴, — писал этот «частный» визитер, являвшийся, кроме всего прочего, заместителем председателя румынской палаты депутатов. Джигурту еще раз повторил излюбленный тезис румынской реакции об «европейской миссии» его страны в устьях Дуная. Осваивая гитлеровский жаргон, он заявлял: «Мы надеемся, что в грядущем европейском новом порядке миссия Румынии найдет свое признание. Рейх безусловно заинтересован в сильной позиции нейтральной Румынии, так же как и Румыния заинтересована в сильной Германии». Высказывание Джигурту свидетельствовало о новой попытке румынских правящих кругов сблизиться с гитлеровской Германией на антисоветской основе. Эту тенденцию отметил и итальянский посланник в Бухаресте. 25 сентября он сообщал в Рим, что германские представители в Румынии убеждены, что обстановка стала «для них благоприятна. Мирное сотрудничество с Румынией является

⁵⁴ «Berliner Börsenzeitung», 22.IX 1939. Morgenausgabe.

при нынешнем состоянии дел намного выгоднее Германии, чем, возможно, даже завоевание [ее] без усилий»⁵⁵.

Прояснился в эти дни еще один весьма важный вопрос. Как известно, англо-французские гарантии были предоставлены Румынии незадолго после захвата гитлеровцами Чехословакии, в момент, когда и ей угрожало нападение со стороны Германии. Почему же румынское правительство, делающее уступки рейху и заявившее о своем желании соблюдать нейтралитет, не отказалось от этих гарантий? Это может показаться тем более странным, что Великобритания и Франция не оказали никакой поддержки Польше в ее борьбе против гитлеровской агрессии, хотя были связаны с нею договорами о взаимной помощи. Дело в том, что румынское правительство с самого начала получения гарантий считало их не столько оружием против экспансии Гитлера, с которым оно заключило 23 марта 1939 г. кабальный экономический договор, сколько подспорьем для продолжения антисоветского курса своей внешней политики. После начала второй мировой войны и разгрома Польши румынские правители решили использовать полученные ими гарантии в борьбе против так называемой «советской опасности».

28 сентября 1939 г. Гафенку попросил французского посла в Бухаресте узнать в Париже, как поступят Франция и Великобритания, если в случае военного конфликта с СССР Румыния потребует от них выполнения гарантий. «Вступят Франция и Великобритания в войну против России? Сумеют они нам (Румынии. — Б. К., И. Л.) обеспечить эффективную помощь путем присылки эскадрилий в страну и англо-французского флота в Черное море?»⁵⁶ — спрашивал Гафенку.

Посол Тьерри заявил Гафенку, что тезис румынских «пацифистов», как он их назвал, о том, что перед лицом «русской опасности» западные державы должны как можно быстрее заключить мир с Германией, не найдет в этих странах сторонников, так как подобный мир усилил бы Германию и ослабил Великобританию и Францию. В ответ на это румынский министр сделал ар-

⁵⁵ DDI, nona serie, vol. I, doc. 430, p. 257.

⁵⁶ AMAE, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Notă asupra Convorbirii dintre G. Gafencu și A. Thierry la 28 septembrie 1939.

хиреакционное заявление, которое он приводит в составленной им записи беседы: «Поражение Германии не решит проблему Европы. За спиной Германии поднялась Россия... Поэтому после победы над Германией потребуются новая победа над Россией. В связи с этим они (Франция и Великобритания.— Б. К., И. Л.) обязаны взвесить шансы на окончательную победу и... учесть все эти факты»⁵⁷.

Заявление Гафенку являлось по существу призывом к западным державам заключить немедленный мир с гитлеровской Германией и вместе с ней выступить против Советского Союза. Акция Гафенку была как бы продолжением деятельности Джигурту в Берлине, где он также призывал западные державы к немедленному заключению мира с Германией⁵⁸.

Ведя коварную антисоветскую внешнюю политику, румынские правящие круги в то же время старались маскировать ее при помощи ничего не значащих заявлений. В тот же день, когда Гафенку беседовал с Тьерри и выразил сокровенные надежды румынских правящих кругов, состоялась его встреча с поверенным в делах СССР в Бухаресте П. Куколевым. Во время этой встречи Гафенку выразил надежду, что визит турецкого министра иностранных дел Сараджоглу в Москву закончится с пользой для всех государств Балканской Антанты⁵⁹. Глава румынского дипломатического ведомства «забыл» все свои антисоветские переговоры с представителями западных империалистических держав и заявил, что Румыния стремится к укреплению отношений с СССР путем прямых контактов и что румынское правительство всегда добивалось прямых переговоров с Советским Союзом без посредничества Германии, Франции или Великобритании. Заявление Гафенку являлось новым свидетельством лицемерия румынских правящих кругов, не только не отступивших от своей антисоветской позиции, но и усиливших ее.

В день, когда Гафенку вел эти переговоры, в Румынии было сформировано новое правительство. Генерал

⁵⁷ Ibidem.

⁵⁸ «Berliner Börsenzeitung», 22.IX 1939, Morgenausgabe.

⁵⁹ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9, Notă asupra convorbirii dintre G. Gafencu și Kukoliev la 28 septembrie 1939.

Г. Арджешану, который без его ведома был назначен премьер-министром в день убийства Калинеску, 21 сентября 1939 г., выполнив задачу подавления железногвардейского путча, подал в отставку. При этом в ходе подавления путча румынские правящие круги стремились скрыть всем известную связь между убийцами премьер-министра и гитлеровской Германией. И это не случайно. Дело в том, что зверская расправа легионеров с Калинеску не поколебала решимости румынских правителей сблизиться с гитлеровской Германией на антисоветской основе. Поэтому было решено новым премьер-министром назначить лицо, пользующееся симпатией гитлеровских главарей. В то же время надо было поставить во главе правительства опытного политического деятеля, врага революционного движения и Советского Союза, который сумел бы смягчить ярость железногвардейцев после репрессий, проведенных правительством Арджешану, и в случае надобности начать подготовку сотрудничества с ними. За два дня до начала войны с Польшей гитлеровцы высказали открыто свои пожелания на этот счет. В «Фёлькишер беобахтер» была опубликована небольшая заметка о том, что Калинеску якобы уходит в отставку и будет заменен К. Арджетоюну или А. Вайдой-Воеводом⁶⁰. Оба деятеля были известны как ярые реакционеры, поддерживающие дружественные отношения с Германией, оба были воинственными антикоммунистами. Приход к власти А. Вайды, возглавлявшего официальную румынскую делегацию на праздновании 50-летия Гитлера и выступившего затем с открытым восхвалением нацизма и его «достижений», был бы расценен как открытый переход Румынии на сторону гитлеровской Германии. На это, пока исход борьбы между двумя империалистическими блоками был неясен, король и его камарилья не решались.

Иначе обстояло дело с Арджетоюну. Он никогда не афишировал свою политическую близость с руководителями Германии, выполняя лишь неофициальные поручения Кароля II в Берлине. Во внутренней политике Арджетоюну был сторонником авторитарного режима, но по отношению к фашистской «Железной

⁶⁰ «Völkischer Beobachter», 30.VIII 1939.

гвардии» придерживался осторожности. Поэтому выбор остановился на нем. Арджетоюну внес незначительные изменения в состав правительства. Г. Гафенку остался министром иностранных дел. Хотя между ним и премьер-министром были не лучшие отношения, но присутствие Гафенку было необходимо, чтобы Арджетоюну мог заявить, что Румыния будет и впредь идти по пути строжайшего нейтралитета⁶¹.

Не успели новые министры принести присягу, как 29 сентября было подписано новое румыно-германское торговое соглашение, намного увеличившее поставки румынских товаров (нефть, пшеница, кукуруза, рожь, мясо и т. д.) в Германию⁶². Этот факт сам по себе свидетельствовал о весьма одностороннем подходе к вопросу о нейтралитете, так как увеличение поставок остродефицитных товаров содействовало усилению гитлеровской военной машины. Гитлеровцы получили также заверение премьер-министра, что в скором будущем будет удовлетворена и их просьба о повышении стоимости марки. Клодиус сообщал в Берлин, что Арджетоюну, который известен много лет как друг Германии, не может начать свою деятельность с повышения курса немецкой валюты, так как это было бы политически невыгодно.

30 сентября новый премьер-министр принял итальянского посланника Гиджи и изложил ему свою позицию по основным внешнеполитическим вопросам. Как докладывал Гиджи в Рим, Арджетоюну заявил, что «...продолжение войны пойдет на пользу лишь коммунизму и славянству, которые уже достигли сердца Европы,— и добавил,— что необходимо убедить Францию и Англию, чтобы они не сходили с ума, упорствуя в своей непреклонности». Таким образом, став премьер-министром, Арджетоюну, который совсем недавно на Коронном совете ратовал за улучшение отношений с СССР, забил тревогу по поводу усиления могущества Советского Союза, призывал во имя борьбы с коммунизмом к примирению враждующих империалистических держав. Арджетоюну заверял фашистское правительство Италии, что Румыния готова оказать любую помощь «делу мира», которому посвятил себя Муссолини «во имя спасения Европы».

⁶¹ «România», I.X 1939

⁶² DGFP, series D, vol. VIII. London, 1954, doc. 166, p. 172 173.

Гитлеровские правители были удовлетворены позицией Румынии. В беседе с графом Чиано 1 октября 1939 г. Гитлер заявил, что Румынии не угрожает никакая опасность, пока она будет соблюдать «строгий» нейтралитет⁶³. Под этим Гитлер подразумевал благосклонную к Германии позицию, занятую румынским правительством. В то же время гитлеровские дипломаты распускали слухи о том, что Германия «заступилась» за Румынию перед Советским Союзом, который якобы намеревался на нее напасть. Гитлеровский посол при Ватикане сообщил «доверительно» румынскому послу, бывшему министру иностранных дел Н. Петреску-Комнену, что Риббентроп якобы ходатайствовал за Румынию в Москве⁶⁴. Такие же «доверительные» беседы вел в Анкаре Ф. фон Папен с посланником Югославии, который тут же поделился этими сведениями с румынским послом В. Стойкой⁶⁵. Румыния не нуждалась, конечно, в покровительстве гитлеровцев.

Советский Союз всегда проводил последовательно и неуклонно политику мира и добрососедских отношений с сопредельными странами, в том числе и с Румынией, неоднократно предлагая расширить и улучшить взаимоотношения между обоими государствами. Советское правительство не только сообщило Румынии о своем желании проводить политику нейтралитета по отношению к ней, но выразило также и свои добрые намерения. Румынский посланник в Брюсселе еще 23 сентября сообщал, что советский полпред в Бельгии заверил его, что СССР не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Румынии и никогда не даст согласия на захват Германией Черного моря⁶⁶. Подобные заверения поступали также из других мест⁶⁷. В этих условиях гитлеровским представителям было нетрудно приписывать своему заступничеству миролюбивую позицию Советского Союза.

⁶³ DDI, nona serie, vol. I, doc. 552, p. 337; DGFP, series D, vol. VIII, doc. 176, p. 192.

⁶⁴ AMAE, cazierul 86, vol. 41. Raportul N 725 din 9 octombrie 1939.

⁶⁵ Ibidem, Telegrama cifrată N 60787 din 29 septembrie 1939 semnată de V. Stoica.

⁶⁶ Ibidem, Telegrama cifrată N 59721 din 23 septembrie 1939 de la Bruxelles.

⁶⁷ Ibidem, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9, Telegrama N 62463 din 5 octombrie 1939 de la Berlin.

ГЛАВА II

КРАХ ПОПЫТОК СОЗДАНИЯ АНТИСОВЕТСКОГО БЛОКА «НЕЙТРАЛОВ»

После разгрома Польши Германия стала усиленно готовиться к нанесению удара на Западе. Сроки наступления несколько раз откладывались из-за того, что ей не удалось завершить необходимые военно-мобилизационные мероприятия, обеспечить себе потребное количество стратегического сырья и т. д. Чтобы замаскировать эти свои приготовления и укрепить в то же время позиции сторонников мюнхенской политики в Англии и Франции, гитлеровцы стали выступать с открытыми демагогическими призывами о мире и для видимости стали предпринимать в этом направлении различные закулисные дипломатические зондажи¹. В этих целях они решили использовать и Румынию. 29 сентября 1939 г. посол Папен заявил своему румынскому коллеге в Анкаре Стойке, что прекращение войны представляет особый интерес для стран Юго-Восточной Европы и что поэтому они должны проявить инициативу в этом направлении. Гитлеровский дипломат, в частности, утверждал, что Румыния с согласия других стран — членов Балканской Антанты — должна настоять, чтобы Германия, Великобритания и Франция нашли «почетный выход» из войны, и предложить с этой целью свои услуги². Гитлеровцы добивались от Балканской Антанты, а в начале хотя бы со стороны ее председателя (им в 1939 г. был Гафенку) открытого заявления о поддержке германского предложения о мире, что озна-

¹ См. Л. Исразлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967, стр. 20.

² АМАЕ, cazierul 86, vol. 41, Telegrama cifrată N 61237 din 30 septembrie 1939 de la Ankara.

чало бы поворот Румынии и других стран — участниц Балканской Антанты — к политике, открыто благоприятной для Германии. Собственно говоря, немецкая дипломатия требовала, чтобы румынское правительство открыто присоединилось к провокационным заявлениям Джигурту в Берлине о бессмысленности войны и о необходимости заключения мира.

Едва ли такая румынская инициатива могла быть поддержана Турцией и Грецией, но это как раз и нужно было гитлеровцам. Усиление раскола среди участников Балканской Антанты и дальнейшая их политическая изоляция были им только на руку. Но румынское правительство, знавшее из конфиденциальных бесед с англо-французскими дипломатическими представителями, что предложения о мире с гитлеровской Германией не встретят благоприятного отклика в Лондоне и Париже, естественно, воздержалось от публичного выступления. Однако предложением фон Папена, сделанным, конечно, по поручению берлинского правительства, румынские правящие круги решили воспользоваться. 3 октября 1939 г. Гафенку встретился с итальянским посланником в Бухаресте, рассказал ему о предложении фон Папена, а затем заявил, что румынское правительство не может ответить на него положительно, так как позиция нейтральной державы не позволяет Румынии стать выразителем немецких пожеланий, а также потому, что она не «в состоянии развить какую-нибудь полезную деятельность в этом вопросе»³. После такого вступления Гафенку сказал, что, по мнению румынского правительства, Италия, пользуясь влиянием на Балканах, могла бы явиться инициатором действий, направленных на «установление справедливого мира» и «справедливое и длительное устройство Европы».

Выдвигая такое предложение, румынские правящие круги понимали, что никакая мирная инициатива Италии не приведет к быстрейшему заключению мира. Истинная цель его заключалась в том, чтобы заинтересовать еще больше Италию в балканских делах и под ее эгидой создать на Балканах новый политический блок, отвечающий целям румынской внешней политики.

Следует сказать, что итальянские империалисты уделяли Балканам особое внимание. После захвата Албании

³ DDI, nona serie, vol. I, doc. 583, p. 358.

в апреле 1939 г. они всячески подчеркивали, что Италия — единственная «великая балканская держава». На особое значение для Италии Балканского полуострова указывал Муссолини в директиве своему послу в Берлине Б. Аттолико: «По стратегическим и экономическим соображениям ясно, что вмешательство [в войну] Италии должно иметь своим направлением не Запад, а Восток, т. е. единственное направление, которое может способствовать нахождению сырья для ведения войны и ее продолжения»⁴. Зная, что на данном этапе Гитлер не был заинтересован в развязывании военных действий в этой части Европы, Муссолини заверял его через своего посла, что сохранение нынешней нейтральной позиции Италии является лучшим гарантом спокойствия на Балканах. После некоторых переговоров Аттолико со статс-секретарем германского МИДа Э. Вейцекером, в ходе которых уточнялся вопрос о создании «нейтрального блока», 1 октября мысль о его создании получила одобрение Гитлера⁵. В состав блока, возглавляемого Италией, Муссолини, как явствует из его записки от 30 сентября на имя итальянского короля, планировал включить Испанию, а также некоторые придунайские и балканские страны, среди которых находилась и Румыния⁶.

Сколачивая так называемый блок «нейтралов», итальянские политики стремились широко использовать в свою пользу антикоммунистическую и антисоветскую политику правящих кругов балканских стран, предстать перед ними как сила, способная противостоять «козням Коминтерна». Как всегда в подобных случаях, свою захватническую политику итальянский фашизм хотел прикрыть ссылкой на якобы существовавшую «советскую угрозу»⁷.

Усилившаяся антисоветская позиция Италии пришлась очень по вкусу румынским правящим кругам. Правительство Арджетояну придавало огромное значение созданию блока, возглавляемого Италией. В беседе с итальянским посланником в Бухаресте Гафенку, жалуясь на исчезновение панской Польши — партнера Румынии по антисоветскому договору, заявил, что бал-

⁴ DDI, nona serie, vol. I, doc. 138, p. 84.

⁵ Ibidem, doc. 552, p. 337.

⁶ Ibidem, doc. 523, p. 314.

⁷ См., например: «Critica fascista», N 2, 15.XI 1939, p. 28.

канские страны теперь связывают все свои надежды с Италией⁸. 14 октября сам Арджетоюну вновь разъяснил итальянскому посланнику детально свои внешнеполитические концепции и цели. Румынский премьер-министр сказал, что настоящей опасностью для Европы является не Германия, а русский большевизм⁹. Именно такое убеждение, заявил он, складывается в «нейтральных государствах», имея в виду реакционные правящие круги некоторых стран, которые так же, как и он, страшились роста революционного движения. Далее Арджетоюну заявил, что Румыния будет воевать, если СССР потребует решения бессарабского вопроса. Пока Германия сильна, она будет оказывать сдерживающее влияние на СССР,— говорил он,— но если война будет длительной, то гитлеровцы ослабнут и не будут больше в состоянии «защищать» Румынию. Это было знаменательное заявление. Румынские правящие круги утверждали, что они уповают на «защиту» гитлеровской Германии, и тем самым разоблачали ими же распространяемую время от времени легенду о своей антинемецкой позиции. Однако Арджетоюну боялся, что Германия будет истощена к концу войны и не сумеет выполнять функции душителя революционного движения в Европе. В связи с этим он заявил, что считает необходимым ориентировать румынскую политику на Италию, что созданы особенно благоприятные условия для роста итальянского влияния на Балканах¹⁰. Таким образом,

⁸ DDI, *pona serie*, vol. I, doc. 370, p. 226. Находясь в Швейцарии, куда он выехал во второй половине 1941 г., после нападения Германии и ее сателлитов на СССР, Гафенку в беседе с видным итальянским историком и дипломатом Марио Тоскано в идилическом свете представил цели и задачи блока «нейтральных» стран, который, по его словам, должен был состоять из Румынии, Турции, Греции, Югославии, Венгрии, Болгарии, Албании (хотя Албания была оккупирована Италией) и самой Италии. Последней, как великой державе, должна была принадлежать в нем руководящая роль (*Mario Toscano. Pagine di storia diplomatica contemporanea*, vol. II. Milano, 1963, p. 294). В то же время Гафенку не обмолвился ни словом об антисоветской направленности проектируемого блока. Об этой «детали» не упомянул он и в своей книге.

⁹ DDI, *pona serie*, vol. I, doc. 751, p. 468.

¹⁰ Арджетоюну предлагал два варианта: либо создание румыно-венгерско-югославской Антанты, которая затем установит тесные отношения с Италией, либо сплочение всех балканских стран под эгидой Италии (DDI, *pona serie*, vol. I, doc. 751, p. 468). Румын-

ратуя за создание так называемого «блока нейтралов», румынская дипломатия преследовала в первую очередь антисоветские цели, в том числе любой ценой удержать захваченную у СССР Бессарабию.

Антисоветскую направленность проектируемого блока подтверждают и другие донесения итальянских дипломатов. Государственный секретарь Ватикана Малионе сообщил 19 октября итальянскому послу, что король Румынии выразил папскому нунцию в Бухаресте надежду на поддержку Италией балканских государств в их усилиях против «большевистской России»¹¹. Он же сказал, что 14 октября об этом ему твердили посетившие его посол Румынии и посланники Венгрии и Югославии. Упоывая на Италию, основные свои надежды румынские правящие круги все же возлагали на заключение мира во имя создания широкой антисоветской коалиции. Румынский посланник в Лондоне В. Тия сообщил, что в Англии имеются «консервативные круги, которые вернулись к мысли о соглашении с нацистским режимом в Германии, чтобы... вместе с немецкой армией уничтожить русский большевизм»¹². Надежда на такое соглашение окрыляла румынских правителей. Не решаясь открыто выступить в роли «миротворцев», вместе с тем они делали все, что было в их силах, чтобы способствовать такому «урегулированию». 14 октября Арджетоану заявил Гиджи, что румынское правительство зондировало почву в Бельгии по поводу возможности достижения

ский премьер-министр считал, что оба варианта осуществимы, так как румыно-венгерские отношения якобы улучшились, а политика Турции настолько изменилась после начала войны, что она не будет возражать против руководящей роли Италии.

¹¹ DDI, *попа serie*, vol. I, doc. 810, p. 513.

¹² Румынский посланник в Лондоне В. В. Тия, тесно связанный с английскими правящими кругами, был ярким сторонником создания блока «нейтралов» под руководством Италии. Идея такого блока поддерживалась Англией, которая видела в нем не только антисоветское орудие, но и возможное средство для разжигания противоречий между Италией и Германией и раскола оси. Подталкивая свое правительство на быстрое оформление блока «нейтралов», Тия сообщал все время в Бухарест об «агрессивных» планах Советского Союза в отношении Румынии и об «охлаждении» отношений между Италией и Германией (АМАЕ, f. 71/1939, *România general. Raport confidențial N 1247 din 6 octombrie 1939 de la Londra*).

мира между воюющими странами, но что ему не удалось получить ясный ответ ¹³.

Свой антисоветский курс румынская дипломатия проводила несмотря на то, что сам Гафенку признавал беспочвенность утверждений о наличии «агрессивных» намерений у Советского Союза. 5 октября 1939 г. он телеграфировал румынскому посланнику в Лондоне Тиля, который занимался запугиванием румынских правителей неминуемым «нашествием» Красной Армии, что до сих пор Советский Союз не проявил никакой враждебности по отношению к Румынии, а советские дипломаты дали заверения в отсутствии каких-либо недружественных намерений ¹⁴. Как на одну из самых абсурдных «уток», распространяемых в Англии и переданных румынской дипломатической миссией в Лондоне, Гафенку указал на «сведения» о том, что СССР якобы потребовал у Румынии предоставления ему военно-морской базы в Констанце. На второй день Тилья ответил длинным конфиденциальным докладом, насквозь проникнутым антисоветским духом. «Из всей информации, собранной мною в этом важном центре мировой политики,— писал Тилья,— я прихожу к выводу, что в первую очередь мы должны иметь в виду наличие двух наслоенных одна на другую войн. Первая война — это война армий, и ее первая стадия является войной против Германии, а второй стадией будет война против России, при помощи побежденной демократической Германии или даже без нее. Вторая стадия кажется все более неизбежной руководящим кругам [Англии] для достижения мира. Вторая война — это война идеологическая, т. е. война большевизма против нацизма, фашизма и демократии (читай — буржуазной.— Б. К., И. Л.) одновременно» ¹⁵. Конечно, откровенный антисоветизм Тиля не мог удивить Гафенку или Арджетояну, которые сами призывали к войне против СССР в своих конфиденциальных беседах с представителями великих империалистических держав. В докладе Тиля обращают на себя внимание рассуждения о позиции Турции, на которую румынские правящие круги яко-

¹³ DDI, *pona serie*, vol. I, doc. 747, p. 466.

¹⁴ AMAE, *cazierul 2, problema 71/1939*, vol. 9. Telegrama N 62463 din 5 octombrie 1939.

¹⁵ AMAE, *cazierul 2, problema 71/1939, România general. Raport confidențial N 1247 din 6 octombrie 1939 de la Londra.*

бы возложили задачу улучшить отношения между их страной и СССР. Близкий друг монарха, занимающий крупный дипломатический пост, Тиля откровенно писал, что был бы рад, если «...Турция согласилась бы прекратить свою традиционную политику дружбы с Россией и применить балканскую оговорку франко-турецкого и англо-турецкого договоров»¹⁶.

Тиля выразил здесь надежды румынских правителей на неудачный исход визита Сараджоглу в Москву. Разрыв дружбы между СССР и Турцией, отказ последней от так называемой «русской оговорки», согласно которой Турция при вступлении в Балканскую Антанту выразила свое несогласие принимать участие в какой-либо вооруженной акции против Советского Союза, способствовали бы, по их мнению, сколачиванию антисоветского блока «нейтралов».

Обсуждая этот вопрос с французским послом, Гафенку дал полную характеристику проектам румынских правящих кругов по созданию блока. Румынский министр хорошо знал, что представитель французских реакционных кругов, родственник Ротшильдов и протеже Петена Адрьен Тьерри с одобрением отнесется к тому, что услышит. Поэтому Гафенку называл откровенно истинные цели проектируемого блока. «Объединение нейтральных государств в нынешней обстановке, — объяснял Гафенку — защитило бы часть Европы от революционных течений, которые распространяются повсюду, где усиливается русское влияние. Оно бы соответствовало, таким образом, целям самих воюющих стран, которые совершенно не заинтересованы в том, чтобы завтрашняя Европа была окончательно заражена большевизмом»¹⁷.

¹⁶ Статья 19 Конвенции о режиме проливов предусматривала: «Однако военные корабли всякой воюющей державы не будут иметь право проходить через Проливы, за исключением случаев, подпадающих под применение статьи 25 настоящей Конвенции, а также в случае помощи, оказываемой Государству, явившемуся жертвой нападения, в силу договора о взаимной помощи, обязывающего Турцию, заключенного в рамках Статута Лиги Наций, зарегистрированного и опубликованного согласно постановлениям статьи 18 названного Статута». («Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV (1935 — июнь 1941). М., 1946, стр. 157).

¹⁷ АМАЕ, cazerul 2, problema 71/1939, vol. 9. Notă asupra convorbirii dintre Gr. Gafencu și A. Tbierry din 14 octombrie 1939.

Антисоветская и антикоммунистическая сущность проектируемого блока выражена в словах Гафенку четко и недвусмысленно. Характерно, что в беседе румынский министр не упомянул ни слова о якобы антигерманском характере блока, как оценивают его некоторые историки¹⁸. Причины этого легко понять. Проектируемый блок не носил антигерманский характер. Наоборот, Гафенку подчеркнул в записи выгоду предложенного блока для всех воюющих сторон, для классовых интересов правящих кругов этих стран.

Румынский министр иностранных дел возлагал на проектируемый блок под руководством Италии жандармские функции по сдерживанию роста революционного движения и влияния СССР на то время, пока воюющие империалистические великие державы не закончат «споры» и не обратятся против их «истинного» врага.

Как известно, переговоры Сараджоглу с руководителями Советского Союза не привели к укреплению дружеских отношений между обеими странами. Турецкие правящие круги демонстративно поспешили подписать тройственный англо-франко-турецкий договор 19 октября 1939 г., еще до возвращения Сараджоглу на родину¹⁹.

Румынское правительство не приветствовало заключение этого договора, так как он недвусмысленно указывал, что Турция присоединилась к западным державам, и имел антиитальянскую направленность²⁰. Оно было

¹⁸ См., например, «*Studii privind politica externă a României 1919—1939*». București, 1969, p. 285, 287 и др.

¹⁹ Статья 3 договора предусматривала обязанность Турции оказать помощь и содействие Великобритании и Франции, если они должны будут выполнять свои обязательства в связи с гарантиями, предоставленными ими в апреле 1939 г. Греции и Румынии (см. текст договора в «*Le mois*», *Synthèse de l'activité mondiale du 1-er Novembre 1939*, N 106, p. 149—151). В то же время во втором протоколе к договору указывалось, что обязательства, принятые на себя Турцией, не могут заставить ее участвовать в действиях, которые могли бы привести к вовлечению в вооруженный конфликт с СССР. Значение этой оговорки не следует, конечно, преувеличивать, но она все же свидетельствовала о том, что Турция не намерена была очертя голову согласиться на участие в возможных антисоветских авантюрах.

²⁰ Арджетояну в беседе с Гиджи 19 октября 1939 г. признал, что заключение договора несвоевременно и неудачно, так как в Лондоне и Париже ему будут придавать «преувеличенное значение» (DDI, *popa serie*, vol. I, doc. 808, p. 512); Гафенку, который еще 15 сентября договорился с Сараджоглу о встрече в Констанце или Бу-

недовольно также и упоминанием их страны в ст. 3 текста договора²¹.

Румынскую политику постигла и другая неудача. Муссолини круто изменил свое решение и пришел к выводу, что Италии не следует возглавлять блок нейтральных стран. Как заявил Чиано гитлеровскому послу Макензену, Италия не может принять участие в таком блоке, так как она сама не нейтральна, а является невоюющей страной²². На решение Италии оказало, конечно, влияние также и заключение тройственного договора, поскольку состоять в одном блоке с Турцией — союзницей Франции и Великобритании — означало бы в какой-то мере нарушить свои обязательства по отношению к Германии. 21 октября 1939 г. Гиджи сказал Гафенку, что поскольку Турция перешла открыто на сторону одного из воюющих блоков, то он относится пессимистически «к возможностям достичь успеха в деле объединения нейтральных государств и не видит, зачем нужно Италии бороться за создание такого блока»²³. Это заявление свидетельствовало об еще одном поражении румынской дипломатии. Первый этап ее борьбы за создание блока нейтральных государств закончился провалом.

Румынские правящие круги, однако, продолжали разрабатывать новые планы создания блока нейтральных стран.

Усиление антисоветской линии румынской внешней политики было главной движущей силой при новых попытках румынского правительства сколотить блок нейтральных стран. Не последнюю роль сыграли в этом провокационные действия маннергеймовской Финляндии.

харесте, «не счел возможным» встретиться со своим коллегой. Как указывал Гиджи, жест Гафенку должен был быть расценен как подтверждение строго нейтральной позиции Румынии (*ibidem*).

²¹ Это им доставило много неприятностей со стороны гитлеровской Германии. Один из заместителей Риббентропа, Э. Верман, заявил румынскому посланнику Р. Круцеску, что Германия «весьма недовольна» включением Румынии в этот договор (DGFP, series D, vol. VIII, doc. 296, p. 337—338). Извинения и объяснения Круцеску не произвели никакого впечатления на гитлеровского дипломата. Круцеску не нашел ничего лучшего, как заявить, что Турция поставила себя вне рамок проектируемого балканского нейтрального блока.

²² DGFP, series D, vol. VIII, doc. 266, 277, p. 305, 318.

²³ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Notă asupra convorbirii dintre Gr. Gafencu și Ghigi din 21 octombrie 1939.

30 октября 1939 г. Гафенку разослал румынским представителям, аккредитованным в столицах балканских стран, проект нового плана образования такого блока²⁴.

Первые два пункта предусматривали полный нейтралитет государств — участников договора — в нынешнем конфликте и их обязательства не нападать друг на друга. В то же время все обязательства о взаимной помощи, принятые ранее государствами — членами блока, — оставались в силе. Важная роль, по замыслу румынских правителей, отводилась 3-й статье. Она гласила: «В случае внешней агрессии против одного из государств, состоящих в блоке нейтралов, все остальные государства будут соблюдать по меньшей мере благожелательный нейтралитет по отношению к государству, подвергнутому нападению».

Строя планы войны против СССР в случае, если он выдвинет свои законные права на Бессарабию, румынские правители добивались благожелательного нейтралитета со стороны Болгарии и Венгрии, которые не скрывали своих территориальных требований к Румынии. Правящие круги страны полагали, что они легко расправятся с «большевистской опасностью», если им не будет угрожать Венгрия и Болгария. Далее в проекте предлагался взаимный отвод воинских частей с общих границ государств — участников блока²⁵. Этим румынское правительство добивалось высвобождения некоторого количества своих воинских частей для направления их на границу с СССР. Остальные пункты плана касались вопросов экономического сотрудничества участников блока и т. д.

При всей ненависти к стране Советов предполагаемым участникам блока в силу существующих между ними противоречий трудно было найти общую платформу.

²⁴ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Telegrama N 67918 din 30 octombrie 1939 la Atena; DGFP, series D, vol. VIII, doc. 329, p. 379.

²⁵ 2 октября 1939 г. была достигнута договоренность о том, что венгерское и румынское правительства отведут часть своих войск от границы. Переговоры по этому вопросу велись через посредничество министра иностранных дел Югославии Ц. Марковича (АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Notă asupra convorbirii dintre Al. Cretzianu și J. Ducici din 2 octombrie 1939).

Документы свидетельствуют, что с первых же дней предложения румынского правительства были встречены отрицательно большинством стран, участие которых предусматривалось в новом политическом блоке. Что касается направленности и целей блока, то весьма симптоматичны высказывания дипломатических представителей тех стран, о которых доложил своему правительству итальянский посол в Великобритании Дж. Бастианини 6 ноября 1939 г. Румынский посланник Тиля заявил ему, что «балканские страны должны перестать враждовать и пожертвовать некоторыми своими требованиями, чтобы не быть втянутыми в войну и сохранить иммунитет от большевизма». Тиля запугивал своего собеседника, что изменение границ Румынии в такое время было бы опаснейшим делом, так как это означало бы «играть на руку России». Далее Тиля сделал весьма примечательное заявление: «Румыния является в настоящее время латинским средиземноморским и антисоветским [государством]. Политика Титулеску была просто преступной политикой»²⁶.

Отрекшись, таким образом, еще раз от политики сближения с СССР, которую проводил в свое время Н. Титулеску, Тиля тут же перешел к вопросу о непрочности государственного строя в Болгарии, где якобы не исключено повторение событий 1923 г. Вывод напрашивался такой: зачем делать территориальные уступки стране, в которой сильны коммунисты и где не исключены всякие «сюрпризы»?

Болгарский посланник заявил в беседе с Дж. Бастианини, что Румыния должна удовлетворить территориальные требования Болгарии именно сейчас, так как позже, по его мнению, «она никаких уступок не сделает». Единственное, что его сближало с позицией Тиля, была ненависть к Советскому Союзу. В этом направлении их превзошел только посланник Венгрии. «Надо будет в один прекрасный день организовать европейский крестовый поход против Москвы,— заявил этот новоявленный крестоносец,— в котором должна будет участвовать также и Германия. Я не перестаю твердить об этом англичанам»²⁷. Таким образом, уже реакция некоторых основных

²⁶ DDI, пона serie, vol. II, doc. 121, p. 87.

²⁷ Надежда на антисоветский «крестовый» поход, весьма напоминаю-

участников предполагаемого блока находилась в резком противоречии с планами румынского правительства, которое категорически отклоняло в это время любой пересмотр границ страны.

Поддержку румынскому проекту оказывало английское правительство. 6 ноября 1939 г. итальянский посол сообщал из Лондона, что, по его мнению, в английской столице наметилась тенденция к общей англо-итальянской политике на Балканах. Сотрудник вспомогательного органа Форин оффиса, некто Мартелли, заявил работнику итальянского посольства, что его страна приветствовала бы занятие Италией руководящей роли в предложенном Румынией блоке нейтральных стран при условии, что она будет не очень поощрять территориальные требования Болгарии. Посол передал следующим образом слова этого сотрудника подчиненного Форин оффису департамента политической разведки: «Передача Добруджи Болгарии в настоящее время явилась бы прецедентом для русских требований на Бессарабию. Болгария могла бы тогда стать центром советской деятельности на Балканах». Подчеркнув, что эта точка зрения разделяется Англией и Францией, а возможно и Германией, Бастианини далее продолжал: «Может быть, эти две совпадающие точки зрения приведут к тому, что Италии будет предоставлена роль опекуна и руководителя балканских стран»²⁸. Таким образом, английские правящие круги стремились к тому чтобы Италия приняла на Балканах роль жандарма и главаря антисоветской коалиции. После долгих колебаний 20 ноября 1939 г. французское прави-

щая аналогичные мысли, высказанные Гафенку и Тилья, не заслонила от венгерских правителей другие, более «прозаические» требования. Венгерский дипломат заявил, что Румыния должна сделать Венгрии определенные территориальные уступки, так как иначе будет трудно якобы заставить венгерское общественное мнение согласиться с венгро-румынским сближением.

Самым неожиданным и самым неприятным для румын было мнение посланника Югославии, страны, с которой румынские правящие круги поддерживали самые тесные и, казалось, дружеские отношения. Повторив избитые антисоветские заявления, югославский дипломат заявил, что создание блока необходимо, но что «препятствием для этого является Румыния, которая не хочет договориться с Венгрией и глуха к нашим советам». Таким образом, Югославия устами своего представителя высказалась за удовлетворение Румынией территориальных требований Болгарии и Венгрии.

²⁸ DDI, *попа serie*, vol. II, doc. 121, p. 88.

тельство сообщило в Анкару, что оно не возражает против участия своей союзницы — Турции — в проектируемом блоке²⁹. В тот же день Сараджоглу сообщил румынскому послу В. Стойке, что турецкое правительство соглашается участвовать в блоке нейтральных стран и не имеет ничего против участия в нем Италии³⁰.

Холодно отнеслись к плану, выдвинутому Румынией, Греция и Югославия, не желавшие включиться в блок под эгидой Италии, в которой они видели главную опасность своей независимости. Но в конечном счете от участия в проектируемом блоке они не отказались.

Вырабатывая свои планы, румынские правящие круги возлагали большие надежды на то, что Венгрия и Болгария присоединятся к ним. 7 октября 1939 г. вся румынская печать опубликовала сообщение о том, что при посредничестве Югославии между Румынией и Венгрией достигнуто соглашение о взаимном отводе некоторых частей с границы³¹. Истинные причины и смысл этой договоренности раскрыл внешнеполитический еженедельник итальянского правительства. Он писал: «В момент, когда у них появилась общность проблем вдоль восточных границ (т. е. границ с Советским Союзом.— *Б. К., И. Л.*), Румыния и Венгрия соглашаются с предложениями Югославии, выдержанными в духе, неоднократно рекомендуемом Римом»³².

Румынское правительство надеялось, что общность антисоветской политики сумеет затушевать глубокие разногласия между обеими странами. Румынская пресса восторженно писала об открывающихся перспективах сотрудничества между Румынией и Венгрией. «Международный акт, который был подписан и доведен до сведения Европы 7 октября 1939 г., — писал официоз правительства, — знаменует не только начало румыно-венгерского сближения, что само по себе является событием, которое

²⁹ АМАЕ, *cazierul 2, problema 71/1939, vol. 8, Telegrama N 2185 din 21 noiembrie de la Ankara*. В своей беседе с Тоскано Гафенку утверждал, что французское правительство даже пыталось повлиять на английское, чтобы оно заняло отрицательную позицию по отношению к проектируемому блоку, в то же время убеждая румын, что якобы англичане требуют от Франции не поддерживать румынский план (*M. Toscano. Op. cit., p. 295*).

³⁰ DDI, *popa serie, vol. II, doc. 288, p. 245*.

³¹ См. «*România*», 9.X 1939.

³² «*Relazioni internazionali*», 21.X 1939, p. 870.

нами еще не оценено по достоинству, но является, безусловно, прелюдией инициативы по сплочению и синхронизации столь идентичных и дополняющихся интересов малых государств Центральной Европы и на Балканах»³³.

На следующий день главный редактор официоза, восхваляя своего «великого монарха», утверждал, что создание блока, охватывающего 6 государств с населением в 70 млн. человек, является вопросом недалекого будущего³⁴.

Венгерские правящие круги оценивали события совершенно иначе. Повинуясь указаниям Берлина и Рима не создавать в это время трудностей с Румынией, они не собирались присоединиться к проектируемому блоку³⁵. А румынское правительство продолжало трубить о том, что создание блока нейтральных стран близко к осуществлению. «Кажется,— писал румынский официоз,— что кроме балканских народов, среди которых находится и Болгария, Венгрия также желает присоединиться к блоку нейтральных стран Юго-Восточной Европы. Роль и деятельность Италии имеют решающее значение для этого блока, создание которого является не только требованием консолидации международного положения государств этой части Европы, но представляет также общий интерес для всех этих народов»³⁶.

Румынские правящие круги возлагали все надежды на антикоммунистическую и антисоветскую позицию Италии. Поверенный в делах Италии в Бухаресте докладывал 16 ноября 1939 г. в Рим, что в румынских правящих кругах начинают отдавать себе отчет в том, что Италия не относится положительно к румынской инициативе по созданию блока нейтральных стран, так как фашистское правительство предпочитает двусторонние соглашения с балканскими странами. Однако, указывал поверенный в делах, румынские правители очень удовлетворены созданным положением, полагая, что «заключение двусторонних договоров между Италией и балканскими и дунайскими

³³ «România», 13.X 1939.

³⁴ Ibidem, 14.X 1939.

³⁵ Венгерский официоз писал: «Сегодня не может быть и речи о создании какого-нибудь блока, так как для этого не существует всех предпосылок для полного сотрудничества всех государств этого района» («Pester Lloyd», 8.XI 1939, Morgenblatt).

³⁶ «România», 13.XI 1939.

ми странами носит антирусский характер и что в присутствии Италии в этом районе Советский Союз не осмелится выступить против нее...

С другой стороны, поощряемое сопротивлением Финляндии, румынское правительство усиливает оборонительные мероприятия в Бессарабии и Молдове, концентрируя там часть войск, ранее расположенных на венгерской и болгарской границах»³⁷.

Не оправдались надежды румынских правителей улучшить отношения с Венгрией.

21 ноября 1939 г. венгерский министр иностранных дел И. Чаки выступил в палате депутатов с докладом, в котором категорически отверг создание какого-нибудь блока и не остановился перед применением угроз в адрес своего восточного соседа. «До создания блока, — заявил министр, — должны быть устранены разногласия между нами и другим государством (Румыния. — Б. К., И. Л.), желающим участвовать в этом блоке»³⁸.

Отрицательную позицию к предложению Румынии заняло также и болгарское правительство, хотя оно ее выразило не в столь резкой форме. Оно решило сделать так, чтобы вина за ее отказ легла на румынское правительство. Болгария потребовала, чтобы Румыния выполнила немедленно свои обещания в отношении возвращения Южной Добруджи³⁹. Румынское правительство отказалось под предлогом, что оно обещало территориальные уступки Болгарии только при ее вступлении в Балканскую Антанту, а не в блок нейтральных государств⁴⁰.

Особую тревогу вызвало у румынских правителей то обстоятельство, что их планы не встретили одобрения гитлеровской Германии, на согласие которой они рассчитывали. Гитлеровцы заявляли, что этот блок после заключения англо-франко-турецкого союза был бы выгоден Великобритании и Франции и что Румыния добивается только того, чтобы Болгария, Венгрия и Италия были лишены в будущем свободы выбора⁴¹. 21 ноября 1939 г.

³⁷ DDI, nona serie, vol. II, doc. 234, p. 189.

³⁸ «Pester Lloyd», 21.XI 1939, Abendblatt.

³⁹ AMAE, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. Telegrama N 3273 din 8 noiembrie 1939 de la Sofia. Речь шла об обещаниях Румынии вернуть Южную Добруджу после окончания мировой войны.

⁴⁰ Ibidem, Telegrama N 72037 din 11 noiembrie 1939.

⁴¹ DGFP, series D, vol. VIII, doc. 372, p. 423 424. Правители Гер-

Фабрициус заявил поверенному в делах Италии в Бухаресте Дж. Капече, что, по его сведениям, проект создания блока следует считать «почти провалившимся»⁴².

Зато особое рвение к претворению в жизнь румынского плана стала проявлять Великобритания. 21 ноября 1939 г. итальянский посол в Лондоне Бастианини передавал в Рим, что события на Балканах и особенно предупреждения фашистской прессы и радио в адрес Москвы привлекли к себе внимание английских правящих кругов⁴³. Именно антисоветская политика фашистской Италии, особенно усилившаяся к началу ноября 1939 г., вызвала удовлетворение английских правящих кругов и усилила их интерес к румынским планам создания блока⁴⁴. Об антисоветской направленности блока нейтральных государств откровенно писала влиятельная французская газета «Тан»⁴⁵.

Выступление Чаки, о котором говорилось выше, явилось своего рода эпилогом попыток Румынии создать блок нейтральных стран, хотя румынские правящие круги свои усилия в этом направлении прекратили не сразу. 25 ноября 1939 г. Гафенку в беседе с Капече выразил надежду, что резкая речь Чаки не будет иметь послед-

мании возражали против создания блока еще и потому, что этот блок мог бы в будущем затруднить осуществление их планов в этой части Европы.

⁴² DDI, *попа serie*, vol. II, doc. 278, p. 236.

⁴³ *Ibidem*, doc. 282, p. 240.

⁴⁴ Согласно Бастианини, особое внимание английских правящих кругов вызвали статьи фашистских журналистов Гайда и Коппола. В своей статье Гайда клеветнически нападал на СССР и Коминтерн и утверждал, что Италия является хранителем мира на Балканах («Giornale d'Italia», 7.XI 1939). Коппола заявлял, что Италия остановит «продвижение» большевизма на Балканы и в долину Дуная («Gazeta del Popolo», 16.XI 1939). Английская газета «Таймс» восторгалась этими статьями («Times», 21.XI 1939). Как указывал Бастианини, впечатление от этих антисоветских выпадов было настолько сильное, что в Лондоне «за последние две недели усилилась тенденция в пользу предоставления Италии позиции явного господства на Балканах» (DDI, *попа serie*, vol. II, doc. 282, p. 240). Действительно, газета «Таймс» высказывала одобрение политике Италии в этой части Европы и призывала спешить с созданием блока нейтральных государств. Лейбористский еженедельник объяснял заинтересованность Великобритании в создании блока ее желанием использовать его в случае необходимости нападения на юго-западную часть СССР («The Tribune», 24 november 1939).

⁴⁵ «Le Temps», 21.XI 1939.

ствий для планов создания блока нейтральных стран, но что он временно прекращает всякую деятельность в этом направлении, так как хочет иметь уверенность, что эти планы не встречают возражений со стороны графа Чиано⁴⁶. Через несколько дней стало ясно, кто стоит за спиной венгерского министра. В гитлеровской влиятельной газете появилась статья, которая резко возражала против создания какого-либо блока государств в Юго-Восточной Европе⁴⁷. Статья, напечатанная в форме корреспонденции из Бухареста, уделяла особое внимание Румынии. В ней прямо говорилось, что Италия не будет «защищать» Румынию, если Советский Союз потребует возвращения Бессарабии. «Румыния находится слишком далеко от сферы итальянских интересов для того, чтобы римская политика попыталась стать особенно активной в Бухаресте», — указывалось в статье. Надеясь на тщетность и бесполезность попыток сближения с Италией, газета указывала на необходимость для Румынии продолжать проводимую до сих пор внешнюю политику. «Румынии рекомендуется, — говорилось в корреспонденции, — продолжать свою теперешнюю линию, то есть проводить политику нейтралитета. Эта политика должна следовать средней линии между ее политическими и хозяйственными интересами, которые ее влекут к Германии, и определенными влияниями из Западной Европы». Одно было ясно: гитлеровская Германия не допустит образования блока. Она готова была поощрять и поощряла антисоветскую политику румынского правительства, но возражала против создания группировок, которые могли оказаться выгодными Франции и Великобритании. 28 ноября 1939 г. Гафенку заявил Фабрициусу, что, поскольку Германия и Италия не одобряют идею создания блока нейтральных государств, румынское правительство снимает свои предложения по этому вопросу⁴⁸.

Румынские правящие круги потерпели поражение в своих попытках создать блок нейтральных государств, которому они намеревались придать с самого начала характер антисоветской и антикоммунистической организации, находящейся под руководством фашистской Италии.

⁴⁶ DDI, nona serie, vol. II, doc. 321, p. 268.

⁴⁷ «Frankfurter Zeitung», 26 XI 1939. Reichsausgabe.

⁴⁸ DGFP, series D, vol. VIII, doc. 392, p. 457.

ГЛАВА III

НОВЫЕ МАНЕВРЫ РУМЫНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

В дни, когда планы сколачивания блока нейтральных государств оказались несостоятельными, в Румынии произошла очередная смена правительства. 23 ноября 1939 г., неожиданно для самого Арджетоюну, он был вынужден подписать декрет о назначении своего преемника¹. Новым премьер-министром стал Г. Татареску.

Большую роль в назначении Татареску сыграла его внешнеполитическая ориентация. Он придерживался антисоветских взглядов, в 1936 г. изгнал из правительства Н. Титулеску и выступил против заключения советско-румынского договора о взаимопомощи. На Коронном совете 6 сентября 1939 г. Татареску, как отмечалось, занял антисоветскую позицию. Новый премьер-министр имел много друзей в правящих кругах Франции и Великобритании, но Германия не считала его своим врагом. «Татареску считают франкофилом, — сообщал итальянский посол в Берлине. — Однако правда и то, что в качестве посла в Париже он сохранял всегда хорошие отношения с Германией»².

Состав правительства, сформированного Татареску, свидетельствовал об образовании в нем значительного профашистского крыла. Министром юстиции был назначен И. Мическу, занимавший в свое время пост министра иностранных дел в правительстве Гога, а министром путей сообщения И. Джигурту. Важнейший пост мини-

¹ Этому предшествовала отставка министра экономики П. Бужой, который не был согласен на новые экономические уступки гитлеровской Германии. Когда Арджетоюну пришел к королю с просьбой назначить его самого исполняющим обязанности министра экономики, Кароль II заявил ему, что в отставку ушли еще и другие четыре министра, и потребовал ухода самого премьера (Secția de manuscrise a bibliotecii Academiei R. S. Romania. Arhiva familiei Brătianu, memoriile S. Cantacuzino, plicul V, p. 12).

² DDI, nona serie, vol. II, doc. 331, p. 271.

стра экономики занял К. Анджелеску, ближайший сподвижник Ал. Вайды-Воевода. В состав правительства не вошел Г. Маринеску, который руководил расстрелом железнодорожников после убийства А. Калинеску. Министром иностранных дел остался Г. Гафенку, хотя его отношения с Татареску были натянутыми. Дальнейшее пребывание Гафенку должно было убедить, что внешняя политика страны не претерпит изменений, о чем премьер-министр поспешил заявить³.

29 ноября 1939 г. состоялось объединенное заседание комиссий по иностранным делам палаты депутатов и сената Румынии, на котором с докладом о внешней политике страны выступил Г. Гафенку. Касаясь отношений Румынии с Советским Союзом, оратор указал, что в их основе лежит желание иметь на основе политики нейтралитета мирные и хорошие отношения⁴. Далее Гафенку напомнил о протоколе о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога, а также о существовании подписанных впоследствии обеими странами других договоров для определения обязательств по сохранению мира. Министр иностранных дел пытался объяснить политику, проводимую Румынией в последние годы в отношении Советского Союза, желанием избежать любых действий, которые можно было бы расценивать как направленные против интересов соседних стран, имея в виду в первую очередь СССР. Антисоветскую политику румынских правящих кругов, в определении и проведении которой он сам принимал активное участие, Гафенку стремился выдать за доброжелательную в отношении Советского Союза. Гафенку явно преувеличивал возможности воздействия румынских правящих кругов на политику великих держав, так же, как и скрывал истинные намерения и дела румынского правительства, прилагавшего много усилий, чтобы натравить империалистические державы, в первую очередь гитлеровскую Германию, на Советский Союз⁵. В конце раздела, посвященного отношениям с

³ См. «România», 30.XI 1939.

⁴ Ibidem, 1.XII 1939.

⁵ Поэтому нельзя согласиться с выводом современного румынского историка А. Саву, что «во взаимоотношениях с СССР правительство Татареску заняло сдержанную и предупредительную позицию» (см. *Af. Gh. Savu. Dictatura regală (1938—1940)*. București, 1970, p. 352). Еще в 1925 г. Татареску выступал с антисоветскими речами, в которых восхвалял роль буржуазно-помещичьей Румы-

Советским Союзом, Гафенку выразил убеждение, что «где бы ни встречались судьбы наших двух народов (советского и румынского.— Б. К., И. Л.) — на Днестре или на Черном море, они не находятся во вражде, мы верим в соответствие между политикой мира, которую провозглашает Советская Республика, и политикой независимости, которой следует румынское государство».

Упоминание Днестра должно было подчеркнуть решимость румынских правящих кругов удержать любыми средствами захваченную ими Бессарабию. Бросалась в глаза разница между сдержанной оценкой румыно-советских отношений и дифирамбами, доставшимися «исторической миссии Италии», которая якобы «может иметь на востоке великое и благотворное влияние».

Гафенку ни словом не упомянул о проектируемом блоке нейтральных государств. Да это было и понятно: кичиться было нечем. Доклад Гафенку показал, что у румынских правителей нет никаких конструктивных предложений, свидетельствовал о негибкости и безынициативности правящих кругов, которые в условиях второй мировой войны занимались восхвалением своей явно обанкротившейся внешней политики и не были в состоянии приступить к ее переоценке и проведению новой политики, соответствующей национальным интересам страны.

События доказали очень скоро, что публичное заявление Гафенку о желании румынского правительства установить хорошие отношения с Советским Союзом не соответствовало действительным намерениям румынских правящих кругов. Особую активизацию антисоветской политики румынских правящих кругов вызвало решение Советского правительства дать отпор провокациям финской военщины. Румынское правительство занималось провокационным раздуванием слухов о неминуемом якобы «нападении» на Румынию, хотя оно было информировано, что Советский Союз не питает никаких агрессивных намерений и не помышляет о насильственном решении бессарабского вопроса⁶. Прикрываясь этими

нии как оплота империалистических сил в борьбе против СССР (см. *Georges Tataresco. Bessarabie et Moscou, Bucarest, 1925, p. 30*).

⁶ Сараджоглу сообщил румынскому послу Стойке, что он не нашел «какой-либо враждебности по отношению к Румынии у советских руководителей... Он убежден, что если даже русские поднимут во-

вымыслами, румынские правители приступили к форсированному вооружению страны и к выяснению позиции и помощи, которую им смогут оказать Великобритания, Франция, Германия и Италия в случае, если они будут воевать против Советского Союза.

4 декабря 1939 г. Гафенку запугивал Капече, что Советский Союз стремится не только вернуть себе Бессарабию, но желает через нее «большевизировать» Болгарию и Венгрию, и в связи с этим вновь добивался поддержки Италии для создания блока нейтральных государств⁷. Чиано ответил Гафенку через Капече 7 декабря, что Италия следит с интересом за всем, что происходит на Балканах и в Дунайском бассейне, но не намеревается участвовать в блоке нейтральных государств или в переговорах о его создании⁸.

В то же время румынское правительство устами премьер-министра предложило Германии увеличить её поставки нефти взамен за срочные поставки оружия до 1 марта 1940 г.⁹ 6 декабря 1939 г. Гафенку заявил Фабрициусу, что Румыния намеревается воевать за Бессарабию, и спросил его, сумеет ли Германия заставить Венгрию не выступать против его страны в случае румыно-советской войны. Гафенку интересовался также, будет ли Германия продавать оружие и поддержит ли она Италию, которая якобы желает помочь Румынии¹⁰. Эти факты свидетельствовали о том, что правящие круги Румынии были готовы во имя борьбы против СССР пойти на дальнейшее подчинение Румынии фашистским государствам¹¹.

прос о Бессарабии, то они не намерены развязывать войну для возврата этой провинции (АМАЕ, *cazierul 2, dosar 71/1939, vol. II. Raportul 2039 din 31 octombrie 1939 din Turcia*). Сараджоглу рассказал, что И. В. Сталин и В. М. Молотов расспрашивали его по поводу проектируемого блока нейтральных стран, но своего мнения не высказали, из чего он сделал вывод, что они относятся не положительно к его созданию.

О миролюбивых устремлениях СССР и о том, что он не собирается нападать на Румынию, говорил румынскому послу в Париже генеральный секретарь французского МИДа А. Леже (АМАЕ, *cazierul 2, dosar 71/1939, vol. II. Telegrama de la Ambasada din Paris N 840 din 2 decembrie 1939*).

⁷ DDI, nona serie, vol. II, doc. 447, p. 352—353.

⁸ Ibidem, doc. 510, p. 394.

⁹ DGFP, series D, vol. VIII, doc. 422, p. 493.

¹⁰ Ibidem, doc. 427, p. 499.

¹¹ О характерном случае рассказывается в статье западногерманско-

В эти дни произошло событие, которое с особым рвением было использовано румынской и международной реакцией для разжигания антисоветской и антикоммунистической истерии. В начале декабря 1939 г. вышел в свет очередной номер органа ИККИ журнала «Коммунистический Интернационал», в котором была напечатана статья представителя компартии Румынии в Коминтерне Б. Стефанова. Статья давала отрицательную оценку попытке «сколотить» блок балканских государств. Автор статьи считал, что интересы народов Румынии, их мирное и свободное развитие невозможны без немедленного заключения пакта о взаимопомощи с СССР¹². Статья Стефанова отражала мнение румынских коммунистов и других патриотических сил страны, которые понимали, что договор о взаимопомощи может сыграть решающую роль в защите независимости Румынии. Румынские же правящие круги и реакционные круги империалистических держав подняли невероятную шумиху вокруг этой статьи, представляя ее как свидетельство какой-то опасности, грозящей Румынии со стороны Советского Союза, требующего якобы от своего западного соседа немедленного заключения договора о взаимопомощи. На самом же деле Советский Союз никогда с подобными требованиями не выступал. Чтобы пресечь враждебную пропаганду, отдел печати НКВД СССР выступил 8 декабря 1939 г. с опровержением, в котором указал, что статья Б. Стефанова ни в какой мере не отражает существа взаимоотношений между СССР и Румынией¹³. В тот же день поверенный в делах СССР в Бухаресте Куколев посетил Гафенку и заявил ему, что со стороны Советского Союза

го историка И. В. Брюгеля. 22 декабря 1939 г. Фабрициус заявил Гафенку и Татареску, что непримиримость румынского правительства непонятна, что в Германии всегда рассматривали захват Бессарабии Румынией как «дар данайцев» и что СССР никогда не признавал этого присоединения. На это румынские деятели ответили, что Румыния вступила в 1918 г. в Бессарабию только под нажимом Германии. Это красноречивое признание дополнялось не менее характерным объяснением: «Румыния будет воевать за сохранение территориального status quo, так как в случае уступки (Бессарабии) невозможно будет приостановить распространение большевизма в старую Румынию» («Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1963, 4 Heft, S. 406).

¹² «Коммунистический Интернационал», 1939, № 10, стр. 37.

¹³ «Правда», 9.XII 1939 г.

нет никакой угрозы для Румынии¹⁴. Советский дипломат выразил сожаление по поводу того, что румынское общественное мнение дает себя вводить в заблуждение, намекая таким образом на недобросовестную пропаганду румынских властей.

Гафенку заверил Куколева, что его страна имеет самые мирные намерения в отношении Советского Союза. Казалось, что недоразумение выяснено и все в порядке. Но это было далеко не так. Заявление советского дипломата было расценено румынским правительством как проявление слабости со стороны Советского Союза, сделанное якобы под влиянием коммюнике, изданного 8 декабря 1939 г. после заседания Большого фашистского совета Италии, в котором указывалось, что всякие изменения в Дунайском бассейне затрагивают непосредственно Италию¹⁵. Это утверждение, сделанное Гафенку Капече на следующий день после его встречи с Куколевым, являлось очередным шагом в неискренней и враждебной политике, которую вели румынские правящие круги в отношении Советского Союза.

Стремясь завязать все более тесные отношения с фашистскими державами, румынское правительство пыталось также заручиться против Советского Союза более четкой поддержкой Великобритании и Франции. Для этого оно решило использовать гарантии, предоставленные Румынии этими двумя державами в апреле 1939 г., и выяснить, в какой мере Великобритания и Франция намерены их соблюдать в случае румыно-советской войны из-за Бессарабии. По этому поводу 3 ноября 1939 г. Гафенку имел беседу с послом Франции и посланником Великобритании, в ходе которой он опять проявил себя как ярый антисоветчик. Румынский министр заявил, что его страна имеет мирные отношения с Германией и что она получила заверения, что Германия не намеревается их нарушать¹⁶. Гафенку указывал, что «Германия посто-

¹⁴ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9, România general. Notă asupra întrevederii dintre Gafencu și Kukoliev la 8 decembrie 1939; об этом посещении писалось и в «Affaires danubiennes», N 6, décembre 1939, p. 348.

¹⁵ DDI, mona serie, vol. II, doc. 530, p. 406—407 (см.: «Corriere della Sera», 9 decembre 1939, edizione del mattino).

¹⁶ АМАЕ, cazierul 2, fond: garanții franco-britanice, vol. II, Notă asupra convorbirii avute în ziua de 3 noiembrie 1939 de Gafencu cu Thierry și Hoare.

янно обращает наше (Румынии.— *Б. К., И. Л.*) внимание на русскую опасность». В связи с этим Германия, по словам Гафенку, требует, чтобы Румыния сблизилась с ней, так как она является ее единственным «щитом» против Советского Союза. Западные дипломаты заявили, что это шантаж со стороны Германии. Все же румынский министр иностранных дел попросил их выяснить у своих правительств реальное значение гарантий, предоставленных Румынии. Таким образом, румынские правители добивались дальнейшего ухудшения отношений между Великобританией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой, что явилось бы фактически услугой гитлеровской Германии. И это происходило в момент, когда Румыния получила информацию о том, что Советский Союз не питает никаких агрессивных намерений против нее.

Разоблачая внешнеполитический курс королевской диктатуры, Румынская коммунистическая партия предупреждала, что политика попеременных уступок воюющим блокам «содержит в себе самую большую опасность для вовлечения страны в войну во имя чуждых Румынии интересов»¹⁷.

Еще одна попытка придать англо-французским гарантиям сугубо антисоветскую направленность была предпринята румынской дипломатией во второй половине ноября 1939 г., когда Бухарест посетил лорд Ллойд, действующий в качестве неофициального представителя английского правительства. Как сообщал Гафенку Тиле в Лондон, лорд Ллойд попросил его не добиваться у английского правительства «уточнения его позиции в случае будущего вооруженного конфликта, который мог бы вспыхнуть между нами и Россией, потому что Великобритания не могла бы сделать сейчас такое уточнение»¹⁸. Английский лорд объяснял, что Великобритания не хочет преждевременно вызывать недовольства Советского правительства и не хочет создавать трудностей для Турции. Гафенку был недоволен ответом английского эмиссара и заявил, что подобная позиция Великобритании облегчает руководителям Германии дискредитацию англо-

¹⁷ ACISISP, broșura «Războiul imperialist de azi și sarcinile clasei muncitoare din România», editată de PCR în octombrie 1939.

¹⁸ AMAE, cazierul 2, fond: Garanții franco-britanice, vol. II. Nota informativă a lui Gr. Gafencu din 30 noiembrie 1939 trimisă la Londra.

французской политики в глазах правящих кругов Румынии. Он требовал заявлений, которые «не оставили бы никакого сомнения в отношении общего характера франко-английских гарантий». В свете этой беседы становится ясным, что имел в виду в своей речи от 29 ноября 1939 г. Гафенку, когда говорил, что гарантии, предоставленные Румынии Францией и Великобританией, были высказаны в «точных и общих формулировках»¹⁹. Он давал таким образом понять, что эти гарантии должны быть приведены в действие против любой державы, в том числе против Советского Союза.

Официальный ответ английского правительства относительно гарантий был получен Румынией 14 декабря. В этот день полномочный министр Великобритании Р. Хор сообщил румынскому правительству, что распространение англо-французских гарантий на восточные границы Румынии зависит от двух условий: от согласия Турции помочь ей немедленно и от поведения Италии, которая не должна противодействовать оказанию этой помощи. В то же время английское правительство отказывалось делать публичные заявления по вопросу гарантий²⁰.

Оговорки, содержащиеся в ответе Хора, не удовлетворили румынское правительство. В тот же день была получена телеграмма, в которой румынский посол в Париже сообщал, что его югославский коллега узнал у Леже о заявлении Чиано послу Франции в Риме о том, что Италия не намерена оказать военную помощь Румынии. Леже также заявил, что гарантии, предоставленные в свое время, касались только случая немецкой агрессии против Румынии, но что англичане и французы смогут оказать помощь румынам в случае войны с СССР лишь в зависимости от позиции Турции²¹. Заявление Леже тесно перекликалось с письмом Хора, которое отражало также и решение французского правительства. Оговорки обоих правительств свидетельствовали о том, что Румынии не удастся вовлечь Францию и Великобританию в войну против СССР во имя своих интересов. В эти дни пол-

¹⁹ «România», 1.XII 1939. Выступивший после Гафенку королевский советник Н. Йорга заявил даже, что «Франция и Англия гарантировали границы Румынии» (там же). На самом деле о границах Румынии в заявлении о предоставлении гарантий не говорилось.

²⁰ АМАЕ, *cazierul* 9, *problema* 71/1939, vol. 59.

²¹ *Ibidem*, vol. II. *Telegrama* N 883, din 13 decembrie 1939.

ностью выяснились надежды, которые румынские правящие круги связывали с гарантиями. Они хотели им придать исключительно антисоветский характер.

14 декабря 1939 г. произошло еще одно событие, имеющее определяющее значение для внешней политики Румынии и для румыно-советских отношений этого периода. Представитель Кароля II Э. Урдэряну сообщил немецкому экономическому представителю Клодиусу и посланнику Фабрициусу, что по распоряжению Кароля II стоимость немецкой марки будет повышена на 15% «по политическим соображениям». При этом Урдэряну заявил, что Кароль II ждет помощи Германии против СССР. Чтобы показать готовность Румынии сблизиться с Германией, Урдэряну считал нужным подчеркнуть, что это повышение курса марки делается вопреки настояниям Англии и Франции сохранить ее старый курс²². Таким образом, румынские правящие круги, желая заручиться гитлеровской помощью в борьбе против СССР, пошли на огромные экономические уступки Германии, обещав также предоставить ей 25% всего вывоза нефти. В своей книге Гафенку указывает, что ввиду характера ответа Великобритании на запрос Румынии по поводу действительности гарантий против СССР Румыния была якобы вынуждена идти на уступки гитлеровцам и встретить с покорностью их проникновение в экономику страны. Германия, по словам Гафенку, «превратилась из агрессивной державы в покровительствующую державу»²³. Так румынские правящие круги в конце 1939 г. сами отдали себя под покровительство злейшего врага румынского народа — гитлеровской Германии, рассчитывая получить ее помощь в борьбе против несуществующей советской «угрозы».

Дальнейшее подчинение Германии являлось подлинной опасностью для судеб Румынии, лишало страну экономической независимости и неминуемо должно было привести к ее превращению в сателлита гитлеровского империализма.

15 декабря 1939 г. Гафенку направил ответное письмо Р. Хору, подтверждающее получение его письма от 14 декабря по поводу гарантий. Румынский министр выражал

²² DGFP, series D, vol. VIII, doc. 451, p. 531.

²³ G. Gafencu. Préliminaires de la guerre à l'Est, p. 330.

фактически свое несогласие с оговорками английского правительства и вновь подчеркивал, что гарантии были предоставлены Румынии в ясных и точных формулировках, исключаяющих всякие разногласия в их интерпретации. Гафенку просил Хора, чтобы не были преданы гласности оговорки, сделанные Великобританией в отношении ввода в действие гарантий, так как это можно было бы расценить как «подталкивание русских на агрессию против Румынии»²⁴. И это писалось спустя 7 дней после встречи с советским поверенным в делах, заверившим румынского министра, что Советский Союз не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Румынии.

С удовлетворением встретила румынская реакция доклад о внешней политике Италии, с которым 16 декабря выступил Чиано. Румынская печать и правительство были очень довольны антисоветскими выпадами матерого фашиста. Доклад Чиано означал и новый удар, на этот раз публичный, по проектируемому блоку нейтральных стран. Фашистский министр иностранных дел решительно высказался против блока. В то же время он выразил полную солидарность Италии с Венгрией. Что касается Румынии, то Чиано подчеркнул лишь увеличение с ней в последнее время торгового обмена²⁵. Но в глазах румынских правящих кругов значение доклада фашистского министра было настолько велико из-за его антисоветских измышлений, что они не заметили резкого отмежевания Италии от блока нейтральных стран и той поддержки, которую он фактически оказывал территориальным требованиям Венгрии.

21 декабря 1939 г. Гафенку заявил Гиджи, что он очень доволен позицией, занятой Италией²⁶. Румынский министр провокационно утверждал, что его страна намерена «защищать на Днестре не только Бессарабию, но... также другие балканские народы...» Таким образом, румынское правительство вновь возвращалось к басням о «цивилизаторской» миссии, которую оно якобы выполняло для ограждения Европы от большевизма. Гафенку сообщил также Гиджи, что в Рим для установления

²⁴ АМАЕ, cazierul 9, problema 71/1939, vol. 59.

²⁵ «Corriere della Sera», 17.XII 1939, edizione del mattino.

²⁶ DDI, nona serie, vol. II, doc. 674, p. 519.

контакта с итальянским правительством выедет в качестве эмиссара румынского правительства бывший министр иностранных дел Виктор Антонеску²⁷.

В то же время румынские правящие круги вели переговоры с правительством Турции, пытаясь его убедить заключить с Румынией антисоветский союз. Заключение подобного союза давало румынским правителям возможности выполнить одно из условий, поставленных Великобританией и Францией для введения в действие гарантий, и одновременно заслужить одобрение правительств фашистских государств, так как он привел бы к ухудшению отношений между Советским Союзом и Турцией. 18 декабря 1939 г. посол Румынии Стойка явился к Сараджоглу и в беседе с ним подчеркнул «общность судеб» Румынии и Турции, которые обязаны-де сотрудничать перед лицом «русской опасности»²⁸. Сараджоглу выразил согласие со взглядами Стойки, но ответа на его вопросы, носившие откровенно антисоветский и провокационный характер, не дал. А вопросы эти касались помощи, на которую может надеяться Румыния в случае войны с СССР, а также содействия, которое Турция окажет Великобритании и Франции для выполнения ими своих обязательств, вытекающих из предоставленных ими гарантий.

20 декабря 1939 г. Стойка опять навесил Сараджоглу и предложил ему от имени румынского правительства установить заранее общую позицию на случай возможной советской «агрессии», заключив с этой целью и соответствующее соглашение²⁹.

Румынские правители полагали, что турецкие правящие круги откажутся от своей прежней политики в отношении Советского Союза и заключат румыно-турецкий договор, направленный против СССР. 25 декабря Сараджоглу передал ответ турецкого правительства

²⁷ В. Антонеску сменил в августе 1936 г. на посту министра иностранных дел Н. Титулеску. Был известен как противник заключения договора о взаимной помощи с СССР и как сторонник установления тесных отношений с Италией, дальнейшего укрепления союза с Польшей и сближения с гитлеровской Германией.

²⁸ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/E91. Telegrama 2343 din 19 decembrie 1939 din Ankara.

²⁹ Ibidem.

Стойке³⁰. Прекрасно понимая, что за разглашением о советской «агрессии» скрывается нежелание румынских правящих кругов мирно решить вопрос о Бессарабии, Турция фактически отвергла предложения Румынии. Турецкое правительство избегало вообще говорить о «советской агрессии», в которую оно не верило, и ограничивалось повторением своей известной позиции о том, что в случае любой агрессии против Румынии оно будет придерживаться положений Балканского пакта, руководствоваться интересами своей страны и действовать в согласии со своими союзниками. Что касается предложения о выработке и подписании румыно-турецкого договора, то турецкое правительство заявило, что оно было бы обязано консультироваться по этому вопросу с Советским правительством, к чему его обязывает существующий между СССР и Турцией договор. Таким образом, турецкое правительство, несмотря на свое недружелюбное отношение к Советскому Союзу, отказалось принять на себя какие-либо дополнительные обязательства в отношении Румынии. Интересно отметить, что Гафенку в своей книге пытался представить в данном случае позицию Турции как удовлетворяющую требованиям Румынии³¹. Однако тогдашний генеральный секретарь МИДа Румынии А. Крецяну в своих мемуарах замечает, что позиция, занятая Турцией, не желавшей отменить оговорку англо-франко-турецкого договора, ограничившую ее обязательства в случае военных действий против СССР, не соответствовала требованиям, предъявленным англичанами 14 декабря 1939 г. как предварительное условие для выполнения ими гарантийных обязательств³². Крецяну, конечно, более откровенен в этом вопросе, чем Гафенку, однако оба бывших дипломата замалчивают главное, а именно, что румынское правительство предложило заключение румыно-турецкого антисоветского договора; от которого Турция отказалась.

³⁰ О получении ответа Стойка информировал телеграммой (см. АМАЕ, *caziera* 2, *problema* 71/E91, *Telegrama* N 2371 din 25 decembrie 1939); подробное изложение содержится в АМАЕ, *caziera* 2, *problema* 71/E91, *Raport* 2438 din 26 decembrie 1939 din Ankara).

³¹ G. Gafenco. *Les préliminaires de la guerre à l'Est*, p. 331.

³² A. Cretzianu, *The lost opportunity*, p. 35.

Одновременно с попытками привлечь Турцию к образованию нового антисоветского союза, румынское правительство направило В. Антонеску в Рим для ведения переговоров с фашистским правительством по вопросу о «помощи» Румынии. Как записал в своем дневнике Чиано, В. Антонеску стремился узнать, какова будет позиция Италии в случае войны с Советским Союзом. Фашистский министр подчеркнул «антибольшевистскую» позицию своего правительства, но в то же время указал на нежелание принимать какие-либо обязательства, которые могли бы ограничить его свободу действий³³. Это означало, что Италия не намерена заключить какое-нибудь соглашение с Румынией. В. Антонеску передал просьбу румынского правительства, чтобы Италия повлияла на Венгрию и убедила ее не угрожать Румынии и не заставлять ее «идти на соглашение с СССР».

Угроза «идти на соглашение» с Советским Союзом оказала необходимый эффект на итальянских фашистских главарей. Муссолини одобрил предложение своего зятя переговорить с венграми по этому поводу³⁴. Фашистский диктатор изъявил согласие предоставить Румынии в случае ее войны с Советским Союзом военную помощь, идентичную той, которая была в свое время оказана генералу Франко³⁵. Как записал Чиано, В. Антонеску был очень доволен.

27 декабря 1939 г. Татареску и Гафенку приняли итальянского посланника и опять повторили клевету, что

³³ Comte Galeazzo Ciano. *Journal politique 1939—1943*, vol. I, Paris, 1946, p. 188.

³⁴ *Ibidem*, p. 189.

³⁵ До сих пор нет ясности в отношении «помощи», которую Италия намеревалась или, вернее, обещала дать Румынии. На это обстоятельство обратил внимание итальянский историк Марио Тоскано, который заметил, что имеются противоречия по этому вопросу в записях Чиано (*Mario Toscano. Una mancata intesa italo-sovietica nel 1940 e 1941. Firenze, 1953, p. 18*). Известно, что в феврале 1940 г. Чиано хвастал перед заместителем государственного секретаря США С. Уэллесом, что «Италия заключила соглашение с Румынией». Уэллес докладывал Рузвельту: «Граф Чиано подчеркнул, что это соглашение совершенно секретно, и если Россия нападет на Румынию, то Италия немедленно придет на помощь Румынии не путем открытого объявления войны России, а предоставлением войск и самолетов» («Foreign relations of the United States 1940», vol. I, general, Washington, 1959, p. 26). Других напоминаний о секретном соглашении пока не обнаружено, и поэтому правдоподобность заявления Чиано вызывает сомнения.

Советский Союз якобы собирается напасть на Румынию³⁶. Румынские политики заявили, что, поскольку Германия может оказаться не в состоянии ее «защитить», то все их надежды уповают на Италию. Как предполагал Гиджи, румынские правящие круги рассчитывали на сближение англо-французской и итальянской позиций в этом районе Европы.

Спустя три дня Чиано вновь принял В. Антонеску. Он еще раз заявил румынскому эмиссару о том, что Италия интересуется всем, что происходит в этой части Европы³⁷. В случае войны с СССР Чиано обещал ей помощь любыми возможными средствами.

10 января 1940 г. состоялась встреча Чиано с румынским посланником в Риме Р. Босси. Из сообщения Босси вытекает, что Чиано рассказал ему о своих беседах с венгерским министром иностранных дел И. Чаки во время их встречи 5—7 января в Венеции и вновь обещал помощь Румынии, «являющейся первым оплотом против большевизации Балкан, где Италия является сейчас самой сильной державой». Вдохновляя румынских реакционеров на антисоветские выступления, Чиано, по словам Босси, на прощание заявил: «Сейчас можете всеми своими силами сопротивляться большевикам, вас с Запада никто атаковать не будет, пока вы будете воевать на Востоке»³⁸.

Гафенку был этим настолько тронут, что просил Босси выразить Чиано благодарность румынского правительства. Он передал благодарность за «понимание» и симпатию, проявленные фашистской Италией к Румынии, которые убеждают румынское правительство, что своей политикой оно «не только выполняет свой долг по отношению к нам самим (Румынии.— Б. К., И. Л.), но выполняет также европейскую миссию»³⁹.

Заявления Чиано преследовали цель поддержать и усилить антисоветскую позицию румынских правящих кругов. Гафенку писал, что единственный недостаток этих обещаний состоял в том, что они распространялись

³⁶ DDI, nona serie, vol. II, doc. 733, p. 565.

³⁷ «L'Europa verso la catastrofe», 1948, p. 500; см. также: DDI, nona serie, vol. II, doc. 764, p. 589.

³⁸ ИДА, фонд микрофильмов (Telegrama din 10 ianuarie a legatiei române la Roma către Gafencu).

³⁹ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. IV. Telegrama N 2472 din 15 ianuarie 1940 la Roma.

только на время, пока Италия оставалась в положении невоюющей страны⁴⁰. На самом же деле Чиано добивался взамен на свои ни к чему не обязывающие Италию обещания разжигания антисоветской и антикоммунистической истерии во всем мире и усиления своего влияния на Балканах и в районе Дунайского бассейна. Для этого Италия добивалась территориальных уступок со стороны Румынии хортистской Венгрии⁴¹, на что румынские правящие круги дали свое согласие⁴². Упорно отказываясь от нормализации отношений с Советским Союзом и распространяя слухи о советском «нападении», румынские правящие круги были готовы уступить часть Трансильвании хортистам как плату за оказание ими помощи в борьбе против Страны Советов⁴³.

Хотя В. Антонеску вернулся только с обещанием помощи со стороны фашистской Италии, румынские правящие круги выразили большое удовлетворение достигнутыми им результатами. Кароль II и Гафенку поспешили пригласить Чиано на охоту, надеясь, что в Румынии он сделает какое-либо публичное заявление в поддержку антисоветского курса румынских правящих кругов. 3 января 1940 г. Гафенку передал по поручению монарха Гиджи, что Румыния готовится всеми силами воевать в случае предъявления Советским Союзом требований на Бессарабию и поэтому стремится согласовать в будущем свою политику с директивами итальянского правительства⁴⁴. Гафенку добавил также, что его страна готова проявить добрую волю в своих отношениях с Венгрией; другими словами, он подтвердил, что румынское правительство не возражает против территориальных уступок. Об этом Чиано сообщил венгерскому министру иностранных дел Чаки во время упомянутой встречи в Венеции 5—7 января 1940 г. Он заявил, что румынские правящие круги готовы на определенные территориальные уступки Венгрии как плату за поддержку последней в борьбе против Советского Союза⁴⁵. Однако Чаки отклонил эти пред-

⁴⁰ G. Gafenco. Op. cit., p. 332.

⁴¹ «L'Europa verso la catastrofe», p. 500; см. также: DDI, nona serie, vol. II, doc. 764, p. 589.

⁴² «L'Europa verso la catastrofe», p. 502.

⁴³ DDI, nona serie, vol. III, doc. 8, p. 6.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem, doc. 44, p. 30—31.

ложения, так как они показались ему недостаточными. Это обстоятельство указывало на уверенность венгерских правителей, что их требования к Румынии будут удовлетворены в значительно большем объеме. В это же время Чаки обещал Чиано сохранение Венгрией благожелательного нейтралитета в отношении Румынии, если последняя будет находиться в состоянии войны с Советским Союзом. Хортистский министр утверждал, что Венгрия выступит против Румынии и решит трансильванский вопрос, если в этой стране начнется уничтожение венгерского национального меньшинства, произойдет революция, или она удовлетворит территориальные требования Советского Союза и Болгарии. Таким образом, Венгрия обещала свой нейтралитет Румынии при условии, что последняя не откажется от антисоветской и антикоммунистической позиции и сумеет сохранить реакционные порядки внутри страны.

Выдвижение этих условий означало в какой-то мере попытку венгерских правителей добиться права вмешательства во внутренние дела Румынии. Оно в то же время преследовало цель подчеркнуть, что Венгрия, по словам Чаки, была в состоянии сама справиться с коммунистической «опасностью». Несмотря на унижительные для Румынии результаты переговоров Чиано с Чаки, румынские правящие круги выразили свою признательность Италии ⁴⁶.

Румынская пропаганда вводила в заблуждение свой народ, скрывая от него готовность правительства идти на территориальные уступки Венгрии. Правительственный официоз писал, что в Венеции якобы Чиано и Чаки высказались за сохранение *statu quo* в Дунайском бассейне и на Балканах ⁴⁷.

Антисоветское выступление Чиано в фашистском парламенте воодушевило также и представителей Великобритании, Франции и Турции, которые стали еще активнее поддерживать агрессивный антисоветский внешнеполитический курс Румынии. Посетивший 2 января 1940 г. МИД Румынии поверенный в делах Франции А. Шпицмюллер заявил, что находящийся на Ближнем Востоке генерал М. Вейган настоятельно просил начальника

⁴⁶ DDI, nona serie, vol. III, doc. 147, p. 129.

⁴⁷ «România», 6.1 1940.

штаба турецкой армии маршала Чакмака подготовиться к оказанию «помощи» Румынии против Советского Союза⁴⁸. В этой обстановке, румынские правящие круги перешли к открытой антисоветской провокации. 7 января 1940 г. Кароль II прибыл в Кишинев и выступил с воинственной, полной угроз речью, в которой утверждал, что Бессарабия останется навсегда румынской⁴⁹.

Речь Кароля была подхвачена антисоветскими политиками империалистических государств. Влиятельная английская газета «Таймс» на все лады расхваливала ее⁵⁰. Известный французский политический деятель Э. Эррио также похвалил речь Кароля II. Он заявил румынскому послу в Париже, что эта речь освобождает его от забот в отношении судьбы Бессарабии⁵¹.

Румынский премьер-министр использовал создавшуюся обстановку для еще большего сближения страны с фашистской Италией. В беседе с Гиджи он вновь и вновь возвращался к так называемой «советской угрозе». Татареску был готов пойти на экономические уступки Италии, которая, по его мнению, «должна проявить себя как великая балканская держава также и на берегах Дуная». Интересно отметить, что румынский премьер-министр заявил о готовности сделать территориальные уступки Венгрии и Болгарии⁵².

В этой обстановке антисоветской истерии велась усиленная подготовка к сессии Постоянного Совета Балканской Антанты, которая должна была состояться в начале февраля 1940 г. Румынские правящие круги надеялись, что на этой сессии можно будет добиться новых успехов в деле сплочения государств Юго-Восточной Европы на антисоветской основе. «Белградская сессия обещает, — писал румынский официоз, — что наряду с работами сессии Балканской Антанты будет развернута также «внесессионная» работа, которая объединит под руководством Италии ответственных представителей внешней политики всех стран этой части Европы, т. е. также Венг-

⁴⁸ АМАЕ, cazierul 2, vol. 10, România general. Notă asupra convorbirii dintre Cretzianu și Spitzmuller la 2 ianuarie 1940.

⁴⁹ «România», 9.I 1940.

⁵⁰ «The Times», 8.I 1940.

⁵¹ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. I. Telegrama N 21 din 10 ianuarie 1940 de la Paris.

⁵² DDI, nona serie, vol. III, doc. 59, p. 41—42.

рии и Болгарии, в целях координации внешней политики и международной позиции всех балкано-дунайских стран»⁵³.

К этому времени реакционные круги Англии и Франции вновь подняли на щит план создания антисоветского блока, причем роль его проповедников взяли на себя французские реакционные журналисты. «Поддерживая хорошие дружественные отношения с Италией, а также и с англо-французским блоком, этот балкано-венгерский мир может сохранить у себя и защитить на берегах Средиземного моря греко-римскую цивилизацию против любого покушения на нее», — писала «Пари суар»⁵⁴. Менее возвышенно отзывалась о новых попытках сколотить антисоветский блок английская «Таймс»: «Если верно, что Италия советует Венгрии и Болгарии быть сдержанными и пытается создать антибольшевистский фронт в Юго-Восточной Европе, то она может рассчитывать на безусловную поддержку Румынии»⁵⁵. Румынское правительство надеялось на этой сессии в Белграде вновь поднять вопрос о создании блока нейтральных стран. Оно хотело при помощи своих союзников по Балканской Антанте успокоить Венгрию и Болгарию, обещать им на послевоенное время полное или частичное удовлетворение их территориальных претензий и таким образом обеспечить себе спокойный тыл на случай войны против Советского Союза. Чтобы подготовить для этого почву, румынское правительство решило пойти еще на одну уступку гитлеровской Германии, в надежде, что германское правительство не будет мешать сближению стран Балканской Антанты с Венгрией и Болгарией.

17 января 1940 г. было объявлено о создании генерального комиссариата нефти, который должен был заниматься вопросами добычи, обработки нефти и ее экспортом «в соответствии с интересами страны»⁵⁶. Создание нового органа по управлению нефтяной промышленностью соответствовало интересам гитлеровской Германии, которая жаловалась на то, что нефтяные акционерные общества, принадлежащие английскому и

⁵³ «România», 14.I 1940.

⁵⁴ «Paris soir», 10.I 1940.

⁵⁵ «The Times», 11.I 1940.

⁵⁶ «România», 19.I 1940.

французскому монополистическому капиталу, отказываются продавать нефть рейху. Во главе нового органа был поставлен тесно связанный с немецким капиталом промышленник и финансист Герон Нетта. Объясняя причины создания этого комиссариата и увеличения до 130 000 т в месяц экспорта нефти в Германию, румынское правительство указывало, что Германия обеспечивает Румынию оружием, необходимым «для защиты своей независимости и территориальной целостности от любой агрессии»⁵⁷. Это означало, что накануне Белградской сессии Румыния совершила новый шаг по пути закабаления своей экономики гитлеровской Германией. Оружие, полученное из Германии, румынские правящие круги собирались использовать в войне против Советского Союза. Однако еще до этого гитлеровская «Фелькишер беобахтер» предупредила Румынию, чтобы она не вынашивала планов создания каких-либо блоков или группировок, так как они обречены на провал⁵⁸. Появление этой статьи предвещало оппозицию Берлина к планам Румынии вновь попытаться сблизиться с Венгрией и Болгарией при помощи Балканской Антанты. «Сюрприз» румынским правителям преподнес и итальянский официоз. В специальной статье он заявил, что сохранение порядка в этой части Европы требует быстрой ликвидации всех существующих противоречий⁵⁹. А это означало приглашение к удовлетворению территориальных претензий Венгрии и Болгарии и было адресовано в первую очередь бухарестскому правительству. Фашистский журнал фактически изложил публично то, что итальянские дипломаты говорили румынским деятелям в доверительных беседах. Итальянские фашисты сообщили также румынам, что у них нет оружия для немедленных поставок Румынии⁶⁰. В этой обстановке собралась 2 февраля 1940 г. сессия министров иностранных дел Балканской Антанты. На этой сессии румынский министр отказался от каких-либо территориальных уступок. Эта позиция основывалась на нежелании румынского правительства рассмотреть бессарабский вопрос. «Г-н Гафенку заявил, —

⁵⁷ AMAE, cazierul 27, problema 70, vol. I. Răspunsul guvernului român remis lui Sir Reginald Hoare la 12 februarie 1940.

⁵⁸ См. «Völkischer Beobachter», 16.I 1940. Berliner Ausgabe.

⁵⁹ «Relazioni internazionali», N 2, 13.I 1940, p. 139.

⁶⁰ DDI, nona serie, vol. III, doc. 196, p. 157.

указывалось в справке, составленной в МИДе Румынии,— что Румыния не допустит никакой уступки в вопросе о Бессарабии, что вопрос о Трансильвании очень трудно разрешить в том аспекте, как этого желают венгры, но что вопрос об Южной Добрудже можно решить легче. Однако, поскольку между этими тремя вопросами существует взаимосвязь, вопрос об Южной Добрудже не может быть решен немедленно и должен быть отложен до мирной конференции, когда к румынским уступкам Югославия также сумеет добавить свою символическую уступку»⁶¹. Таким образом, Гафенку декларировал антисоветскую позицию своего правительства, которая исключала возможность каких-либо уступок по вопросу о Бессарабии, и использовал эту позицию для отклонения и тех территориальных требований, которые признавались им обоснованными.

Провозглашением твердого антисоветского курса румынское правительство рассчитывало завоевать сочувствие и понимание своих партнеров по Балканской Антанте, которые также придерживались враждебной Советскому Союзу внешнеполитической линии. По словам премьер-министра Болгарии Г. Киосейванова, Сараджоглу ему сообщил, что Гафенку был «непримирим по вопросу о Бессарабии, расположен к некоторому изменению границы с Венгрией и на уступки в вопросе о меньшинствах в Трансильвании, Гафенку признал этническую принадлежность всей Добруджи к Болгарии, но говорил о невозможности начать пересмотр границ до прекращения войны». У болгарского премьер-министра сложилось впечатление, что Турция не придет на помощь Румынии, если Советский Союз вернет себе Бессарабию⁶². Белградская сессия Совета Балканской Антанты не продвинула ни на шаг осуществление плана создания блока нейтральных государств. О нем на сессии не было даже и речи⁶³.

На Белградской сессии позиция румынской дипломатии получила поражение. Ей не удалось сплотить страны — участницы Балканской Антанты — на антисоветской

⁶¹ AMAE, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 9. «Atitudinea României în cadrul înțelegerii Balcanice» de Constantin Cesianu.

⁶² DDI, nona serie, vol. III, doc. 270, p. 232.

⁶³ Ibidem, vol. II, doc. 297, p. 253.

платформе, которую она хотела использовать как оправдание своего отказа удовлетворить территориальные требования. В своей книге Гафенку писал о том, что на Белградской сессии по предложению Сараджоглу было решено создать общий план обороны и сопротивления на случай любой предвиденной «возможности агрессии», и назвал это решение «кульминационным пунктом балканского сотрудничества»⁶⁴. В действительности предложение Сараджоглу было принято остальными членами Балканской Антанты скрепя сердце, так как они боялись, что Турция их втянет в лагерь западных союзников и это вызовет репрессии со стороны гитлеровской Германии. Поэтому, хотя на сессии и было решено созвать совещание начальников генеральных штабов стран — участниц Балканской Антанты, это совещание так никогда и не состоялось. Известный турецкий дипломат Ачикалын писал в 1947 г., что турецкие предложения на этой сессии были встречены с нерешительностью, никакого решение не было принято, и некоторые балканские государства (имеется в виду, видимо, Югославия) хотели создать новую Балканскую Антанту против «турецкой угрозы»⁶⁵.

Противоречия среди стран Центральной и Юго-Восточной Европы продолжали между тем усиливаться. В своей работе Гафенку скрыл тот известный факт, что сразу же после сессии в Белграде отношения между Румынией и Турцией ухудшились. Этому содействовал отказ Турции участвовать в осуществлении различных антисоветских военных демонстраций, проектируемых Францией⁶⁶. В свою очередь Турция, а также Югославия были недовольны непримиримостью Румынии, которая фактически отказалась удовлетворить справедливые требования Болгарии на Южную Добруджу⁶⁷. Позиция Румынии в решающей мере повлияла на политическое положение в Болгарии. Правительство Киосейванова ушло в отставку, и к власти пришло новое правительство

⁶⁴ G. Gafenco. *Préliminaires de la guerre à l'Est*, p. 323.

⁶⁵ «International affairs», 1947, N 4, october, p. 482.

⁶⁶ DDI, nona serie, vol. III, d. 305, p. 265. Отказ турецкого правительства объяснялся, возможно, еще и тем, что оно было осведомлено о военной слабости так называемой армии Вейгана, на которую возлагалось проведение в жизнь агрессивных актов против Советского Союза в районе Кавказа (*Ibidem.*, doc. 297, p. 253).

⁶⁷ DDI, nona serie, vol. III, doc. 270, 287, p. 232, 244.

Б. Филова, занявшее резко антисоветскую позицию и проводившее открыто прогитлеровскую политику. В Венгрии началась яростная антирумынская кампания, показавшая всю непрочность и шаткость соглашения в Венеции⁶⁸.

Румынское правительство продолжало в это время искать покровителей для своей антисоветской политики. 9 февраля 1940 г. Тила сообщал из Лондона, что он устроил обед в честь Н. Чемберлена и что английский премьер-министр выразил «полное понимание» положения, в котором находится Румыния, и «одобрение» румынской внешней и нефтяной политике. Румынский дипломат радостно сообщал, что он установил полное единство взглядов с Чемберленом в отношении России и Италии⁶⁹. Это означало, что английский премьер-министр одобрительно отозвался об антисоветской политике, проводимой Румынией, и о ее попытках установить тесные связи с фашистской Италией.

Вскоре после Белградского совещания в Рим был направлен один из приближенных Кароля II, руководитель королевской молодежной организации «Стража цэрий» Т. Сидорович. Как сообщала газета «Таймс», в задачу Сидоровича входило обсудить с фашистскими руководителями румыно-венгерские отношения и подготовить поездку Кароля II в Италию⁷⁰. Румынский монарх надеялся, что такая поездка укрепит его престиж, явится демонстрацией дружеских отношений между Румынией и Италией. После возвращения Сидоровича из Италии Гафенку разослал циркулярную телеграмму румынским представителям за границей, в которой сообщал, что Муссолини и Чиано заверили румынского гостя «в своей активной симпатии» ввиду «опасности», которая якобы угрожает Румынии с востока, и что «эта симпатия представляет реальную политическую ценность»⁷¹. Несмотря на победный тон реляции Гафенку,

⁶⁸ DDI, nona serie, vol. III, doc. 299, p. 254; см. также: «Pester Lloyd», 6.II 1940.

⁶⁹ AMAE, cazierul 2, problema 71, vol. 9. Telegrama N 116 din 9 februarie 1940 de la Londra.

⁷⁰ «The Times», 17.II 1940.

⁷¹ AMAE, cazierul 2, problema 71, vol. I. Telegrama N 11329 din 26 februarie 1940 de la București. Позже Сидорович заявил, что Муссолини обещал помощь Румынии («The New York Herald Tribune», 18.III 1940).

известно, что Сидорович произвел плохое впечатление на Чиано, который записал об этом в своем дневнике, назвав румынского «вождя» молодежи «скотиной, не представляющей никакого интереса»⁷².

Заняв непримиримую антисоветскую позицию, румынские правящие круги полагали, что они, в случае если СССР потребует возвращения Бессарабии, сумеют вести войну против него. Хорошо информированная, занимающая крайне антисоветские позиции швейцарская газета писала еще до сессии постоянного совета Балканской Антанты в Белграде, что в Бухаресте надеются, «что будет легко защищать Бессарабию против России, которая никогда не признавала включение этой провинции в состав Румынии. Говорят, что на Пруте, Серете и в Молдавских Карпатах построены укрепления и что в Бессарабии они строятся ускоренными темпами»⁷³.

Но главная причина была в усилившемся сотрудничестве Румынии с гитлеровской Германией. Известно, что, готовясь к решающим боям на Западе, гитлеровская Германия придавала огромное значение бесперебойному поступлению стратегических товаров и сырья из стран Юго-Восточной Европы. Поскольку западные державы пытались помешать отправке румынских товаров в Германию путем проведения диверсионных актов и отказа нефтяных акционерных обществ, находящихся под контролем англо-французского капитала, продавать нефть гитлеровцам по низким довоенным ценам, правительство рейха назначило в конце 1939 г. друга Гитлера — М. Киллингера уполномоченным по борьбе с вражеским саботажем и пропагандой, а в начале января 1940 г. бывшего гитлеровского бургомистра Вены Г. Нейбахера особоуполномоченным по экономическим вопросам при немецкой миссии в Бухаресте⁷⁴. Одним из первых результатов усиленного нажима Германии на Румынию была организация комиссариата нефти, о котором говорилось выше. Хотя эта уступка румын была встречена с удовлетворением в Германии, гитлеровские правители на этом не успокоились. Они добивались снижения цен на нефть, которая

⁷² G. Ciano. Op. cit., vol. I, p. 211.

⁷³ «Neue Zürcher Zeitung», 26.I 1940. Fernausgabe.

⁷⁴ DGFP, series D, vol. VIII, doc. 495, 508, p. 584, 616. Радиус действия Киллингера охватывал не только Румынию, но его основная резиденция находилась в Бухаресте.

очень вздоржала на мировых рынках в условиях войны, и их стабилизации на этом уровне. Как вспоминает Г. Нейбахер, чтобы добиться этих целей, он использовал «боязнь (румьнских правящих кругов.— Б. К., И. Л.) вступления Советов в Бессарабию и очень плохое состояние румынского вооружения»⁷⁵. Таким образом, умело используя ненависть румынских правящих кругов к Советскому Союзу и их упорное нежелание не только приступить к решению бессарабского вопроса, но и признать его существование, гитлеровские правители добились со стороны Румынии больших экономических уступок⁷⁶. Взамен за оружие, большинство которого состояло из трофеев, захваченных гитлеровской Германией в ходе войны против Польши, Румыния поставляла Германии по заниженным ценам огромное количество нефти.

Проводимая румынским правительством политика получила в начале марта 1940 г. одобрение со стороны Коронного совета, заседавшего под председательством Кароля II. В принятом решении говорилось, что «дипломатическая деятельность правительства была единогласно одобрена, так же как и ее продолжение в целях защиты национальных интересов»⁷⁷.

Расчеты румынской реакции были, однако, построены на песке. Советские Вооруженные Силы разгромили войска белофиннов. 12 марта 1940 г. был подписан мирный договор между СССР и Финляндией на условиях, улучшающих безопасность нашей страны. Планы международной реакции использовать события в Финляндии для создания антисоветского блока, охватывающего все главные империалистические державы, и направить вооруженные силы на помощь белофиннам потерпели крушение. Попытки румынских правящих кругов превратить Балканскую Антанту в антисоветскую организацию, которая гарантировала бы территориальные приобретения Румынии, не увенчались успехом. Партнеры Румынии по Балканской Антанте вообще отказались упомянуть в коммюнике Белградской сессии о территориальной целостности стран — участниц пакта и заменили ее новой

⁷⁵ *Hermann Neubacher. Sonderauftrag Südost 1940—1945. Bericht eines fliegenden Diplomaten.* Berlin, 1957, S. 40.

⁷⁶ *Hermann Neubacher. Op. cit., S. 41.*

⁷⁷ «*România*», 8.III 1940.

формулировкой, свидетельствующей об их отрицательном отношении к позиции Бухареста⁷⁸.

Румыния не сумела улучшить свои отношения с Венгрией и Болгарией, которых она также желала втянуть в антисоветский сговор. Правительства Венгрии занимали антисоветскую позицию, они даже посылали добровольцев и оружие в Финляндию, но это не могло их заставить отказаться от своих территориальных требований к Румынии. Что касается болгарского правительства, то оно отклонило предложение, сделанное ему румынским министром финансов М. Константинеску, посетившим Софию в феврале 1940 г., о том, чтобы Болгария взамен за возвращение ей Южной Добруджи оказала Румынии помощь против Советского Союза⁷⁹.

Румынские правящие круги приложили немало усилий, чтобы заручиться покровительством фашистской Италии. Специальные эмиссары, которые посетили Рим, получили там много обещаний, носящих нарочито туманный характер. Итальянские политики, мечтавшие об установлении итальянского господства над балканскими странами, были не прочь использовать антисоветскую политику румынских правящих кругов в своих интересах. Однако даже Италия уклонялась обещать какую-либо конкретную помощь Румынии в случае, если Советский Союз потребует возвращения отторгнутой в 1918 г. Бессарабии⁸⁰. «Обещания» Муссолини носили конъюнктурный характер. На самом деле итальянский диктатор относился враждебно к Румынии, не доверял ее руководителям и поддерживал территориальные претензии к ней Венгрии и Болгарии⁸¹. «Кажется весьма неправдоподобным,— писал хорошо информированный журнал «Эроп сантраль»,— чтобы Италия считала, что «ее границы находятся на Днестре», и была расположена скомпрометировать старую дружбу с Венгрией, гарантируя западную границу Румынии»⁸². Из кажу-

⁷⁸ В коммюнике говорилось о решимости сторон совместно бороться за сохранение права на независимость и на *национальную территорию* (курсив наш.— Б. К., И. Л.) каждой из них. («Universul», 6.II 1940).

⁷⁹ См. «Neue Zürcher Zeitung», 7.III 1940. Fernausgabe.

⁸⁰ См. «Neue Zürcher Zeitung», 26.I 1940. Fernausgabe.

⁸¹ См., например, письмо Муссолини к Гитлеру от 11 апреля 1940 г., в котором он дает отрицательную характеристику Румынии (DDI, *pona serie*, vol. IV, doc. 37, p. 27).

⁸² «L'Europe centrale», 1.V 1940, p. 10.

щегося сближения с Италией румынские правящие круги старались извлечь пользу, чтобы доказать, что их позиция, направленная против Советского Союза, имеет поддержку Рима.

Условия, выдвинутые Англией и Францией в декабре 1939 г. для того, чтобы гарантии, представленные Румынии в апреле 1939 г., могли действовать против Советского Союза, поступающие в Румынию сведения о слабости армии Вейгана и о нерешительности англо-французского командования открыть новый фронт в Юго-Восточной Европе⁸³ и, наконец, поражение правительств Даладые и Чемберлена, не сумевших предотвратить заключение мира между СССР и Финляндией,— все эти обстоятельства привели к значительному ослаблению уз, связывающих Румынию с этими двумя империалистическими державами. В то же время усилилось подчинение румынской экономики гитлеровской Германии. Военные успехи гитлеровского вермахта, растущее влияние гитлеровской Германии на страны Центральной и Юго-Восточной Европы, ее заинтересованность в сохранении мира на Балканах, пока не закончены военные действия на Западе,— все это вызывало у румынских руководителей иллюзии, что именно III рейх является тем надежным союзником, который поможет им взамен за полное подчинение страны сохранить территориальную целостность «великой Румынии» и предотвратить социальные потрясения внутри страны. Если доверие румынских правящих кругов поколебалось в какой-то мере осенью 1939 г. и они стали сомневаться в способности и желании гитлеровских правителей возглавить антисоветский поход, то постепенно, особенно после заключения новых экономических соглашений, по мере того как Германия поставляла вооружение для румынской армии, румынское правительство вновь обрело уверенность, что антикоммунистическая и антисоветская позиция немецких правителей осталась прежней. Гитлеровцы умело использовали страх и ненависть румынских правителей к Советскому Союзу, чтобы закрепить и усилить подчинение румынской экономики немецкой военной машине и заложить фундамент для превращения страны в сателлита. К началу марта 1940 г. этот процесс находился в полном развитии.

⁸³ См. по этому вопросу: *Al. Cretzianu. The lost opportunity*, p. 35—36.

ГЛАВА IV

МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ ВОПРОСА О БЕССАРАБИИ

Враждебное отношение правящих кругов Румынии к Советскому Союзу, страх перед возможностью распространения идей коммунизма среди трудящихся Румынии оказывали большое влияние на внутреннюю обстановку в стране. В январе 1940 г. была сделана попытка активизировать и использовать в целях укрепления королевской диктатуры единственную легальную партию — «Фронт национального возрождения». Во главе этого так называемого фронта был поставлен в качестве председателя матерый реакционер Ал. Вайда-Воевод, известный своей прогитлеровской ориентацией¹, что свидетельствовало об усилении политического влияния крайне реакционных элементов, ранее находившихся в тесных отношениях с лидерами «Железной гвардии»².

Поскольку Вайда-Воевод был известен своими профашистскими и антисоветскими взглядами, то его назначение на пост председателя ФНВ свидетельствовало об усилении прогитлеровской ориентации правящих кругов, особенно если учесть, что оно состоялось вскоре после провокационной поездки Кароля II в Кишинев.

Новый этап процесса фашизации Румынии, ее политического сближения с гитлеровской Германией и усиления антисоветской позиции румынских правящих кругов наступил весной 1940 г. 16 марта 1940 г. все румынские га-

¹ В секретном меморандуме Каролю II Вайда-Воевод требовал в декабре 1938 г. «договориться» с Германией. Он писал, что в таком случае «...опасность большевизации не будет больше угрожать будущему страны» (Arhivele Statului București, fond Vaida-Voevod, Memoriul lui Vaida-Voevod către Carol al II-lea din 21 decembrie 1938).

² Ал. Вайда-Воевод считался «крестным отцом» фашистской организации железногвардейцев.

зеты опубликовали письмо группы видных железногвардейцев, находящихся в заключении, в котором они заявляли о своем покаянии и поддержке ими режима королевской диктатуры³. В тот же день были выпущены на свободу 786 железногвардейцев⁴. На самом деле железногвардейцы ни в чем не раскаивались. Румынское правительство решило выпустить фашистов, чтобы усилить реакционные, антикоммунистические силы в стране, так как «Железная гвардия» занимала самые крайние антисоветские позиции⁵. Большинство ее лидеров являлись платными агентами гестапо. По некоторым сведениям, Муссолини передал Каролю II через Сидоровича совет помириться с «Железной гвардией»⁶. Румынские правящие круги пытались убедить мировую общественность, что освобождение легионеров является лишь следствием их полного подчинения существующему режиму⁷ и не будет иметь никаких политических последствий. На самом же деле речь шла о попытке сговора королевской диктатуры с руководством «Железной гвардии». Из освобожденных легионеров двое (Р. Миронович и К. Стойкэнеску) были направлены в Германию для переговоров с румынскими фашистскими вожаками, бежавшими в Германию после убийства К. Кодряну. Здесь они встречались с Хориа Сима⁸. Эти переговоры привели позже к возвращению Хориа Сима и других железногвардейцев в Румынию⁹. «Нью-Йорк геральд трибюн» по этому поводу

³ «România», 17.III 1940.

⁴ См. «New York Herald Tribune», 17.III 1940.

⁵ Лидер «Железной гвардии» К. Кодряну писал Каролю II 5 ноября 1936 г.: «Сближение с СССР является актом предательства румынского народа по отношению к богу и к моральному порядку, существующему в мире» («Aspects des relations russo-roumaines». Paris, 1967, p. 141).

⁶ См. «Free Europe», 22.III 1940, p. 192.

⁷ *Eliza Campus*. Criza politică a dictaturii regale (1940), «Studii și articole de istorie», vol. IV. București, 1962, p. 365.

⁸ *Ștefan Palaghita*. Garda de fier, vol. I. Buenos-Aires, 1951, p. 116. Как пишет бывший военный атташе в Берлине, а затем посол Румынии в Германии Ион Георге, в этих переговорах принимал активное участие своими советами посланник В. Фабрициус (*Ion Gheorghe*. Rumăniens Weg zum Satellitenstaat. Heidelberg, 1952, S. 55).

⁹ Хориа Сима и Н. Пэтрашку — главари железногвардейского движения — вернулись в Румынию в мае 1940 г. После короткого ареста, во время которого они имели встречи с Э. Урдэряну и начальником

писала, что речь шла о введении в состав правительства тесно связанного с титлеровцами и железногвардейцами профессора М. Маноилеску, который к тому же являлся личным другом Кароля II¹⁰. На этом этапе дело не дошло до включения железногвардейцев в правительство, но, как показали события, правящие круги Румынии шли быстрыми шагами именно в этом направлении. По словам хорошо осведомленной в румынских делах «Нойе цюрхер цайтунг», румынские правящие круги «хотели доставить удовольствие Берлину»¹¹.

16 марта 1940 г. по радио выступил с речью премьер-министр Татареску, который сообщил об ассигновании огромной суммы в 30 миллиардов лей на нужды армии и заявил о готовности Румынии «защищаться» против любого нападения¹².

В связи с открытием новой сессии румынского парламента министр иностранных дел сделал заявление в сенате, в котором подчеркнул решимость Румынии защищать то, что было получено якобы «в результате свободного решения собраний в Кишиневе, в Черновцах и в Алба-Юлии»¹³. Таким образом, румынский министр пытался выдать решения «Сфатул цэрий» и контрреволюционного «Собрания» в Черновцах за волеизъявление населения Бессарабии и Северной Буковины. В прениях выступил королевский советник Н. Йорга, который заявил, что Румыния не должна идти ни на какие территориальные уступки и что те страны, «которые ее любят, не должны добиваться таких уступок»¹⁴. Йорга имел в виду тех, кто советовал Румынии удовлетворить претензии Болгарии на Южную Добруджу. Речь Йорги была пропитана шовинистическим духом, хотя содержала и скрытые антинемецкие нотки. В своем выступлении Гафенку пытался доказать, что международное положение Румынии улучшилось. В действительности же, особенно в последнее время, в связи с решением англо-французских союзников усилить экономическую блокаду Германии, над Румынией

румынской секретной службы М. Морозовым, они были выпущены на свободу и приступили к восстановлению фашистской организации.

¹⁰ «New York Herald Tribune», 17.III 1940.

¹¹ «Neue Zürcher Zeitung», 18.III 1940. Morgenausgabe.

¹² «România», 18.III 1940.

¹³ «Universul», 20.III 1940.

¹⁴ Ibidem.

вновь нависла угроза быть втянутой в войну. На шестом заседании Верховного совета союзников было решено принять все меры для сокращения поставок румынской нефти в Германию¹⁵. Швейцарская «Нойе цюрхер цайтунг» писала, что союзники намереваются предпринять акцию на Балканах и попытаться помешать СССР продолжать торговлю с Германией¹⁶. Эта политика, проводимая англо-французским блоком, представляла огромную опасность для всех балканских стран, особенно для Румынии, поскольку она была направлена на ее превращение в поле битвы и в плацдарм для нападения на Советский Союз. В то же время иностранная печать распространяла инспирируемые английскими и французскими правящими кругами слухи о якобы предстоящем германо-итало-советском соглашении по поводу дележа сфер влияния на Балканах¹⁷.

В то время как в прессе появлялись эти лишенные всякого основания клеветнические заявления, призванные очернить политику Советского Союза, итальянские и германские империалисты действительно делили сферы влияния. В беседе с военно-воздушным атташе Италии Геринг заявил 28 марта 1940 г., что, по мнению Германии, Балканы должны находиться под политическим влиянием Италии¹⁸. Это заявление как бы подкрепляло результаты встречи Гитлера с Муссолини 18 марта на Бреннере, в ходе которой итальянский фашистский диктатор выразил готовность вступить в войну на стороне своего немецкого союзника¹⁹.

В эти дни еще более очевидной стала беспочвенность расчетов правящих кругов Румынии на поддержку Италии. 27 марта в итальянской фашистской газете было опубликовано сообщение из Бухареста, в котором указывалось, что для преодоления трудностей, которые существуют между ней и соседями, Румыния должна удовлетворить их требования. Газета предупреждала, что румынские руководители ошибаются, если считают, что Италия выступает за сохранение территориального *statu quo*²⁰.

¹⁵ «Die Geheimakten des französischen Generalstabes». Berlin, 1941, Dok. 30.

¹⁶ «Neue Zürcher Zeitung», 1.IV 1940. Abendausgabe.

¹⁷ См. «Le Temps», 28.III 1940; «The Times», 25.III 1940 и др.

¹⁸ DDI, nona serie, vol. III. Roma, 1959, doc. 640, p. 551.

¹⁹ G. Ciano. L'Europa verso la catastrofe..., p. 542—552.

²⁰ «Giornale d'Italia», 27.III 1940.

Это заявление, совпадающее с пребыванием венгерского премьер-министра графа П. Телеки в Риме, вновь подчеркивало поддержку Муссолини территориальных требований Венгрии к Румынии. И это несмотря на экономические уступки, на которые пошло румынское правительство, согласившись с повышением курса итальянской лиры. «Снижение итальянских покупок в Румынии и, следовательно, сокращение нашей покупательной способности в Италии не было выгодно в нынешней обстановке ни с политической, ни с экономической точки зрения. По этой причине мы решили даже ценой увеличения стоимости лиры на 30% добиться соглашения с Италией», — признавал Гафенку²¹. Получив румынские «подарки» в виде искусственного увеличения стоимости давно обесцененной лиры, итальянские фашисты и не думали изменять свою политическую линию.

Гитлеровская Германия в свою очередь использовала трудное положение, в которое завела Румынию антисоветская политика ее руководителей, чтобы еще сильнее закабалить ее экономику и подготовить ее превращение в государство-сателлит. 28 марта 1940 г. Фабрициус и Клодиус объясняли недовольным гитлеровским главарям, насколько выгодна для Германии торговля с Румынией. Они указывали, например, что если бы Германии пришлось покупать на свободном рынке нефть, которую им поставляют румыны, то она бы платила за нее на 150% дороже²². Германия добивалась такой уступчивости со стороны румынских правящих кругов, заявляя им, что «заступается» за Румынию в Москве²³. «Именно эта политическая причина побудила Румынию, — говорил премьер-министр Татареску Фабрициусу, — вначале сделать все возможное, чтобы приспособиться к нам (Германии. — Б. К., И. Л.) в экономических вопросах»²⁴. Антисоветская политика вела Румынию прямой дорогой в лагерь немецких и итальянских фашистов.

29 марта 1940 г. народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов выступил на сессии Верховного Совета СССР с докладом о внешней политике Со-

²¹ АМАЕ, *cazierul* 27, problema 70, *România general*. Nota lui Gr. Gafencu din 21 martie 1940.

²² DGFP, series D, vol. IX, doc. 21, p. 42.

²³ *Ibidem*, doc. 27, p. 50.

²⁴ *Ibidem*.

ветского Союза, в котором содержался также и анализ советско-румынских отношений. Отмечая большое внимание, которое иностранная печать уделяла вопросу о взаимоотношениях Советского Союза с Румынией, докладчик подчеркивал, что между обеими странами нет пакта о ненападении. «Это объясняется,— говорил он,— наличием нерешенного спорного вопроса, вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем»²⁵. Этим заявлением Советское правительство наносило удар по измышлениям империалистов и румынских правящих кругов о том, что Советский Союз вынашивает агрессивные планы против Румынии. В докладе подчеркивалось, что «... нет никаких оснований к какому-либо ухудшению... советско-румынских отношений»²⁶. Румынские правящие круги, однако, не захотели изменить свою политику по отношению к стране социализма. Румынская печать, которая не могла замолчать заявление народного комиссара иностранных дел, хотя и не приводила его полностью, начала оспаривать правильность заявления об отсутствии пакта о ненападении между СССР и Румынией²⁷. Это твердила и газета «Тимпул», принадлежащая министру иностранных дел, хотя Гафенку помнил прекрасно о своем указании румынскому посланнику в Москве Диану сделать попытку узнать, нельзя ли заключить договор о ненападении. Вскоре, однако, тон известий из Бухареста стал воинственным. 2 апреля в вечернем выпуске «Нойе цюрхер цайтунг» сообщалось: «С румынской стороны подчеркивается, что Румыния полна решимости воспротивиться силой оружия любой попытке отделить Бессарабию от Румынии, а это значит, что бессарабская проблема может означать также и для союзников и для Турции войну с СССР в силу существующих договоров»²⁸. Это сообщение было рассчитано на запугивание Советского Союза, которому якобы в случае попытки решить бессарабский вопрос грозит война с англо-французским блоком.

²⁵ «Правда», 30.III 1940.

²⁶ Там же.

²⁷ См. «Timpul», 31.III 1940; «Universul», 31.III 1940 и др.

²⁸ «Neue Zürcher Zeitung», 2.IV 1940.

Сообщение свидетельствовало не только об упорном отказе румынских правящих кругов вступить в переговоры для решения этого вопроса, но и об их воинственности, вызванной нереалистичным анализом сложившейся обстановки. В беседе с Гиджи Татареску и Гафенку пытались внушить фашистскому дипломату, что Советский Союз якобы стремится к тому, чтобы война в Европе длилась как можно дольше и, таким образом, добиться поражения обеих воюющих сторон²⁹.

Румынские руководители заявили о своей твердой решимости не возвращать Бессарабию и выразили благодарность фашистскому правительству Муссолини. В ответ на просьбу румынского правительства и чтобы продемонстрировать свою военную мощь, Италия направила в Румынию 30 летчиков-инструкторов³⁰. Это была антисоветская акция, так как предварительно Чиано сообщил венгерскому правительству, что отправка летчиков вызвана «особым положением» Румынии и что итальянская политика в отношении Венгрии остается прежней³¹.

Позиция румынского правительства нашла свое отражение и в переговорах с дипломатическими представителями Германии. 30 марта Фабрициус сообщал в Берлин, что Татареску, комментируя речь советского наркома иностранных дел, сделал вывод, что после нее Румыния должна продолжать вооружаться³². Татареску рассказал Фабрициусу, что румынский король и правительство считают важнейшей своей задачей завоевание дружбы Германии. Гитлеровский экономический эксперт 31 марта также пришел к выводу, что высшие руководители Румынии намерены искать сотрудничества с Германией³³. К началу апреля 1940 г. отношения между Румынией и Германией настолько улучшились, что в румынской влиятельной газете «Универсул» появилось сообщение, предвещающее в какой-то мере скорое превращение Румынии в сателлита гитлеровской Германии. «Румыния,— указывают в министерстве ино-

²⁹ DDI, nona serie, vol. III, doc. 675, p. 582.

³⁰ «România», 10.IV 1940.

³¹ DDI, nona serie, vol. III, doc. 690, p. 597.

³² DGFP, series D, vol. IX, doc. 27, p. 49.

³³ Ibidem, doc. 33, p. 61—62.

странных дел Германии,— доказала за последние месяцы, что она не намерена позволить кому бы то ни было нарушить ее нейтралитет. Подтверждением тому являются экономические отношения, существующие между Румынией и Германией»³⁴.

В начале апреля произошло событие, которое показало, насколько опасна для судеб Румынии внешнеполитическая линия, проводимая ее руководителями. Англо-французский блок решил помешать снабжению Германии нефтью по Дунаю. Как писал в своих мемуарах бывший французский главнокомандующий генерал М. Гамелен, 4 апреля 1940 г. на совещании командующих войсками в присутствии генерала Вейгана, прибывшего из Бейрута, вновь обсуждалась возможность военных операций на Балканах. Обсуждался также и вопрос о румынской нефти. «Кроме подготовки к разрушению скважин в случае немецкого нападения, к чему правительство Бухареста готовится, изучаются способы, позволяющие если не прервать, то по крайней мере затруднить нынешние поставки Румынии в Германию»³⁵,— писал Гамелен. Далее, как явствует из мемуаров французского генерала, проведение этой операции было возложено на Интеллидженс сервис и французскую разведку. События не заставили себя долго ждать. 5 апреля появилось интервью генерала Вейгана, в котором он, несомненно с разрешения французского правительства, заявлял, что руководимая им армия находится на Ближнем Востоке, чтобы противостоять «любым сюрпризам»³⁶. В тот же день вверх по Дунаю стал подниматься караван английских судов и барж с грузом динамита и цемента. Экипаж состоял из хорошо вооруженных пере-

³⁴ «Universul», 5.IV 1940. Известная американская журналистка Дороти Томпсон писала еще 22 марта 1940 г. в связи с освобождением железногвардейцев, что, по ее мнению, «Кароль II отказывается от опоры на Великобританию и Францию и в то же время пытается усилить свои позиции для переговоров, которые, возможно, предстанут с Советским Союзом». Из этого факта, так же как из ряда других, она делала вывод, что «успех Советского Союза вызвал растерянность среди консервативно настроенных элементов в рядах нейтралов, союзников и немцев и оживил извечную надежду договориться с Германией при помощи мира и затем повернуть общими силами против «действительного» врага — России» («New York Herald Tribune», 22.III 1940).

³⁵ Général Gamelin. Servir, T. II. La guerre. Paris, 1947, p. 311.

³⁶ «Neue Zürcher Zeitung», 5.IV 1940, Mittagausgabe.

одетых английских солдат и офицеров³⁷. Намерения организаторов этой странной речной флотилии состояли в том, чтобы потопить баржи с цементом у «Железных ворот» на Дунае и таким образом на долгое время сделать невозможной навигацию по реке. Удача этой акции могла нанести огромный ущерб не только Румынии, но и другим странам Юго-Восточной Европы. Пострадали бы также и интересы Советского Союза, который осуществлял часть своих внешнеторговых перевозок по Дунаю. Однако гитлеровская разведка, работавшая уже тогда в тесном сотрудничестве с румынской секретной службой, узнала о готовившейся диверсии, поставила в известность об этом румынские власти и потребовала от них сделать обыск на английских судах, который и был произведен в г. Джурджу³⁸. «Товары», находящиеся на судах, были конфискованы. Румынская печать сообщала очень скупое об этом происшествии, не раскрывая содержания конфискованных грузов³⁹. Как отмечает Нейбахер, во время этого происшествия выяснилось, что Румыния не допустит ради своих западных друзей каких-либо диверсий против ее нефтяных богатств⁴⁰. Но главный вывод заключался в том, что Румыния стала своего рода полем битвы, на котором скрещивались интересы и велась борьба между Германией и англо-французским блоком. Вмешательство румынских властей в результате немецкого демарша и пресечение ими попытки диверсии со стороны английской разведки, усилившееся сотрудничество румынской секретной службы с абвером свидетельствовали о возросшем влиянии Германии на румынскую политику. Как пишет западногерманский историк А. Хиллгрубер, гитлеровский генеральный штаб, который еще с начала 1940 г. разрабатывал план немецкого захвата Румынии, послал 7 апреля своего офицера для установления контакта с венгерским генштабом по поводу возможного прохождения немецких войск через Венгрию для оккупации румынского неф-

³⁷ H. Neubacher. Op. cit., S. 43—44; см. также: Général Gamelin. Op. cit., p. 311; Paul Allard. Les plans secrets du GQG pendant la guerre d'après les documents inédits. Paris, 1941, p. 42—43; DGFP, series D, vol. IX, doc. 116, p. 165—166.

³⁸ H. Neubacher. Op. cit., S. 43.

³⁹ «Universul», 11.IV 1940. Американская газета сообщила об этом происшествии раньше (см. «New York Herald Tribune», 9.IV 1940).

⁴⁰ H. Neubacher. Op. cit., S. 44.

тяного района⁴¹. Прибытие гитлеровского офицера вызвало растерянность в правящих кругах Венгрии. Последние сразу же обратились к Италии с напоминанием о своих претензиях на Трансильванию и просили совета, должна ли она пропустить немецкие войска⁴². Однако руководители Германии не собирались нападать на Румынию. 8 апреля 1940 г. Аттолико сообщал из Берлина, что германское правительство решительно опровергает любое намерение напасть на Румынию, так как, по его мнению, румынское правительство сделало все возможное, чтобы провалить английские планы⁴³.

Судя по создавшейся обстановке, гитлеровские главари не вводили в заблуждение Аттолико. Они получали настолько удовлетворительные сообщения из Румынии, что у них не было никаких оснований для нападения на нее. Киллингер передавал из Бухареста, что румынская секретная служба содействовала раскрытию акта диверсии, который готовили англичане на Дунае⁴⁴. Он указывал, что действия румынских властей вызваны ненавистью румынского короля к коммунизму и его боязнию СССР. В тот же день гитлеровский посланник Фабрициус докладывал, что министр двора Э. Урдэряну заявил ему, что Румыния заинтересована больше какого-либо другого государства, чтобы Германия оставалась сильной⁴⁵. В то же время он утверждал, что немцам не выгодно, чтобы «устье Дуная попало в руки другой великой державы». Урдэряну «конфиденциально» рассказал Фабрициусу, что Кароль II по политическим соображениям отдал распоряжение максимально удовлетворить экономические требования Германии. Заявление Урдэряну в целом носило провокационный антисоветский характер и было направлено на ухудшение советско-германских отношений.

Большие усилия прилагало румынское правительство и для того, чтобы заручиться поддержкой Италии.

⁴¹ A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1965, S. 69.

⁴² DDI, nona serie, vol. III, doc. 727, p. 627.

⁴³ Ibidem, doc. 720, 721, p. 620. 9 апреля Аттолико вновь сообщил, что в Берлине опровергается подготовка нападения на Румынию (DDI, nona serie, vol. IV, doc. 1, p. 1).

⁴⁴ DGFP, series D, vol. IX, doc. 116, p. 165.

⁴⁵ Ibidem, doc. 117, p. 168.

Гафенку готовился нанести визит в Рим ⁴⁶, но приглашения не получил. Вместо него в Италию выехал К. Джуреску, который стал 4 марта министром пропаганды и был одним из самых влиятельных членов правительства. Румынская печать пыталась представить эту поездку как проявление «искренней дружбы, связывающей два братских народа» ⁴⁷. Румынский официоз пытался по этому случаю воскресить давно похороненный проект создания блока нейтральных государств и подчеркнуть существующее якобы между обоими государствами единство, которое находит свое выражение в том, что они «находятся на службе мира, цивилизации и справедливости». На самом же деле итальянские руководители относились с большой подозрительностью к Румынии и ее руководителям. Муссолини, которого румынская газета называла «выражением самой благородной энергии латинской расы» ⁴⁸, писал Гитлеру 11 апреля 1940 г.: «Пользуюсь случаем, чтобы обратить Ваше внимание на положение на Балканах и на неискреннюю позицию Румынии, которая приняла англо-французские гарантии. Надо учесть, что румыны решились остановить флотилию Интеллидженс сервис после того, как она проплыла уже 200 миль по реке. Все же я считаю, что в наших интересах, чтобы эта часть Европы не была втянута в войну, но и здесь мы должны быть готовы предупредить действия англо-французов» ⁴⁹.

Гитлер полностью одобрил точку зрения Муссолини ⁵⁰. Из этой переписки было ясно, что оба фашистских диктатора, как только позволят обстоятельства, расправятся с Румынией. Никакие экономические и политические уступки Румынии не могли изменить уготованную ей фашистскими главарями судьбу. Успешно бороться против фашистских планов расчленения и порабощения страны румынские правители могли только в том случае, если бы они стремились к установлению дружеских отношений с Советским Союзом. Но, как указывал видный деятель КПП Лукрециу Патрашкану, «...антисоветская

⁴⁶ «New York Herald Tribune», 10.IV 1940.

⁴⁷ «România», 16.IV 1940.

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ DDI, nona serie, vol. IV, doc. 37, p. 27.

⁵⁰ Ibidem, doc. 130, p. 103; см. также: DGFP, series D, vol. IX, doc. 138, p. 205.

политика королевской диктатуры... лишила Румынию также и поддержки Советского Союза. Предоставляя территорию страны для любых интриг и международных махинаций против Советского Союза, карлистская диктатура сделала все, чтобы сохранить самые напряженные отношения с соседней республикой»⁵¹.

Необходимо подчеркнуть, что хотя в тот момент гитлеровская Германия не намеревалась оккупировать Румынию, она оказывала на нее сильный нажим, чтобы добиться новых экономических уступок, сокращения торговли с Англией и Францией и усиления собственной роли на Дунае⁵².

Итальянский посол в Германии отмечал, что, хотя гитлеровский МИД отрицает наличие агрессивных намерений в отношении Румынии, является фактом, что «производились передвижения немецких войск в этом (в сторону Румынии. — Б.К., И.Л.) направлении, что авторитетные голоса заявляли о возможности более или менее превентивных действий... Кроме того, несомненно, что Германия собирается занять господствующую роль в районе Дуная»⁵³. Таким образом, уступчивость в отношении гитлеровской Германии не удовлетворяла ее правителей, которые продолжали, надо сказать, успешно оказывать нажим на Румынию, готовясь к последующему ее полному подчинению.

Английские и французские империалисты также намеревались превратить Румынию в свой плацдарм, втянуть ее в войну. 22—23 апреля 1940 г. в Париже заседал Верховный совет союзников в присутствии Чемберлена и нового французского премьера П. Рейно. Военный комитет этого Совета 26 апреля 1940 г. рассмотрел вопрос о возможных военных действиях в районе Кавказа и на Балканах. «Что касается последнего театра военных действий, то председатель совета министров (П. Рейно. — Б. К., И. Л.) заявил, что, с согласия генерала Вейгана, генерал Жоно изучил вопрос об организации авиабаз в Румынии и Греции»⁵⁴. Генерал Жоно признает, что он

⁵¹ L. Pătrășcanu. Sub trei dictaturi. București, 1946, p. 164.

⁵² Так, например, 14 апреля 1940 г. Фабрициус протестовал против увеличения румыно-английской торговли (DGFP, series D, vol. IX, doc. 117, p. 168).

⁵³ DDI, nona serie, vol. IV, doc. 116.

⁵⁴ Paul Reynaud. An coeur de la mêlée. Paris, 1951, p. 371.

предложил создать авиабазы в различных странах Ближнего Востока и на Балканах, в том числе и в Румынии⁵⁵. Этот фашиствующий генерал, который затем сотрудничал с предателями французского народа Лавалем и Дорио, утверждает, что он якобы был противником использования этих баз для нападения на Кавказ, но что его начальник, генерал Вейган, требовал этого нападения, предсказывая, что оно закончится полной победой англо-французов в войне⁵⁶. Эти планы, благодаря которым Румыния могла быть легко вовлечена в войну, не были встречены с одобрением румынскими правящими кругами, но отнюдь не из-за их антисоветской направленности. Они боялись, что военное сотрудничество с англо-французским блоком вызовет недовольство Германии⁵⁷. Посетивший Бухарест по поручению Вейгана военный атташе Франции в Будапеште Т. Албор писал, что румынские руководители (он называет Татареску и Гафенку) сконцентрировали свои войска на Днестре и подчинили экономику страны Германии⁵⁸. На закрытом заседании Комиссии по иностранным делам французского сената Рейно заявил также, что румыны строят укрепления в районе устья Дуная⁵⁹. Враждебность по отношению к Советскому Союзу со стороны румынских властей стала проявляться в самых разнообразных формах. Гафенку был вынужден признать, что Советское правительство указало посланнику Румынии в Москве на целый ряд инцидентов, вызванных румынской стороной⁶⁰. Румынский министр иностранных дел утверждал, что якобы только в одном случае ответственность ложится на румынские власти. Но в то же время итальянский посланник сообщал в Рим, что даже советский поверенный в делах был незаконно задержан румынской полицией и что бывший советский посол в Париже Я. З. Суриц подвергся грубому обращению во время проезда через Румынию⁶¹.

⁵⁵ *Jean-Henri Jauneaud. De Verdun à Dien-Bien-Phu. Paris, 1960, p. 133, 142.*

⁵⁶ *Jean Henri Jauneaud. Op. cit., p. 143.*

⁵⁷ *Tony Albord. Weygand devant le problème oriental (1939—1940). «La revue des deux mondes», 1.VI 1965, p. 333—334.*

⁵⁸ *Ibidem, p. 333.*

⁵⁹ *Jacques Bardous, Op. cit., p. 284.*

⁶⁰ *DDI, nona serie, vol. IV, doc. 60, p. 42.*

⁶¹ *Ibidem, doc. 70, p. 52.*

В конфиденциальном письме на имя министра внутренних дел румынское министерство иностранных дел сообщало 14 апреля 1940 г., что два советских дипломатических курьера «имели неприятности в г. Джурджу». Эти «неприятности» состояли в том, что румынские власти в нарушение норм международного права пытались вскрыть дипломатическую почту. В том же письме указывалось, что подобные инциденты случаются не впервые⁶². Законное требование советского правительства, чтобы подобные инциденты не повторялись, использовалось румынскими правящими кругами для того, чтобы вновь кричать о советской «угрозе» Румынии и усиливать военные приготовления против Советского Союза⁶³. Как писал позже Гафенку, 19 апреля 1940 г. состоялось совещание у Кароля II, в котором принял участие сам Гафенку, премьер-министр Татареску и маршал двора Урдэряну. На этом совещании, по словам Гафенку, якобы было решено в случае необходимости оказать сопротивление как Германии, так и Советскому Союзу⁶⁴. Однако автор не пытался привести ни одного примера обращения румынского правительства к Советскому Союзу за помощью против Германии. В румынских архивах также нет никаких следов подобных обращений. Их и не могло быть, так как румынские руководители ни разу не пытались установить взаимопонимание с советским государством. Утверждение, что Румыния готовилась отразить гитлеровскую агрессию, не подтверждается фактами. 22 апреля 1940 г. был подписан новый торговый договор с Германией, весьма выгодный для последней⁶⁵. Еще до этого румынское правительство запросило английского поверенного в делах, как будет реагировать Англия в случае, если Советский Союз предъявит свои права на Бессарабию⁶⁶. Однако румынские руководители не позаботились даже узнать, какую помощь окажет им английское правительство в случае нападения Германии на Румынию.

⁶² АМАЕ, cazierul 2, problema 71/E91, vol. 2. Scrisoare către Ministerul de Interne M. Ghelmegeanu din 15 aprilie 1940.

⁶³ См. DDI, nona serie, vol. IV, doc. 60, 70, 80.

⁶⁴ *Gr. Gafenco*. Op. cit., p. 336—337.

⁶⁵ См. «New York Herald Tribune», 23.IV 1940; «The Times», 23.IV 1940; «Le Temps», 26.IV 1940.

⁶⁶ АМАЕ, cazierul 2, fond 71/E91, vol. I. Nota din 11 aprilie 1940.

В начале мая 1940 г. в тесно связанной с румынскими правящими кругами швейцарской газете «Нойе цюрхер цайтунг» появилась статья, посвященная внешней политике Румынии⁶⁷. Внешняя политика Румынии, утверждала статья, зависит в значительной мере от ее отношений с Советским Союзом. Однако Румыния не согласна ни на какой компромисс в вопросе Бессарабии, она отрицает само существование какого-либо бессарабского вопроса. Газета уточняла, что «отношения между Берлином и Бухарестом лучше, чем они кажутся внешнему наблюдателю». Румыния оплачивает поддержку Берлина против Москвы экономическими уступками, а ее торговля с Германией основана на принципе «нефть за военное снаряжение». Поэтому румыны заявляют твердо, указывала газета, что в случае иностранного нападения будут уничтожены нефтяные районы страны⁶⁸.

На румынские правящие круги большое впечатление произвели поражения англо-французских войск на севере Европы. Когда начались военные действия в Норвегии и Германией была оккупирована Дания, румынская пресса пыталась даже выразить какой-то робкий протест против вовлечения этих небольших стран в войну⁶⁹. Румынский официоз на французском языке обвинял руководителей Норвегии и Дании в том, что они заняли «ко-

⁶⁷ «Neue Zürcher Zeitung», 7.V 1940. Mittagausgabe.

⁶⁸ Эта угроза румынских правящих кругов была рассчитана на чисто психологический эффект, хотя Киллингер и Фабрициус сообщали своему правительству, что нельзя будет лично ничего предпринять, чтобы предотвратить уничтожение нефтяных разработок (DGFP, series D, vol. IX, doc. 116, p. 165). Дело в том, что румыны могли взорвать или поджечь нефтяной район только по указанию и с согласия немцев. По заключенному еще в конце 1939 г. соглашению начальник абвера адмирал Канарис вступил в тайное соглашение с начальником румынской секретной службы Морозовым, действующим с ведома Кароля II. Морозов, выполняя «просьбу» Канариса, убедил Кароля II не уничтожать нефтяные разработки страны. Гитлеровский абвер организовал охрану нефтяных разработок, используя для этого своих сотрудников и личный состав полка «Бранденбург», состоящий из выходцев из немецкого населения Румынии. Была создана широкая сеть осведомителей абвера во всем нефтяном районе (*Oscar Reile. Geheime Ostfront. München, 1963, S. 315—318*). Кроме того, на Дунае находился пароход с немецкими «туристами», готовыми в любую минуту предотвратить попытку взрыва нефтеразработок (*A. Hillgruber. Op. cit., S. 69*).

⁶⁹ См. «Universul», 11.IV 1940.

леблующуюся» позицию по отношению к Финляндии и «сегодня пожинают плоды»⁷⁰. Это означало, что, по мнению румынских правителей, отказ Норвегии и Дании выступить с оружием в руках на стороне белофиннов повлек за собой своего рода кару, выразившуюся в оккупации одной страны и превращении в поле битвы другой. Румынские правящие круги надеялись, видимо, что бои на севере будут продолжительны и ослабят напряженность на Юго-Востоке Европы. Известный реакционный журналист П. Шейкару писал: «Создан северный фронт, страны юго-востока вздохнули»⁷¹. Однако уже к концу апреля поражение англо-французского блока в Норвегии стало очевидным. Поэтому румынские правящие круги не были расположены поддержать мероприятия Англии и Франции, направленные на усиление экономической блокады Германии и возможное открытие нового фронта на Балканах⁷². Выступить против Германии они отказывались, так как боялись, что гитлеровцы могут оккупировать Румынию. В то же время они не желали и ослабления III рейха — бастиона антикоммунизма и антисоветизма. Газета «Универсул» с удовлетворением сообщала, что премьер-министр Франции якобы заявил французскому послу в Бухаресте Тьерри, что Франция не изменила свою политику по отношению к Румынии и стремится только к сохранению мира в Юго-Восточной Европе⁷³, хотя, как указывалось выше, 20 апреля Рейно заявил о стремлении вовлечь страны этого района в войну. Дороти Томпсон, известная американская журналистка, следующим образом характеризовала настроения румынских правящих кругов: «В Румынии считают, что союзники выиграют войну. Большинство румын желают, чтобы они ее выиграли, но они боятся также союзников. Они боятся, что союзники могут так усилить блокаду или предпринять какую-нибудь авантюру в районе Дуная, что немцы примут решение выступить (против Румынии)»⁷⁴. О подобной же боязни сообщал в Рим Гиджи

⁷⁰ «Indépendance roumaine», 13.IV 1940.

⁷¹ Ibidem, 12.IV 1940.

⁷² 21 апреля 1940 г. Гафенку заявил Фабрициусу, что Англии не удастся сбить Румынию с пути «лояльного выполнения экономического соглашения с Германией» (DGFP, series D, vol. IX, doc. 148, p. 215).

⁷³ «Universul», 25.IV 1940.

⁷⁴ «New York Herald Tribune», 1.V 1940.

9 мая после очередной встречи с Гафенку. Итальянский дипломат передавал, что Гафенку высказал ему свои опасения по поводу того, что Румыния станет очень скоро предметом «диверсии» со стороны одной из воюющих держав и что он боится диверсий с англо-французской стороны. Наибольшие опасения ему внушает Германия, которая по каким-то политическим или стратегическим соображениям может оккупировать Румынию⁷⁵. В связи с этим Гафенку сообщил ему, что румынское правительство «будет выступать против любой попытки англо-французов [втянуть Румынию] и не поддаваться их нажиму, будет продолжать лояльно свое экономическое сотрудничество с Германией, не давая никакого повода для недовольства правительству рейха». Характерно, что в начале мая 1940 г. стали появляться заявления румынских руководителей, подтверждающие все большее сближение Румынии с фашистскими государствами. Министр пропаганды К. Джуреску заявил, что «у Румынии и Испании близкая политическая идеология»⁷⁶. Антисоветское заявление сделал Гафенку в интервью франкистской газете «Арриба». Он выразил надежду, что «латинские средиземноморские народы еще раз спасут цивилизацию»⁷⁷. Такое заявление было явно направлено против Советского Союза. Об этом еще яснее высказался директор официозной газеты, озаглавив свою передовую статью «Румыния — последний бастион на стыке Запада с Востоком»⁷⁸. В статье описывалось «спасение» Румынией Венгрии в 1919 г., т. е. участие румынской армии в подавлении венгерской революции, и указывалось, что Румыния может пригодиться и в будущем для выполнения подобных же задач.

10 мая 1940 г. гитлеровский вермахт начал оккупацию Бельгии и Голландии.

11 мая 1940 г. премьер-министр Татареску сформировал новое правительство, в котором большинство министров сохранили свои посты. Из правительства были удалены Истрате Мическу (бывший министром юстиции), К. Анджелеску (министр национальной экономики) и министр культов И. Нистор. Реакционные деятели И. Ми-

⁷⁵ DDI, nona serie, vol. IV, doc. 342, p. 272.

⁷⁶ «România», 3.V 1940.

⁷⁷ «România», 5.V 1940.

⁷⁸ «România», 11.V 1940.

чески и К. Анджелеску в свое время выступали резко против «Железной гвардии», и на второго из них легионеры устроили даже покушение. Оба они были заменены деятелями из ближайшего окружения Татареску. Вместо ушедшего в отставку Нистора новым министром культов был назначен молдавский буржуазный националист Штефан Чиобану, также известный своим враждебным отношением к СССР. Состав нового правительства свидетельствовал о дальнейших попытках королевской диктатуры прийти к соглашению с «Железной гвардией» и об усилении ее антисоветского курса. Выступая перед представителями печати, Татареску обещал сохранение политики строжайшего нейтралитета, укрепление отношений с союзниками Румынии по Балканской Антанте и улучшение отношений с соседними государствами⁷⁹. Это заявление было направлено на успокоение румынского общественного мнения. На самом же деле румынское правительство и не думало об улучшении отношений с соседними странами. Оно заботилось о том, чтобы Германия и Италия не забыли «о роли Румынии». Министр двора Э. Урдэряну напомнил Гиджи интерес, который представляет Румыния для стран оси как источник сырья и как форпост против СССР на Юго-Востоке Европы⁸⁰. Урдэряну заверил фашистского дипломата, что вступление Италии в войну против союзников или ее акция против Югославии и Греции, при условии, что Венгрия не нападет на Румынию, не изменит позицию Румынии в отношении Рима. Это прямое поощрение итальянской агрессии против союзников Румынии называлось Татареску укреплением отношений со странами — участницами Балканской Антанты.

В тот же день, когда Гиджи получал эту информацию от Урдэряну, Кароль II принял Фабрициуса и в беседе заявил ему, что «будущность Румынии зависит только от Германии»⁸¹. Румынский монарх заверил, что Румыния сделает все возможное, чтобы удовлетворить потребность Германии в нефти. Он сказал, что беспокоится лишь о том, чтобы Румыния не была вовлечена в войну, от которой ее может избавить только Германия. Это заявление еще раз свидетельствовало о готовности румын-

⁷⁹ «România», 13.V 1940.

⁸⁰ DDI, nona serie, vol. IV. Roma, 1962, doc. 427, p. 357.

⁸¹ DGFP, series D, vol. IX. London, 1957, doc. 252, p. 349.

ских правящих кругов полностью перейти на сторону Германии. На принятие этого решения оказали влияние военные события в Западной Европе, где с начала нового наступления вермахта стала все больше проявляться военная беспомощность западных союзников. Гитлеровская Германия, однако, не доверяла тогдашним румынским правителям и в эти дни уже готовила им замену. 19 мая 1940 г. румынские власти арестовали прибывших нелегально в страну лидера «Железной гвардии» Х. Симу и генерального секретаря этой фашистской организации Н. Пэтрашку⁸². На допросе Сима показал, что для того, «чтобы предотвратить объявление Румынией войны Германии, он принял решение отправиться в Румынию и при помощи 60—70 решительных людей совершить несколько актов отчаяния»⁸³. Он также заявил, что Риббентроп «не исключает возможности того, что Румыния, по англо-французскому указанию, произведет нападение на западной границе, заставив, таким образом, немецкое командование отправить войска в Румынию, сняв их с фронта во Франции»⁸⁴. Абсурдность предлога, названного Симой, очевидна. Румыния вообще не имела границы с Германией и напасть на нее не могла, так же как и не собиралась объявить ей войну. Сима был направлен в Румынию по указанию гитлеровских главарей, чтобы возобновить в широком масштабе деятельность «Железной гвардии» и подготовить смену режиму королевской диктатуры. К этому времени гитлеровская Германия уже намечала решение балканских и дунайских проблем в духе «нового порядка» и хотела иметь в Румынии преданных ей людей. О том, что возвращение Симы было неизолированным явлением, свидетельствовало одновременное обнаружение румынскими властями большого склада с немецким оружием на одном нефтяном предприятии, принадлежащем немцам⁸⁵. Все это неопровержимо доказывало, что германские агенты готовили свержение Кароля II и установление в стране диктатуры нацистских агентов. Это еще больше ускорило бы превращение Ру-

⁸² «România», 23.V 1940.

⁸³ AMAI, dosar 40010, vol. 23, p. 258. Имеется в виду совершение террористических актов (см. DGFP, series D, vol. IX, doc. 316, p. 434).

⁸⁴ Ibidem, p. 257.

⁸⁵ DGFP, series D, vol. IX, doc. 316, p. 434.

мынии в плацдарм для военных авантюр против Советского Союза и ознаменовалось бы еще более жестоким террором против прогрессивных слоев румынского общества и особенно Бессарабии. Настораживало отношение румынских властей к Х. Симе. Он не только не был привлечен к суду за его участие в убийстве Калинеску и за подготовку новых террористических актов, но его стали убеждать в том, что Кароль II питает самые добрые чувства к Германии. Расчувствовавшийся бандит заявил тогда: «Если это правда, если его величество питает такие чувства, тогда он является величайшим монархом, которого имела когда-либо Румыния»⁸⁶. Разыграв эту сцену, Х. Сима был выпущен 12 июня 1940 г. на свободу и переехал на квартиру к заместителю начальника румынской секретной службы⁸⁷. Король и королевская камарилья надеялись использовать его в своих целях⁸⁸.

Урдэряну сообщил Фабрициусу о показаниях Симы еще до освобождения последнего из заключения⁸⁹. Фабрициус отрицал причастие Германии к организации побега Симы и объяснил наличие немецкого оружия на нефтяном предприятии стремлением подготовиться к отпору возможной английской диверсии. В беседе с Фабрициусом Гафенку просил совета у руководителей III рейха, какой политики должна придерживаться Румыния в отношении Советского Союза⁹⁰. 24 мая 1940 г. между Киллингером и начальником румынской секретной службы М. Морозовым состоялась беседа по вопросам германо-румынских отношений. Существуют румынская и немецкая записи этой важной беседы, имеющие между собой существенные расхождения. Как докладывал Киллингер о своей беседе с Морозовым, которого он назвал «главой прогерманских сил», последний заявил ему о полной лояльности Румынии по отношению к Германии⁹¹. Морозов рассказал о своем письме Канарису, составленном по поручению Кароля II,

⁸⁶ АМАІ, dosar 40010, vol. 23, p. 259.

⁸⁷ Ibidem, p. 283, 286.

⁸⁸ Вскоре после освобождения из заключения Х. Сима был принят Каролем II. Одновременно 20 июня 1940 г. был издан новый закон об амнистировании остальных находящихся в тюрьмах железнодорожников («România», 22.VI 1940).

⁸⁹ DGFP, series D, vol. IX, doc. 316, p. 433—434.

⁹⁰ Ibidem, p. 435.

⁹¹ Ibidem, doc. 346, p. 467—468.

в котором король заявил, что в случае нападения англо-французских сил на Румынию он попросит Германию прислать свои войска для защиты страны. На вопрос Киллингера начальник секретной службы ответил, что в случае войны с Советским Союзом Румыния уничтожит нефтяные разработки или продаст их Германии. Киллигер докладывал, что он заявил Морозову о маловероятности нападения СССР на Румынию, и что, по его мнению, очень трудно предотвратить уничтожение румынами нефтяного района, если они на это решатся.

Совсем иной характер носит запись, сделанная Морозовым. Если верить ему, то Киллигер сказал, что Румыния может заключить официально *«корректную и верную связь с Германией, единственной страной в состоянии гарантировать полностью ее территориальную целостность»*⁹². Киллигер якобы торопил с быстрейшим заключением румыно-германского союза и обещал немедленно после этого выдать румынским властям всех железногвардейцев, бежавших из страны после совершения преступлений и нашедших убежище в Германии. Возникает вопрос: действительно ли гитлеровская Германия предложила Румынии в мае 1940 г. гарантировать ее территориальную целостность и заключить с ней двусторонний союз, как об этом писал Морозов? По этому вопросу имеются категорические заявления Г. Гафенку и Ал. Крецяну, соответственно министра иностранных дел и субсекретаря министерства иностранных дел, а также тогдашнего премьер-министра Г. Татареску. Все они писали, что ничего не знали об этом⁹³.

⁹² АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. 11. Nota din 25 mai 1940. Intrevederea cu von Killinger (выделено в тексте).

⁹³ Их заявления явились ответом на запрос генерала Антонеску от 17 февраля 1941 г., соответствует ли действительности запись Морозова (АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. II. Nota lui I. Antonescu din 17 februarie 1941). Вот выдержка из ответа Гафенку, находившегося тогда в Москве: *«Я не знаю и ничего не знал (так в тексте) о присутствии в Бухаресте 24 мая 1940 г. специального эмиссара фюрера и о его совете заключить официально корректную (corectă) и верную связь с Германией... Думаю, что исключено, чтобы специальный эмиссар фюрера передал нам такое приглашение, которое означало бы формальное предложение гарантировать нашу территориальную целостность при условии нашего сближения с осью»* (Ibidem, Scrisoarea lui G. Gafencu din 13 martie 1941). Ал. Крецяну также ответил, что ему ничего не было известно о предложениях Киллингера. Свою неосведомленность по этому вопросу подтвердил и Татареску.

Киллингер, видимо, не захотел ответить на вопрос о содержании его беседы с Морозовым⁹⁴. Создается впечатление, что преданный гитлеровской Германии Морозов, вероятно, по сговору с Киллингером сфабриковал протокол этой записи, чтобы убедить Кароля II пойти на новые уступки гитлеровцам и ускорить окончательный переход Румынии на сторону Германии⁹⁵. Мнимое или действительное предложение, сделанное Киллингером о заключении румыно-германского союза и о предоставлении Германией гарантий Румынии, оказало ускоряющее влияние на давно подготавливаемый Каролом II и его окружением переход в гитлеровский лагерь. 28 мая 1940 г. был подписан нефтяной пакт (Опракт), который удовлетворял все требования Германии в отношении количества и цен на нефть⁹⁶. В тот же день Г. Татареску в присутствии Гафенку и Урдэряну принял Фабрициуса и сделал ему сообщение для правительства III рейха⁹⁷. В этом сообщении перечислялись факты, подтверждающие дружеское отношение Румынии к гитлеровской Германии (заключение экономического соглашения между обеими странами от 23 марта 1939 г., которое характеризовалось как направленное на «обеспечение сотрудничества боль-

⁹⁴ Крецяну докладывал, что советник германской миссии Г. Штельцер лишь подтвердил, что 24 мая 1940 г. Киллингер находился в Бухаресте и имел встречу с Морозовым и что «тайна этой встречи была хорошо сохранена» (АМАЕ, *cazierul 2, problema 71/1939, vol. II. Nota lui Cretzianu «Misiunea lui M. Killinger la Bucureşti în mai 1940»*). Следует напомнить, что в это время Киллингер находился в Бухаресте уже в качестве германского посланника.

⁹⁵ В пользу нашего предположения говорит тот факт, что ни Киллингер, ни Штельцер не заявили, что запись Морозова является фальшивкой, хотя к тому времени начальник румынской секретной службы был убит железногвардейцами. Известно также, что Канарис пытался спасти жизнь Морозова и приезжал специально с этой целью в Румынию, получив от Антонеску заверение, что Морозов не пострадает (см. *O. Reile. Op. cit., S. 320*). На возможность получения Каролом II каких-то сведений, неизвестных кабинету министров, которые повлияли на его решение ускорить переход в лагерь гитлеровцев, намекал Гафенку. Он писал: «Получил он (Кароль II) со стороны полуофициальных немецких агентов, через министра двора, заверения, которые остались неизвестными его правительству» (*Gr. Gafenco. Op. cit., p. 341*). Урдэряну осуществлял связь между Морозовым и Каролом II.

⁹⁶ DGFP, series D, vol. IX, doc. 338, p. 459—460.

⁹⁷ АМАЕ, *cazierul 2, dosar 71/1939, vol. II. Comunicare făcută de dl. Tatarescu d. Fabricius în prezența d-lor G. Gafencu și Ernest Urdăreanu la 28 mai 1940.*

шого стиля между обеими странами», а также последующие экономические и торговые договоры). Румынское правительство в этом сообщении выражало надежды на расширение дружественного сотрудничества с правительством III рейха⁹⁸. Демарш Татареску перед Фабрициусом явился результатом совещания у Кароля II с участием Татареску, Гафенку и Урдэрянэ, на котором по настоянию Кароля было решено предложить Берлину «дружбу» Румынии и попросить помощи против советской «угрозы». Это было выражение окончательного решения румынских правящих кругов переключиться на сторону гитлеровской Германии⁹⁹. Поскольку Гафенку, в прошлом немало сделавший для сближения Румынии с Германией, был против столь решительного перехода на сторону III рейха, он уже через два дня ушел в отставку¹⁰⁰. Новым министром иностранных дел был назначен занимавший до того времени пост министра путей сообщения И. Джигурту, известный своими тесными связями с главарями гитлеровской Германии¹⁰¹.

⁹⁸ Татареску уверял, что упомянутое сообщение было лишь простой информацией для немецкого правительства («Drapereul», 18.I 1945). Утверждение Татареску было опровергнуто еще в 1941 г. Гафенку. Он писал, что речь шла не о простой информации, а о решимости румынского правительства укрепить свои экономические и политические связи с рейхом взамен за поддержку антисоветского курса румынских правителей (АМАЕ, cazierul 2, dosar 71/1939, vol. II. Scrisoarea lui Gr. Gafencu din 13 martie 1941 prin curier). Таким образом, антисоветский характер демарша Татареску не вызывает никакого сомнения. Такой же точки зрения придерживался Гафенку в своей книге, где он говорит о «скольжении Румынии к Германии и о проникновении Германии в Румынию», которые нашли свое проявление в демарше от 28 мая (*Gr. Gafencu. Op. cit.*, p. 341).

⁹⁹ Именно так это и понял Фабрициус. В докладе о сделанном ему сообщении он говорил: «Успехи немецких войск на западе и начало разрушения западных держав привели Кароля к решению теснее сомкнуться с нами» (DGFP, series D, vol. IX, doc. 345, p. 466).

¹⁰⁰ Гафенку писал, что «ничего не казалось ему более опасным в столь критическом положении, чем подобное изменение (политического курса.— Б. К., И. Л.). Для нейтрального государства отказать спонтанно от нейтралитета означало почти что капитуляцию» (*Gr. Gafencu. Op. cit.*, p. 339—340).

¹⁰¹ Назначение этого явного фашиста на пост министра иностранных дел рассматривалось иностранной прессой как верный признак изменения внешнеполитического курса Румынии. «Пронацист занимает министерство иностранных дел в Румынии»,— писал «Нью-Йорк геральд трибюн» 2 июля 1940 г. Швейцарская газе-

Назначение И. Джигурту на пост министра иностранных дел свидетельствовало о том, что румынские правящие круги решили приспособить свою антисоветскую внешнюю политику к новым условиям, создавшимся после молниеносного наступления вермахта и уже вырисовывавшегося, как им казалось тогда, поражения западных держав. Гитлеровская Германия, однако, не спешила ответить положительно на румынские предложения. В связи с уклончивым ответом немецкого правительства¹⁰² румынский король и его правительство заявили, что они будут вести переговоры с СССР, чтобы найти мирное решение спорных вопросов между обеими странами¹⁰³. На самом деле никаких шагов в этом направлении румынское правительство не предпринимало. Более того, оно стало самым прогитлеровским правительством на Балканском полуострове.

Буржуазная печать признавала роль, которую играет Советский Союз в деле удержания балканских стран вне войны. Швейцарская газета сообщала в начале июня 1940 г., что СССР выступает решительно против попыток втянуть балканские страны в пожар второй мировой войны¹⁰⁴. Югославия установила дипломатические отношения с СССР, произошло некоторое сближение между Болгарией и Советским Союзом, наметилось потепление в отношениях Турции с СССР. Только румынские правящие круги усиливали свою антисоветскую позицию, надеясь на покровительство гитлеровской Германии. «Румынское правительство,— не без ехидства писала «Нойе цюрхер цайтунг»,— смыкается с той партией (имеется в виду «Железная гвардия». — Б. К., И. Л.), чьи члены всего 8 месяцев тому назад были объявлены врагами народа и расстреливались, после чего их тела оставались напоказ на улицах»¹⁰⁵. На этом этапе румынские правящие круги не скрывали больше антисоветского характера румыно-германского союза, заключения которого они добивались.

«Правительство считает это сотрудничество (между

та «Нойе цюрхер цайтунг» сообщила об этом под заголовком «Изменение курса румынской внешней политики?» («Neue Zürcher Zeitung», 3.VI 1940. Morgenausgabe).

¹⁰² DGFP, series D, vol. IX, doc. 364, p. 493.

¹⁰³ Ibidem, doc. 393, p. 522.

¹⁰⁴ «Neue Zürcher Zeitung», 3.VI 1940.

¹⁰⁵ Ibidem, 18.VI 1940. Mittagsausgabe.

Румынией и Германией. — Б. К., И. Л.), диктуемое геополитическими условиями Румынии, так же как и создающимся новым европейским порядком, — *необходимым во всех областях* (здесь и дальше выделено в тексте. — Б. К., И. Л.).

Румынское правительство считает, что то же единство взглядов, которое связывало оба государства в прошлом, определяет также сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения и *требует быстрой организации этого сотрудничества*, которое предполагает существование Румынии сильной как в политическом, так и в экономическом отношении, так как мощь Румынии является залогом того, что она сумеет выполнить свою роль защитника Днестра и устья Дуная¹⁰⁶, — говорилось в ноте, переданной Г. Татареску Фабрициусу 20 июня 1940 г.

Идя по пути все большего сближения с гитлеровской Германией и опасаясь роста недовольства народных масс этой своей политикой, Кароль II 21 июня 1940 г. взамен аморфного «Фронта национального возрождения» создал фашистскую тоталитарную «Партию нации», которую лично возглавил¹⁰⁷. Обращал на себя внимание тот факт, что лидер «Железной гвардии» Сима приказал своим сторонникам вступить в новую партию¹⁰⁸. Процесс превращения Румынии в фашистское государство, который особенно ускорился с февраля 1938 г., после установления королевской диктатуры, завершился официальным признанием фашистской идеологии в качестве духовной основы «нового» государства и попыткой объединить в рядах одной фашистской партии представителей старых буржуазных партий и террористической «Железной гвардии».

Превращение Румынии в фашистское государство и ее окончательный переход в лагерь гитлеровской Германии представляли большую опасность для Советского Союза.

¹⁰⁶ АМАЕ, cazierul 2, dosar 71/1939, vol. II; см. также: DGFP, series D, vol. IX, doc. 516, p. 657.

¹⁰⁷ «România», 23.VI 1940.

¹⁰⁸ Ibidem, 25.VI. Опубликование обращения Х. Симы с его «приказом» вступить в «Партию нации» свидетельствовало о том, что «Железная гвардия» не собиралась раствориться в новой партии, а намеревалась сохранить свое самостоятельное существование.

Было ясно, что как только гитлеровская Германия закончит дела, связанные с капитуляцией Франции, она приступит к установлению «нового порядка» в Юго-Восточной Европе. Антисоветская внешняя политика Румынии привела только к ее изоляции, чему особенно сильно способствовало ее сближение с гитлеровской Германией. 21 июня в венгерском офицозе на немецком языке вновь был поставлен вопрос об удовлетворении венгерских территориальных претензий. В статье говорилось, что «Румыния была увеличена искусственно, путем захвата нескольких миллионов лиц национальных меньшинств, благодаря Версальскому договору. Это положение не может сохраниться в будущей Европе, которую вновь организуют державы оси. Венгрия питает полную веру в свои права, которые будут решены Гитлером и Муссолини»¹⁰⁹. Публикация этой статьи в официальном органе венгерского министерства иностранных дел была сделана, безусловно, с ведома дипломатических миссий Германии и Италии. Речь шла уже о торге, так как еще 13 июня 1940 г. Джигурту выразил Фабрициусу готовность пойти навстречу требованиям Венгрии якобы под видом обмена населения¹¹⁰. Правительство Болгарии также усилило требования об удовлетворении претензий на Южную Добруджу. Необходимо отметить, что в эти дни румынское правительство было особенно воинственно настроено. В беседе с американским посланником в Бухаресте Ф. Гюнтером 24 июня 1940 г. Джигурту заявил, что Румыния надеется получить в ближайшее время большое количество немецкого оружия, при помощи которого она сможет вести войну против СССР в течение не менее четырех месяцев. Румынский министр иностранных дел заявил также, что надеется на помощь итальянской авиации¹¹¹. Гюнтер сообщал в государственный департамент США, что, по его мнению, Джигурту, хотя и не говорил об этом, рассчитывал на немецкую военную помощь. Гитлеровский посланник Фабрициус передавал в Берлин 26 июня 1940 г., что Татареску заявил ему, что

¹⁰⁹ «Pester Lloyd», 21.VI 1940, Morgenblatt.

¹¹⁰ DGFP, series D, vol. IX, doc. 428, p. 564. Речь шла не только об обмене населения. Об этом говорит тот факт, что венгерское население в Румынии превышало по меньшей мере в 15 раз число румын, проживающих в Венгрии.

¹¹¹ «Foreign relations of the United States», 1940, vol. I, general. Washington, 1959, p. 470.

Кароль II и румынское правительство не намерены удовлетворить просьбу Советского Союза о возвращении ему Бессарабии, если такое требование будет предъявлено, и что они намерены в таком случае воевать против СССР¹¹².

По словам Фабрициуса, румынские правящие круги надеются, что Германия после скорой победы на Западе будет «сдерживать» Советский Союз. Румынский министр иностранных дел заявил ему о готовности вернуть Советскому Союзу часть Бессарабии в границах 1856 г., чтобы держать СССР подальше от Дуная. Заявление Джигурту лишний раз доказывало, что румынские правящие круги сознают обоснованность требований Советского Союза на возвращение ему Бессарабии, но стремятся любыми средствами уклониться от их удовлетворения или по крайней мере их урезать. Однако, следуя «твердой» линии румынского правительства, румынский посланник в Москве 26 июня 1940 г. сказал поверенному в делах США, что Румыния откажется обсудить требования Советского Союза о возвращении Бессарабии¹¹³.

К концу июня 1940 г. стало ясно, что Румыния превращена в фашистское государство ее правителями, которые окончательно связали свою судьбу с гитлеровской Германией. Не вызывало сомнений, что нацистские главы после победы над Францией займутся вплотную учреждением «нового порядка» в Юго-Восточной Европе. Это означало еще большее усиление террористического режима, установленного для населения оккупированной Бессарабии и для украинского населения Северной Буковины. В этих условиях Советский Союз не мог дольше откладывать решение бессарабского вопроса. Советское правительство, обеспокоенное судьбой населения Бессарабии и Северной Буковины и стремясь укрепить безопасность своих границ в связи с усилением позиции гитлеровской Германии в Румынии, потребовало мирного решения вопроса о возвращении захваченной в 1918 г. румынскими боярами Бессарабии и о передаче Советскому Союзу населенной украинцами Северной Буковины.

«Теперь, когда военная слабость СССР отошла в

¹¹² DGFP, series D, vol. X, doc. 19, p. 19.

¹¹³ «Foreign relations of the United States», 1940, vol. I, general, p. 479.

область прошлого, — говорилось в советской ноте от 26 июня 1940 г., — создавшаяся международная обстановка требует быстрого разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами. Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу»¹¹⁴.

Законное требование Советского правительства вызвало среди румынских правящих кругов злобную анти-советскую истерию. Румынский король и реакционные политики собрались даже в военный поход против СССР. Джигурту сообщил Фабрициусу, что в связи с настроением Кароля II «следует ожидать войны»¹¹⁵. Посланник США также сообщал в государственный департамент, что требование Советского Союза будет отклонено¹¹⁶. В румынском правительстве были срочно произведены изменения. Вместо Джигурту, назначенного государственным министром, министром иностранных дел стал К. Арджетоану. В качестве государственного министра в кабинет вошли Ал. Вайда-Воевод, И. Нистор и предатель молдавского народа И. Инкулец. Впервые в состав правительства вошел в качестве субсекретаря Х. Сима. Такой состав правительства должен был свидетельствовать о «национальном единстве» Румынии. Было созвано заседание Коронного совета, которое длилось все утро 27 июня 1940 г. На этом заседании Кароль II выступал за объявление войны Советскому Союзу¹¹⁷. Ему вторил королевский советник Н. Йорга¹¹⁸. Как сообщала швейцарская газета, 16 участников заседания высказались за удовлетворение требований Советского Союза, 11 были против¹¹⁹. Некоторые румынские реакционные деятели, не участвовавшие в заседании Коронного совета, как Ю. Маниу, Д. Братиану и другие, также требовали не удовлетворять требований СССР.

¹¹⁴ «Известия», 29.VI 1940.

¹¹⁵ DGFP, series D, vol. X, doc. 29, p. 28.

¹¹⁶ «Foreign relations of the United States», 1940, vol. I, general, p. 479.

¹¹⁷ L'Indépendance Roumaine». 4.VII 1940.

¹¹⁸ Al. Cretzianu. Op. cit., p. 49, 54.

¹¹⁹ «Neue Zürcher Zeitung», 30.VI 1940. Fernausgabe.

27 июня 1940 г. Кароль II принял Фабрициуса и заявил ему, что Германия несет определенную ответственность за ухудшение отношений между Румынией и Советским Союзом, так как во время его бесед с Гитлером и Герингом в ноябре 1938 г. «ему дали ясно понять, что сближение с Германией исключает сближение Румынии с Советским Союзом. Поэтому Румыния не выясняла свои отношения с Россией»¹²⁰. Это красноречивое признание Каролем II проводимой им антисоветской политики и курса на сближение с гитлеровской Германией не оказало никакого влияния на гитлеровского дипломата, который, действуя по инструкции своего правительства, посоветовал румынскому монарху мирно решить конфликт с СССР. Причины этого совета разъяснил Каролю в тот же день другой гитлеровский эмиссар — Киллингер, приглашенный начальником румынской секретной службы Морозовым в качестве опытного партийного организатора для оказания содействия при организации тоталитарной «Партии нации». Еще до аудиенции у Кароля Киллингер заявил Морозову, что для Германии «военная акция на Востоке в настоящее время невозможна, так как немецкая армия должна закончить войну против Англии»¹²¹. Во время аудиенции румынский монарх перечислил Киллингеру все свои заслуги перед Германией. «Я, — говорил Кароль II, — сделал все возможное, чтобы помочь Германии (в войне. — *Б. К., И. Л.*). В Зальцбурге я поклялся фюреру и г. Герингу, что буду бороться всеми моими средствами против большевизма. Я точно выполнял эти обещания. Когда положение изменилось и союзники объявили войну Германии, я сохранил ясно ту же линию поведения против большевизма». Кароль запугивал Киллингера, что не в интересах Германии, чтобы на «Балканах господствовал коммунизм», и что якобы СССР «работает на Англию». Гитлеровский эмиссар выразил полное понимание позиции Кароля II, но заявил, что, как политический деятель, он не может одобрить провоцирование Румынией войны против СССР. В то же время он обещал Каролю II, что «русский гигант будет в конце концов уничтожен»¹²². Кароль II просил Киллингера от-

¹²⁰ DGFP, series D, vol. X, doc. 33, p. 33.

¹²¹ АМАЕ, cazierul 2, problema 71/1939, vol. I. Intrevederile lui Kilinger la București în zilele de 26 și 27 iunie 1940, f. 2.

¹²² Ibidem, f. 8.

правиться немедленно в Берлин, чтобы добиться от немецкого правительства оказания сдерживающего влияния на Венгрию и Болгарию в случае, если Румыния начнет войну против СССР¹²³. В то же время румынское правительство обратилось к правительствам Германии, Италии, Югославии, Греции и Турции с запросом, какого мнения они придерживаются по вопросу о советских требованиях¹²⁴. В ожидании ответа оно, желая выиграть время, сообщило Советскому правительству, что готово приступить к обсуждению всех его предложений¹²⁵. В это время все запрошенные Румынией правительства посоветовали румынскому правительству решить мирным путем конфликт с СССР¹²⁶.

Сложившаяся обстановка заставила румынское правительство принять 28 июня 1940 г. предложения Советского Союза и согласиться с условиями Советского правительства об очищении румынскими войсками территории Бессарабии и Северной Буковины.

Так мирным путем завершилась двадцатидвухлетняя борьба Советского правительства за справедливое реше-

¹²³ 28 июня министр иностранных дел Венгрии Чаки сообщил в Берлин через Клодиуса, который в это время вел экономические переговоры в Будапеште, о подготовке молниеносной военной акции против Румынии с целью занятия Трансильвании. Чаки обосновывал этот шаг тем, что в Румынии якобы существует революционная ситуация. Венгерский министр обещал в случае получения поддержки Берлина еще больше удовлетворить потребности Германии в хлебе и предоставить ей венгерские железные дороги для свободного использования на весь период войны. Однако, в силу целого ряда причин, главной из которых была боязнь уничтожения румынских нефтепромыслов, гитлеровцы были против развязывания венгеро-румынского конфликта. Получив известие о мобилизации в Венгрии, Риббентроп направил Чаки ноту, в которой в энергичных выражениях высказался против замышлявшегося хортистами нападения. Вместе с тем гитлеровцы обещали Венгрии полную поддержку в разрешении территориального спора с Румынией «в более подходящее время» (см. «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». М., 1962, стр. 195—198). Перед румынами же они выставляли свои «заслуги» в «удержании» Венгрии.

¹²⁴ АМАЕ, cazierul 12, vol. IX, Telegrama N 38918 din 27 iunie 1940.

¹²⁵ «Известия», 29 VI 1940 г.

¹²⁶ «Foreign relations of the United States», 1940, vol. I, general, p. 481.

ние вопроса о Бессарабии, вероломно отторгнутой от Страны Советов в начале 1918 г.

В этот же день 28 июня 1940 г. Красная Армия перешла Днестр и приступила к освобождению Бессарабии и Северной Буковины. Встреча советских войск превратилась в большой и радостный праздник трудящихся, которые все годы боярско-румынской оккупации неустанно боролись за воссоединение с Советской Родиной. В эти дни особенно ярко отразились любовь и тяга трудящихся к Советской стране, их ненависть к оккупантам и эксплуататорским классам ¹²⁷.

¹²⁷ Об этом подробно см.: *А. М. Лазарев. Воссоединение молдавского народа в единое Советское государство.* Кишинев, 1965, стр 25—35.

ГЛАВА V

ГЕРМАНО-ИТАЛЬЯНСКИЕ «ГАРАНТИИ» РУМЫНИИ И ИХ АНТИСОВЕТСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ

После ликвидации затянувшегося конфликта по вопросу о Бессарабии между Румынией и СССР создались благоприятные условия для установления добрососедских отношений. К этому стремилось Советское правительство, этого хотели румынские трудящиеся. Они приветствовали действия Советского Союза, направленные на мирное разрешение вопроса о Бессарабии и Северной Буковины, их воссоединение с Советской Родиной. В одном из документов румынских коммунистов, изданном в июле 1940 г., говорилось, что рабочие и крестьяне «...шлют свой привет братьям из Бессарабии и Буковины, освобожденным из-под помещичье-капиталистического ига, и выражают непреклонную решимость вести борьбу против королевской диктатуры, против антисоветской империалистической войны, за дружбу с СССР, за хлеб, мир, землю и свободу»¹. Выражая свои симпатии к Стране Советов, тысячи рабочих, служащих, студентов прорывались через кордоны вооруженных дубинками полицейских, чтобы принять участие в демонстрации, организованной Коммунистической партией у здания дипломатического представительства СССР в Бухаресте².

Однако румынские правящие круги, игнорируя стремления народных масс, избрали другой путь, о чем красноречиво говорят и секретные записи И. Джигурту, в которых излагаются выводы совещания, собранного 29 июня 1940 г. в королевском дворце для определения дальней-

¹ Цит. по кн.: «История Великой Отечественной войны Советского Союза за 1941—1945», т. I, М., 1963, стр. 282.

² V. Topalu. Din lupta partidului comunist din România pentru apărarea intereselor fundamentale ale maselor populare în perioada dictaturii regale (1938—1940). «Studii», 1961, N 2, p. 371—372.

шей внешнеполитической линии Румынии. «Соглашение с СССР оказалось бы для нас фатальным,— записывал Джигурту, — оно бы повело нас быстрыми шагами к коммунизму»³. Запись Джигурту свидетельствует о том, что румынские правящие круги отказались от установления дружеских отношений с Советским Союзом из-за страха перед коммунизмом. На этом же совещании была еще раз подтверждена линия на присоединение к фашистской оси. Чтобы набить себе цену в предстоящих переговорах с гитлеровскими дипломатами, румынские правители договорились при каждом удобном случае подчеркивать, что они «служили интересам Германии, когда, по ее твердо выраженному желанию, согласились с требованием Светского Союза (о мирном разрешении бессарабского вопроса. — Б. К., И. Л.), чтобы не вызвать войны в Юго-Восточной Европе, что было бы на пользу Великобритании»⁴. Таким образом, свое согласие на возвращение СССР Бессарабии и уступку Северной Буковины румынская олигархия пыталась представить как жертву, принесенную исключительно во имя гитлеровского рейха.

Вместе с тем реакционные круги Румынии всячески старались использовать события 26 — 28 июня для разжигания шовинистических и антисоветских настроений. В последних числах июня и в июле 1940 г. страницы румынской буржуазной печати изобиловали инсинуациями о «самовольных» действиях Красной Армии, об «арестах» и «дурном» обращении русских с населением Бессарабии⁵. И как бы для сопоставления читателям преподносились явно инспирированные статьи, в которых на все лады восхвалялось боярско-румынское господство в Бессарабии, превозносилась аграрная «реформа» 1918—1923 гг., в ярких красках расписывались «достижения» Бессарабии, даже, как ни странно, в области культуры и здравоохранения⁶.

³ АМАЕ, d. 71/1939, vol. II, Nota «Situația externă» din 29 iunie 1940, întocmită de ingineru I. Gigurtu.

⁴ Ibidem. Джигурту имел в виду вышеупомянутый «совет», данный гитлеровцами румынскому правительству, согласиться с требованием СССР о мирном решении бессарабского вопроса (см. DGFP, series D, vol. X, doc. 28, 67, p. 27—28, 69—73).

⁵ См., например, «Curentul», 1.VII 1940. В общем антисоветском хоре румынской реакционной печати эта газета, известная своей про-гитлеровской ориентацией, проявляла особое усердие.

⁶ См. «Timpul», 8.VII 1940; «L'Indépendance Roumaine», 10, 14, 23.VII 1940 и др.

Румынскому народу внушалась мысль, что имевшие место в конце июня территориальные изменения являются временными. Как отмечалось в обзоре румынской прессы того периода, составленном советским дипломатическим представительством в Румынии, «в широких кругах населения распространяются слухи о том, что еще в этом году все потерянные Румынией области будут возвращены, плюс к этому Румыния получит за понесенные убытки определенную компенсацию».

Бухарестские газеты воспроизводили обширные выдержки из наиболее воинственных выступлений министров, королевских советников, членов парламента, принимавших участие в заседаниях Коронного совета и комиссии по иностранным делам палаты депутатов и сената при обсуждении создавшегося положения⁷. Выпячивались слова румынского буржуазного историка и реакционного политического деятеля Н. Йорги, призывавшего 27 июня министров и королевских советников отклонить ноту Советского правительства и начать войну против СССР, приводилось заявление «сенатора» от Бессарабии Штефана Чиобану, который «от имени бессарабцев и буковинцев» (читай: помещиков и капиталистов.— *Б. К., И. Л.*) крикливо заверял, что, несмотря «на временные невзгоды», эти территории «будут румынскими». На этих заседаниях, как подчеркивали газеты, Татареску объявил, что первейшей заботой страны будет «приумножение военной силы»⁸.

Для разжигания реваншизма был использован и такой повод, как объявление дня 3 июля днем «национального траура» в связи с «утратой» Бессарабии и Северной Буковины. «Румыния» призывала своих читателей со «стиснутыми зубами» поклясться, что они «никогда не забудут Бессарабию и Буковину»⁹.

Другая влиятельная буржуазная газета «Универсул» устами известного шовиниста и реакционера А. Куза предупреждала, что «если понадобится, мы будем бороться за ее (т. е. Бессарабии.— *Б. К., И. Л.*) возвращение»¹⁰.

⁷ «Timpul», 4.VII 1940.

⁸ «Timpul», 6.VII 1940.

⁹ «România», 4.VII 1940.

¹⁰ «Universul», 4.VII 1940.

В своей ненависти к Стране Советов румынские власти вымещали свою злобу на проживающих в Румынии бессарабцах, изъявивших желание вернуться на Родину. В специальной ноте от 15 июля 1940 г. Советское правительство потребовало, чтобы «румынское правительство приняло все необходимые меры к неповторению указанных случаев издевательства и обеспечило нормальные условия выезда на родину бессарабцев»¹¹.

В своей реваншистской политике правящие круги Румынии уповали на то, что рано или поздно гитлеровская Германия предпримет «крестовый поход» против СССР, в котором они смогут принять самое активное участие. Уже на упомянутом совещании 29 июня один из участников прямо ставил вопрос о том, что «Румыния должна быть готова участвовать на стороне германских войск в тот момент, когда они нападут... на СССР». Другой из присутствующих — А. Вайда заявил: «Время еще не упущено. Если даже конфликт произойдет не в скором времени, то он уже и не за горами»¹².

Намеки на этот счет делались и в открытой печати. Не успели румынские войска покинуть Бессарабию, как один из рупоров крайней реакции, политический директор профашистской газеты «Курентул» Памфил Шейкару, уже писал: «Мы не сумели истолковать вовремя смысл событий; наше приспособление непрерывно опаздывало и, в особенности с 10 мая, время играло не в нашу пользу... Пришлось выбирать, и сегодня эта альтернатива возникает между политикой рядом с Германией или политикой рядом с Советской Россией». Ратуя, естественно, за тесный союз с гитлеровской Германией, которую он считал вершителем судеб Европы, Шейкару заключал: «Не надо забывать, что границы в настоящий период непрерывно меняются: окончательное их установление будет делом того, кто будет диктовать новое устройство Европы»¹³.

Под фиговым листом «европейского политического реализма» правящая верхушка Румынии продолжала усиленно добиваться союза с гитлеровской Германией.

¹¹ «Внешняя политика СССР». т. IV. М., 1946, стр. 519.

¹² Цит. по *Al. Gh. Savu. Dictatura regală (1938—1940)*. București, 1970, p. 357—358.

¹³ «Curentul», 29.VI 1940.

29 июня румынский министр иностранных дел Арджетою поторопился сообщить Фабрициусу о решимости Румынии «избавиться от ошибочной политики прошлого». Он добавил, что лично согласился на принятие своей новой должности «при том непременном условии, что король открыто одобрит политику сотрудничества с осью, особенно с Германией, но Берлин и Рим также должны присоединиться к этой политике». Явно намекая, на какой основе он собирается строить этот союз и во имя чего он считает его необходимым, Арджетою бросил такую многозначительную фразу: «Не стану спорить, насколько правильно было с точки зрения германских политических и экономических интересов в районе Дуная разрешить России перейти Днестр»¹⁴. Арджетою и министр двора Урдэряну поставили в известность Фабрициуса о решении Румынии отказаться от англо-французских гарантий и придерживаться впредь прогерманской политики¹⁵. На второй день король решил лично подтвердить германскому посланнику это свое решение. Он сообщил также о предстоящей коренной реорганизации румынского правительства в желательном для рейха духе и намерении направить в Берлин своего министра Т. Сидоровича для объяснения фюреру политики Румынии¹⁶.

От слов румынские правители перешли к делу. 1 июля всем румынским посольствам и консульствам был направлен циркуляр за подписью Арджетою о решении правительства изменить внешнеполитическую ориентацию в соответствии с «новым европейским порядком» и об отказе в связи с этим от англо-французских гарантий¹⁷. В тот же день об этом было объявлено в специальных выпусках бухарестских газет¹⁸.

2 июля король имел новую встречу с Фабрициусом. Поставив его в известность об отказе от англо-французских гарантий, он передал Гитлеру послание, в котором еще раз указал, что Румыния добивается и жаждет «тесного сотрудничества с Германией во всех областях, заключения политических договоров, благоприятных для

¹⁴ См. DGFP, series D, vol. X, doc. 57, p. 60.

¹⁵ Ibidem, doc. 68, p. 74.

¹⁶ Ibidem, p. 74—75.

¹⁷ См. ИДА, фонд микрофильмов (Dosorul Italia. Circulara pentru toate Ambasadele și Legațiunile, 1 iulie 1940).

¹⁸ «Timpul», 1.VII 1940.

обеих сторон», и просит направить в Бухарест военную миссию. Играя на антисоветизме Гитлера и заинтересованности Германии в румынской нефти, Кароль старался спекулировать версией о русской «угрозе» Румынии¹⁹.

Однако гитлеровцы не спешили идти навстречу пожеланиям румынских правителей. Стараясь еще больше подчинить Венгрию и Болгарию своим военно-политическим и экономическим интересам, они решили частично удовлетворить территориальные требования последних в отношении Трансильвании и Добруджи. При этом они были уверены в том, что правящие круги Румынии в силу их звериной ненависти к СССР ни при каких условиях не будут искать у него защиты от угрозы нападения со стороны ее западных и южных соседей²⁰. Гитлер и его дипломаты резонно полагали, что удовлетворение особенно венгерских территориальных требований за счет Румынии не только не приведет к ослаблению напряженности между этими странами, но еще больше обострит взаимоотношения между ними, сохранит возможность и в дальнейшем шантажировать и заставлять их беспрекословно выполнять все приказы Берлина. Предприняв в этом направлении грубый нажим на Румынию, правители фашистской Германии не сомневались также и в том, что трусливый румынский король, который любыми путями старался удержаться на престоле и искал защиты у Гитлера от нападков железногвардейцев, не будет особенно сопротивляться их требованиям.

Уже 3 июля Фабрициус передал Каролю мнение Берлина о том, что Румынии «не избежать территориальных уступок», ибо это является «непременным условием для достижения мира на Балканах». Фабрициус «советовал» не затягивать переговоры на этот счет с Венгрией и Болгарией²¹.

В этой обстановке 4 июля, в соответствии с ранее данным Германии обещанием, король произвел новую

¹⁹ См. DGFP, series D, vol. 10, doc. 80, p. 90—91.

²⁰ 10 июля 1940 г. во время переговоров между Гитлером, Риббентропом, Чиано и венгерским премьером П. Телеки на вопрос последнего, не может ли нажим Германии на Румынию толкнуть ее «в объятия русских», Гитлер, как явствует из венгерской записи этой беседы, «ответил отрицательно» (см. «Венгрия и вторая мировая война», стр. 205).

²¹ DGFP, series D, vol. X, doc. 104, p. 116.

реорганизацию правительства. На сей раз ему пришлось пожертвовать одним из своих ближайших советников — премьером Татареску, который из-за своей прежней про-французской ориентации не пользовался благосклонностью титлеровцев. Главой правительства стал И. Джигурту, а в его состав входили матерые фашисты, в том числе из руководства террористической «Железной гвардии». Это было «несомненно националистическое правительство», составленное «из самых видных представителей великой веры, воплощенной в оси Берлин — Рим», — писала с восторгом реакционная румынская печать. В своем программном заявлении новый премьер подчеркнул, что «во внешних сношениях Румыния будет следовать политике интеграции в системе, созданной осью Берлин — Рим» и что «это является не только выражением политического реализма, но и логическое следствие идеологии членов правительства»²². 6 июля правительство Румынии сообщило Германии о своем согласии вести переговоры с Венгрией и Болгарией²³.

Правительство Джигурту взялось с большим рвением доказывать, что Румыния навсегда покончила с двойственной политикой прошлого и готова полностью подчинить свою политику государствам оси. Оно объявило о выходе Румынии из практически не существующей Лиги Наций²⁴, усилило контроль над английскими нефтедобывающими и нефтеперерабатывающими предприятиями в Румынии, выслав при этом группу «вражеских специалистов», конфисковало зафрахтованные английские суда, что, естественно, вызвало ответные действия англичан, которые наложили арест на румынский капитал в лондонских банках и в свою очередь задержали румынские корабли, находившиеся в английских портах.

16 июля 1940 г. Джигурту обратился с письмом к Г. Герингу, в котором многозначительно подчеркивал, что его правительство занято духовной подготовкой народа «к великой и тяжелой борьбе, к которой мы надеемся скоро его призвать»²⁵, намекая тем самым на решимость

²² «Universul», 6.VII 1940.

²³ DGFP, series D, vol. X, doc. 123, p. 137—138.

²⁴ «Timpul», 12.VII 1940.

²⁵ AMAE, d. 71/1939, vol. II. Scrisoarea lui I. Gigurtu către Göring din 16 iulie 1940.

румынских правящих кругов участвовать вместе с гитлеровской Германией в готовящейся антисоветской войне.

Лебезя перед Германией, Джигурту, Маноилеску и другие румынские министры использовали любое свое выступление, интервью, чтобы клясться в дружбе и преданности государствам оси. Если еще не так давно большинство газет на все лады подчеркивало романскую общность французов и румын, восторгалось французской культурой и трубило о великой роли Англии, то после успехов гитлеровских войск на Западе, как из рога изобилия, посыпались статьи, воспевающие фюрера и гитлеровский режим, богатство германской культуры и значение Германии для всего мира. Во имя освоения этой культуры, к тому же в ее новом национал-социалистском обличье, было объявлено, что в новом учебном году не только расширится школьная программа по немецкому языку, но и будут пересмотрены и исправлены все учебники в духе современной фашистской идеологии. Министр пропаганды Никифор Крайник обещал в скором времени осчастливить румынский народ изданием «Майн кампф» в румынском переводе²⁶.

Гитлеровцы охотно пользовались услужливостью румынских правителей. Нацистское руководство немецкого меньшинства в Румынии каждодневно выдвигало новые, все более наглые требования о создании для них особых условий. И правительство безропотно принимало их. Стоило 16 августа представителю немецкого меньшинства Гансу Отто Рот предъявить Джигурту очередные свои требования, как тотчас же «Румыния» поспешила объявить, что «немцы в Румынии не являются меньшинством, а вторым после румынского народа элементом, на который государство может вполне положиться»²⁷.

Правители королевской Румынии, подражая во всем германскому образцу, торопились принять и внешние признаки национал-социализма. Где только возможно, подчеркивалась общность между идеологией «Партии нации» и гитлеровской партии национал-социалистов. Каждодневно газеты сообщали о принятии новых антисемитских законов, проповедовался звериный национализм. «Мы направляемся к решительной антисемитской

²⁶ «Timpul», 17.VIII 1940.

²⁷ «România», 18.VIII 1940.

политике,— писал фашистский листок «Порунка времий». — Без этого полный национализм невозможен»²⁸.

Унижаясь перед Гитлером и обещая еще больше увеличить поставки нефти и сельскохозяйственных продуктов, король и его правительство надеялись заполучить у Германии гарантии границ, заключить с ней военно-политический союз и тем самым добиться ее поддержки в спорных территориальных вопросах с Венгрией и Болгарией. Последние, опасаясь возможного румыно-германского союза, все настойчивее требовали от Германии безотлагательного решения в их пользу вопроса о Трансильвании и Добрудже²⁹.

Однако верноподданные поклоны румынских правителей не возымели действия. Гитлер не торопился с обещаниями в поддержке. Становясь в позу строгого повелителя, который волен карать или миловать своих вассалов, Гитлер упрекал короля и его окружение за прежнюю двойственную политику, давая понять, что он не может оставить их безнаказанными за прошлые «грехи». В письме на имя Карся от 15 июля фюрер потребовал от Румынии добиться «взаимопонимания» с Венгрией и Болгарией, которое, как он предупреждал, не может быть достигнуто без «самопожертвования»³⁰. Гитлер при этом подчеркнул, что в случае, если король и его правительство не последуют его «совету» и не будет найдено «разумное решение» спорных вопросов, Германия даже ценой потери румынской нефти не согласится

²⁸ «Рогунса времий», 15.VII 1940.

²⁹ Во время упомянутой встречи 10 июля в Мюнхене Телеки вновь заговорил о решении трансильванского вопроса «военными средствами». Гитлер предостерег его от вооруженной акции против Румынии и обещал отправить Каролю согласованное с Муссолини письмо, в котором он потребует от румынского короля немедленно приступить к разрешению территориального спора с Венгрией (См. «Венгрия и вторая мировая война», стр. 202—205; А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 106—112; В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. М., 1967, стр. 52—58; И. Н. Чемпалов. Дипломатическая подготовка к установлению экономического и военно-политического господства германского империализма на Балканах. «Международные отношения в новейшее время». Сборник статей, ч. II. Свердловск, 1966, стр. 20—25, 51—54). Под видом ответа на послание Кароля от 1 июля (см. DGFP, series D, vol. X, doc. 80, p. 91) такое письмо было ему послано Гитлером 15 июля.

³⁰ DGFP, series D, vol. X, doc. 104, p. 116.

на установление тесного сотрудничества с Румынией³¹. Конечно, германские правители вовсе не собирались лишить себя румынской нефти. Наоборот; вся эта дипломатическая игра именно и была рассчитана на то, чтобы подчинить Румынию германским экономическим и политическим интересам, сделать ее полностью зависимой от политики Гитлера.

Как и следовало ожидать, письмо фюрера, прозвучавшее как угроза, не осталось без последствий. Отправляясь в Зальцбург для встречи с Гитлером и Риббентропом, румынский премьер И. Джигурту и его министр иностранных дел М. Маносилеску везли с собой письменный ответ короля на вышеупомянутое письмо фюрера, означавший по сути капитуляцию перед германскими требованиями. Еще раз подтвердив о согласии румынского правительства на территориальные уступки Венгрии и Болгарии с последующим обменом населения³², Джигурту и Маносилеску пытались вместе с тем выторговать у правителей рейха более или менее сносные для себя условия.

В ход было пущено все. Отвергая обвинения Риббентропа³³ в нелояльности к рейху, они доказывали, что Румыния оказывала сопротивление всем попыткам быть втянутой в систему союзов, направленных против Германии³⁴, что начиная с 1935 г. она стремилась всецело отдать себя в распоряжение Германии, беспрекословно выполняла все требования последней и способствовала расширению ее сфер влияния, что так называемый нейтралитет, объявленный Румынией в начале второй мировой войны, был по сути «шагом на пути к союзу с Герма-

³¹ DGFP, series D, vol. X, doc. 171, 219—220; *Eliza Campus. Tratatulele în preajma dictatului de la Viena (aprilie — august 1940). «Studii», 1957, N 3, p. 169.*

³² DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 305; doc. 234, p. 307.

³³ Первую встречу с германским министром иностранных дел Джигурту и Маносилеску имели 26 июля. Риббентроп начал с того, что отчитал посланцев Кароля за ту нерешительность, которую они проявили, отказываясь от «губительной политики Титулеску», за принятие англо-французских гарантий, а затем заявил, что Германия считает требования Венгрии и Болгарии к Румынии «полностью оправданными» (*ibidem*, doc. 233, p. 301—302). Эти же упреки им пришлось выслушать и из уст Гитлера, беседа с которым состоялась в тот же день (*ibidem*, doc. 234, p. 309, 310).

³⁴ *Ibidem*, p. 304.

ней»³⁵. Джигурту и Маноилеску попытались играть и на антиславянизме гитлеровцев. Они напомнили об особой роли Румынии, расположенной в середине славянской территории, в деле разъединения славян³⁶. Указав также на то, что экономически она «всецело принадлежит к германской сфере влияния», Джигурту сказал: «Германии не должно быть безразлично, будет ли Румыния большой или маленькой»³⁷.

Много говорил румынский премьер и об экономических выгодах, которые получит Германия от сотрудничества с Румынией³⁸. Он обещал «приспособить сельское хозяйство страны к германским нуждам», увеличить значительно румынский экспорт сельскохозяйственных продуктов и пшлуфабрикатов, импортировать «эквивалентное количество германских товаров» и тем самым стать «важным рынком сбыта для германских промышленных товаров»³⁹. В конце беседы, которая состоялась уже за чашкой чая, Джигурту намекнул и на готовность его правительства сделать германских капиталистов наследниками английских и французских акций в румынской нефтяной промышленности⁴⁰.

Гитлер снисходительно обещал воспользоваться любезностью румынских правителей, но и на сей раз довольно ясно дал понять, что пока не будут решены территориальные споры с Венгрией и Болгарией, он не пойдет ни на какие соглашения с Румынией. Риббентроп еще до встречи с Гитлером советовал Джигурту и Маноилеску

³⁵ DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 304.

³⁶ Хортисты, стараясь склонить гитлеровцев на свою сторону, также любили говорить об общности интересов Венгрии и Германии, о том, что «сильная Венгрия с границей вдоль Карпат явится для Германии надежным бастионом на Востоке» и сможет «разделить и разъединить» славян (см. «Венгрия и вторая мировая война», стр. 194).

³⁷ DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 304. В ходе беседы Риббентроп заявил, что в результате первой мировой войны Румыния стала «неестественно большой», заняла территории, которые «никогда не получила бы своими собственными силами», и тем самым нарушила соотношение сил на Балканах (*ibidem*, doc. 233, p. 303).

³⁸ В дни пребывания Джигурту и Маноилеску в Зальцбурге румынский официоз выступил со специальной статьей, в которой было заявлено, что «Центральная и Юго-Восточная Европа входит в жизненное пространство Германии» («*România*», 28.VII 1940).

³⁹ DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 308.

⁴⁰ *Ibidem*, p. 316.

как можно скорее урегулировать территориальные споры⁴¹. После этого Гитлер выразил готовность предоставить Румынии испрашиваемые ею гарантии границ. Естественно, что после решения территориальных споров с Венгрией и Болгарией эти гарантии в какой-то мере теряли для королевской Румынии тот смысл, ради чего она их в тот момент так усердно добивалась. Вместе с тем реакционные румынские правители продолжали настаивать на них, ибо становилось ясно, что гарантии будут служить германским экспансионистским целям на Востоке и Юго-Востоке Европы⁴², что должно привести, по их расчетам, к обострению отношений между СССР и державами оси, о чем они не переставали мечтать.

В ходе переговоров румынские представители пытались разузнать, какие конкретные территориальные требования будут им выставлены Венгрией и Болгарией, большую ли территорию придется им уступить⁴³. Но ничего определенного узнать им не удалось. Гитлер и Риббентроп, которые прекрасно знали о притязаниях хортистов, отделивались общими разговорами о том, что венгры выставят «благоразумные требования», что они хотят вернуть себе «часть территории, потерянной в 1919 г.», что не может идти речь о границах «империи Святого Иштвана»⁴⁴. Это несколько подбодрило румынских министров. Считая, по-видимому, что им удалось вызвать благосклонное к себе отношение со стороны Гитлера, Джигурту спросил фюрера, не возьмет ли Германия на себя роль арбитра в случае, если переговоры с Венгрией и Болгарией зайдут в тупик. Гитлер лицемерно заявил, что Германия предпочитает не вмешиваться в этот спор, так как не желает навлечь на себя недовольство какой-либо из сторон. Между тем Гитлер

⁴¹ DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 303.

⁴² Отклоняя просьбу Джигурту о продаже Румынии в течение 10 лет вооружения на 600 млн. марок, в том числе противозвушной артиллерии для защиты нефтеносного района, Гитлер заявил, что имеется одна форма его защиты: поддержка сильной Германии, которая «в состоянии уничтожить любого врага». Джигурту и Ма-ноилеску не могли не понять намека Гитлера.

⁴³ Как явствует из заявлений Джигурту, такие попытки были сделаны им через Югославию, но они оказались безуспешными (DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 306).

⁴⁴ DGFP, vol. X, doc. 233, p. 305, 315.

поинтересовался, на какие именно территориальные уступки Венгрии готовы пойти правители Румынии. Джигурту назвал цифру 14 тыс. кв. км. Любопытно отметить, что при этом, как явствует из немецкой записи этой беседы, Маноилеску сделал жест, из которого вытекало, что это «не последнее слово румын»⁴⁵.

Таким образом, покидая Зальцбург, глава румынского правительства и его министр иностранных дел прекрасно знали, что придется уступить часть Трансильвании Венгрии и часть Добруджи — Болгарии. Не знали они пока, как велики будут требования венгров и болгар и не предполагали, что все впоследствии сведется к германо-итальянскому диктату.

Больше всего король и его камарилья опасались, как бы эти территориальные уступки не привели к «внутреннему взрыву», о чем он с нескрываемым беспокойством писал Гитлеру⁴⁶. Не случайно во время зальцбургских переговоров Джигурту и Маноилеску неоднократно выражали свои опасения относительно внутреннего положения страны и просили Гитлера поделиться опытом «психологического обращения с массами»⁴⁷.

Из Зальцбурга румынские министры отправились в Рим для встречи с Муссолини и Чиано, надеясь заручиться их поддержкой в предстоящих переговорах с Венгрией. Однако ничего утешительного для себя из итальянской столицы они не увезли. Пресмыкательство Джигурту и Маноилеску перед главарями фашистской Италии вызвало отвращение даже у тщеславного зятя Муссолини, который с явным пренебрежением отозвался о них в своих дневниковых записях⁴⁸.

Возвратившись в Бухарест после поездки в Германию и Италию, румынские министры стали готовить общественность к предстоящим территориальным уступкам. Сначала, как явствует из интервью, данного 30 июля Маноилеску представителям прессы, этот акт прикрывался туманными фразами «о добром желании жить в мире с соседями» и необходимости приступить к радикальному разрешению проблем меньшинств путем обме-

⁴⁵ Ibidem, p. 315.

⁴⁶ См. «*Studii*», 1957, N 3, p. 170.

⁴⁷ DGFP, series D, vol. X, doc. 233, p. 309.

⁴⁸ Comte Galeazzo Ciano. «*Journal politique, 1933—1943*», vol. I, p. 277.

на населения, которое дало «отличные результаты во всех странах»⁴⁹.

Для успокоения общественности на второй день было опубликовано правительственное коммюнике, в котором говорилось, что Джигурту и Маноилеску доложили о результатах своих переговоров в Берлине и Риме членам правительства и королевским советникам, «выразившим удовлетворение тем, как они происходили с точки зрения интересов страны»⁵⁰. Вместо с тем для отвлечения масс от внешнеполитических проблем была усилена антисемитская кампания.

Вскоре, однако, по совету гитлеровцев пришлось перейти к более откровенному разговору⁵¹. Желая лишить короля и его камарилью возможности свалить на Германию и Италию ответственность за потерю Трансильвании и Добруджи, еще в ходе зальцбургских переговоров Гитлер и Риббентроп, а затем уже Фабрициус и другие гитлеровские дипломаты требовали от правительства

⁴⁹ «*Timpu*», 1.VIII 1940. Эта декларация румынского министра вызвала волну негодования среди реваншистских кругов хортистской Венгрии. От имени своего правительства венгерское посольство в Бухаресте выразило решительный протест, в котором указывалось, что спорный вопрос между Венгрией и Румынией носит не этнический, а территориальный характер («*Studii*», 1957, N 3, p. 176).

⁵⁰ «*Timpu*», 2.VIII 1940.

⁵¹ 31 июля, посетив Маноилеску, Фабрициус сообщил румынскому министру соображения Гитлера относительно раздела Добруджи. Вслед за этим 2 августа «Берлинер берзенцайтунг» выступила с резкой статьей, направленной против румынских противников раздела Трансильвании. «Бряцанием сабель и героическими воззваниями,— писала газета,— нельзя добиться никаких результатов... Тот, кто не проявил достаточной гибкости—не оказал услуг своей стране». Навестивший 3 августа Маноилеску германский посланник в Бухаресте в повелительном тоне изложил румынскому министру «мнение» своего правительства относительно румыно-венгерских отношений и дал понять, что статья в «Берлинер берзенцайтунг» носит официальный характер. Сам Маноилеску в докладной записке о беседе с Фабрициусом оценивает эти акции «как нажим на нас, чтобы мы заняли как можно более уступчивую позицию в переговорах с Венгрией и Болгарией» (цит. по: «*Studii*», 1957, N 3, p. 176). После этого румынской буржуазной прессе, которая широко полемизировала с венгерской печатью, доказывая права Румынии на Трансильванию, пришлось изменить свой тон. Многие центральные газеты Румынии вынуждены были перепечатать на своих страницах вышеупомянутую статью гитлеровского органа. Для правителей Румынии становилось ясно, что территориальные споры будут решаться не за круглым столом заинтересованных стран, а в канцеляриях Гитлера и Муссолини.

Джигурту сказать народу «правду». В связи с предстоящими румыно-венгерскими и румыно-болгарскими переговорами «Румыния» уже более откровенно писала: «Люди, сумевшие хорошо вести переговоры, смогут только смягчить тяжелое положение, но не смогут его изменить»⁵².

Если румыно-болгарские переговоры завершились сравнительно быстро и королевская Румыния возвратила Болгарии отторгнутую у нее Южную Добруджу, то, как и следовало ожидать, венгеро-румынские переговоры, которые проводились с 16 по 24 августа в Турну-Северине, закончились безрезультатно. Венгерские делегаты требовали почти всю Трансильванию, румыны же были готовы уступить лишь часть этой территории. Венгеро-румынские отношения обострились до предела, и в этой обстановке Гитлер и Муссолини, лицемерно заявлявшие ранее об отказе выступать арбитрами в венгеро-румынском конфликте, решили продиктовать спорящим сторонам свои решения, отвечающие интересам Германии и Италии. 28 августа в Оберзальцбурге состоялась встреча Гитлера и Риббентропа с Чиано, на которой была выработана единая линия в венгеро-румынском конфликте и начерчена новая граница между Румынией и Венгрией⁵³.

Еще раз пытаясь выторговать для Румынии более мягкий приговор в трансильванском вопросе, 28 августа Джигурту направил Риббентропу специальное письмо. Оно представляет интерес в том отношении, что содержит ряд откровенных признаний тогдашнего румынского премьера по поводу освобождения Бессарабии Советским Союзом. «Бессарабия, — писал он, — объединилась с Румынией в конце первой мировой войны... Мы не боролись за это объединение и, между прочим, это объединение не было одной из целей, которые мы преследовали в великой войне (первой мировой войне.— Б. К., И. Л.), поэтому... понятно, почему наш народ согласился с уступкой [Бессарабии] без всякой борьбы»⁵⁴.

⁵² «România», 10.VIII 1940.

⁵³ DGFP, series D, vol. X, doc. 407, p. 566—570.

⁵⁴ АМАЕ, dosar 71/1939, vol. II. Scrisoarea lui I. Gigurtu către J. von Ribbentrop. Содержание письма Джигурту настолько шокировало его преемника на посту премьер-министра И. Антонеску, что последний подчеркнул приведенный нами абзац и написал на

Конечно, от Джигурту нельзя было ожидать признания, что Бессарабия была захвачена румынскими боярами и капиталистами, которые потопили в крови выступления бессарабских трудящихся, отстаивавших установленную ими Советскую власть. Наше внимание привлекает другое обстоятельство. В этих словах одного из самых реакционных политических деятелей Румынии содержится признание того факта, что румынский народ не считал Бессарабию частью своего государства и рассматривал ее освобождение в 1940 г. как неизбежный и справедливый акт.

Очередной демарш правительства Джигурту вновь закончился безуспешно. 29 августа Риббентроп и Чиано приняли румынского министра иностранных дел Маноилеску и венгерских представителей Телеки и Чаки, которым было предложено согласиться на безоговорочное принятие арбитражного решения держав оси⁵⁵. С целью запугивания, в ходе бесед с Маноилеску, а затем с Чаки, Риббентроп не преминул пустить в ход и набивший оскомину тезис о «большевистской угрозе»⁵⁶.

В ночь на 30 августа Коронный совет большинством голосов решил согласиться на итало-германский арбитраж⁵⁷, который состоялся на следующий день в Бельведерском дворце в Вене. Румынский представитель М. Маноилеску поставил свою подпись под приговором Гитлера и Муссолини, в результате которого Румыния лишалась Северной и Северо-Восточной Трансильвании (площадью в 43 тыс. кв. км. с населением 2,6 млн. чел., из которых более половины составляли румыны). Здесь же было принято решение о предоставлении Румынии итало-германских гарантий территориальной целостности. После удовлетворения территориальных требований Венгрии и Болгарии антисоветская направленность этих гарантий не вызывала никаких сомнений. Их принятие со стороны румынского правительства, которое давно добивалось этих гарантий, свидетельствовало о том, что румынские правящие круги, пренебрегая интересами стра-

полях: «идиот». И. Антонеску считал, что писать правду о Бессарабии нельзя даже в конфиденциальном письме гитлеровскому министру иностранных дел.

⁵⁵ DGFP, series D, vol. X, doc. 408, p. 572; doc. 410, p. 578.

⁵⁶ Ibidem, p. 574, 576.

⁵⁷ «Studii», 1957, N 3, p. 184—185.

ны, вступили в антисоветский сговор с фашистскими государствами, в первую очередь с Германией. Под видом обеспечения безопасности румынской территории от внешних «угроз» гитлеровцы получили легальную возможность в любой момент осуществить военную оккупацию страны и превратить ее в плацдарм для нападения на СССР, чего именно они и добивались. Как отмечал в своем докладе на конференции Румынской коммунистической партии в 1945 г. Г. Георгиу-Деж, принятие правящими кругами Румынии венского диктата «означало полнейшее отступление перед германским империализмом, который не удовлетворялся уже более установлением королевской диктатуры и стремился оккупировать Румынию»⁵⁸.

В то же время венский «арбитраж» не только не ослабил, но еще больше обострил венгеро-румынские отношения. Не говоря уже о румынах, даже венгры не были в полной мере удовлетворены решениями «арбитров»⁵⁹. Зато «арбитры», в первую очередь Германия, получили все, чего добивались. Зависимость Венгрии и Румынии от гитлеровской Германии еще больше возросла, так как и одна и другая сторона не теряла надежды изменить в свою пользу решения венского диктата. Гитлер же, поддерживая в каждом из них эти иллюзии, сохранил возможность и в дальнейшем шантажировать как венгров, так и румын.

За «услуги», оказанные Венгрии и Румынии при рассмотрении их спора, Гитлер заставил последних подписать соглашения, касающиеся статуса немецкого меньшинства в указанных странах. В соглашении с Румынией отмечалось, что немецкое меньшинство будет находиться «на равном положении с румынами»⁶⁰. Это позволило гитлеровцам еще шире использовать немецкое население Румынии в качестве своих прямых агентов.

Венский диктат вызвал волну возмущения в среде румынских народных масс. Гнев народа был направлен не только против «арбитров», но и против капитулянтской политики королевской диктатуры, раскрывшей свою гнилость и неспособность оборонять страну, бесполез-

⁵⁸ Г. Георгиу-Деж. Статьи и речи, т. I. М., 1956, стр. 17.

⁵⁹ «Венгрия и вторая мировая война», стр. 217.

⁶⁰ «Documents on international affairs 1939—1946», vol. II. Hitler's Europe. London, N. Y., Toronto, 1954, p. 324.

ность всех затрат на вооружение и содержание численно большой армии, затрат, которые тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся. В Клуже, Брашове, Тимишоаре, Яссах, Араде и других городах при активном участии коммунистов состоялись многолюдные митинги и демонстрации протеста⁶¹. Они проходили под лозунгами компартии: «Долой империалистический венский диктат!», «Требуем народного правительства!», «Хотим дружбы со свободными народами Советского Союза!»⁶². Произошел именно тот «внутренний взрыв», которого больше всего боялись король и его камарилья.

В этой обстановке, стараясь спасти прогнивший буржуазно-помещичий строй, верхи господствующего класса Румынии, в том числе лидеры национал-либеральной и национал-царанистской партий при активном вмешательстве гитлеровских эмиссаров, привели к власти генерала И. Антонеску и «Железную гвардию». Кароль II, который не пользовался доверием гитлеровцев и к тому же сильно скомпрометировал себя за годы своего правления, был отстранен от власти⁶³.

Стараясь оправдать перед народом свое предательство национальных интересов, правящая королевская клика еще в период переговоров в Турну-Северине стала распространять слухи об «угрозе советского вторжения» в Румынию. Чтобы придать им правдоподобность, румынская военщина предприняла провокационные действия на советско-румынской границе. Как явствует из памятной записки НКВД СССР, врученной румынской миссии в Москве 17 августа 1940 г., солдаты румынской армии нарушили границу в районе Сторожинец и с. Проботешты⁶⁴. Спустя два дня в новой ноте указывалось на действия румынских воинских частей, обстрелявших ко-

⁶¹ Подробно об этом см.: *Н. И. Лебедев*. Падение диктатуры Антонеску, стр. 8—9; *V. Topalu*. Din lupta Partidului comunist din România pentru apărarea intereselor fundamentale ale maselor populare în perioda dictaturii regale (1938—1940). «Studii», 1961, N 2, p. 375—377.

⁶² *E. Neamu și A. Fedotova*. Din lupta PCR împotriva tăririi României în războiul antisovetic (septembrie 1939 — iunie 1941). «Studii», 1960, N 3.

⁶³ Подробно об этом см.: *Б. М. Колкер*. Из истории установления военно-фашистской диктатуры в Румынии (сентябрь 1940 г.). «Известия Академии наук МССР», 1964, № 8.

⁶⁴ АВП СССР, ф. 125, оп. 23, п. 17, д. 1, л. 72.

ветские пограничные подразделения 16 и 17 августа в районе Проботешты и Дерска⁶⁵. 29 августа румынскому посланнику в Москве Гафенку была вручена третья нота протеста «как против новых враждебных действий румынских пограничных и войсковых частей на советской границе, так и против ряда случаев нарушения советской границы румынскими военными самолетами». Советское правительство возложило на румынское правительство всю ответственность за возможные последствия вышеуказанных действий румынских войсковых частей и военных самолетов⁶⁶.

Раскрывая смысл всех этих провокаций, которые, кстати, продолжались и в сентябре⁶⁷, «Правда» в статье «Действительные причины изгнания короля Кароля II из Румынии» писала: «Как сообщают, окружение Кароля несколько времени назад вело переговоры, в которых подготавливались передача Венгрии значительной части Трансильвании, а также получение от Германии и Италии гарантий государственной территории Румынии. Королю нужны были какие-нибудь внешние поводы для того, чтобы как-то оправдать перед общественным мнением Румынии эти подготавливавшиеся решения. В этих целях окружение короля пошло на создание провокационных инцидентов на советско-румынской границе. Кароль, конечно, правильно рассчитал, что нападение румынских частей на советскую пограничную охрану не может остаться без ответа. Все это было использовано для того, чтобы распространять заведомо ложные слухи о том, что якобы Советский Союз готовит нападение на Румынию, что Румынии угрожает военный разгром, а посему единственный способ спасения Румынии — отдать Венгрии часть Трансильвании и получить от Германии и Италии гарантии территории Румынии»⁶⁸.

Таким образом, Советский Союз разоблачил провокационный характер слухов о том, что он будто собирается напасть на Румынию, и этим вынудил ее согласиться с венским диктатом и принять германо-итальянские «гарантии».

⁶⁵ Там же, л. 73.

⁶⁶ «Внешняя политика СССР», т. IV, стр. 522.

⁶⁷ Там же, стр. 523.

⁶⁸ «Правда», 9.IX 1940.

В действительности же венский «арбитраж» явился важным звеном в планах гитлеровской Германии, направленных на подготовку войны против СССР. В связи с этим уместно привести некоторые выдержки из доклада ⁶⁹, составленного МИД Румынии для Антонеску, в котором дается обзор итало-румынских отношений и в связи с этим раскрывается истинный смысл венского арбитража. Во-первых, автор документа отвергает умышленно распространяемую тогда версию, кстати, приводимую и сейчас некоторыми буржуазными авторами, о том, что между СССР и Венгрией якобы накануне венского диктата была достигнута секретная договоренность о совместном выступлении против Румынии. «Не думаю, чтобы венгерское правительство рискнуло заключать соглашения без предварительного согласия Берлина и без того, чтобы информировать Рим», — говорится в документе. Далее приводится выдержка из донесения румынского посла в Риме Р. Босси: «Когда вечером 27 августа, — пишет Босси, — я спросил Ф. Анфузо — директора кабинета и самого близкого сотрудника Чиано, будем ли мы поставлены в Вене перед арбитражем, он несколько раз это отрицал и со всей решительностью уверял меня, что речь идет только о рассмотрении ситуации». «Можно констатировать из написанного Босси, — делает вывод автор доклада, — что в трагические для нас моменты итальянская и немецкая дипломатия применила по отношению к нам самую что ни есть неискреннюю дипломатическую игру, умышленно и в соответствии с заранее установленным планом вводя нас в заблуждение...» ⁷⁰

Далее в документе говорится: «Арбитры в Вене вынесли такой приговор не от незнания этнического состава Трансильвании, а из диктуемых моментом мотивов, носящих больше военный и экономический, нежели политический характер. Не владея ключом, открывающим нам секрет богов, все же прсшло достаточно времени с того печального события, чтобы лучше себе отдавать отчет о причинах и подоплеках арбитража. Из анализа всех дипломатических и военных событий, последовавших за венским актом, можно прийти к выводу, что этим

⁶⁹ На документе нет даты. Но, судя по содержанию и прилагаемым к докладу копиям документов, призванных подтвердить выводы авторов, он был составлен в начале лета 1942 г.

⁷⁰ ИДА, фонд микрофильмов. *Dosarul Italia*.

арбитражем Германия, которой принадлежит главная роль в подготовке и проведении дипломатической акции, приведшей к арбитражу, желала в первую очередь *обеспечить себе военно-стратегическую позицию и прежде всего румынскую нефть, необходимую для ведения войны против России* (курсив здесь и далее наш. — Б. К., И. Л.). В выполнении этого плана с самого начала было предусмотрено свержение политического режима короля Кароля II, к которому Германия, несмотря на встречу в Берхтесгадене⁷¹, не питала доверия... Тот факт, что [арбитры] полностью отказывались от принципа обмена населения, о чем речь шла во время дипломатической встречи в Зальцбурге, еще одно лишнее доказательство того, что венским арбитражем не преследовалась цель ликвидировать конфликт между Венгрией и Румынией, а в первую очередь *обеспечить военную и экономическую позицию в подготовке конфликта с Россией*⁷².

Исходя из этого, автор доклада делает вывод, что «в Вену нужно было явиться вооруженным не этнографическими картами, а ... *заверить в военном сотрудничестве против России, доказывая, что наши интересы в действиях против Советов идентичны с немецкими* и всякое расчленение Трансильвании путем ослабления румынских позиций означает косвенно ослабление германских действий»⁷³.

Заметим, что в обширном докладе нет никаких упоминаний о советской ноте от 29 августа 1940 г., которая, как пытаются изобразить буржуазные фальсификаторы истории, отражала якобы «агрессивные» намерения Советского Союза и заставила правителей Румынии согласиться с венским диктатом и принятием итало-немецких «гарантий».

Вряд ли хорошо осведомленный автор доклада, снабженный всеми документами МИДа, мог забыть о «советской угрозе» Румынии, если бы она действительно повлияла на принятие венских решений. Не стремления Советского Союза захватить Румынию и весь Балканский полуостров, как об этом пишут некоторые буржуазные историки, привели к венскому диктату, а стремление

⁷¹ Речь идет о встрече Кароля с Гитлером 24 ноября 1938 г. (см. DGFP, series D, vol. VII, doc. 254).

⁷² ИДА, фонд микрофильмов. Dosarul Italia.

⁷³ Там же.

гитлеровцев как можно скорее решить ряд политических и военно-стратегических задач, связанных с подготовкой войны против СССР, вот что, как показывают факты, побуждало Гитлера торопиться с проведением венского «арбитража».

Предоставление гитлеровской Германией «гарантий» Румынии, антисоветская направленность которых не составляла ни для кого секрета, их принятие со стороны румынского правительства, которое давно добивалось этих «гарантий», свидетельствовали о том, что румынские правящие круги, пренебрегая интересами страны, вступили в антисоветский сговор с III рейхом. Притом этот шаг был совершен в тот момент, когда Советское правительство предпринимало шаги к установлению добрососедских отношений с Румынией. Как известно, посланником Румынии в Москве был в это время Г. Гафенку, который, как отмечалось выше, покинул пост министра иностранных дел в мае 1940 г., когда румынские правящие круги приняли решение о полном подчинении страны гитлеровской Германии. Назначение Гафенку на дипломатическую работу в момент, когда переход Румынии на сторону фашистской оси был уже совершившимся фактом, свидетельствовало о том, что он одобрял внешнюю политику правительства Джигурту⁷⁴. Несмотря на враждебность к Советскому Союзу, Гафенку в своей книге мемуаров вынужден отметить: «При первом же визите, который был нанесен мной г. Молотову 15 августа 1940 года, в самой категорической форме меня заверили, что у Советского Союза нет больше никаких претензий к румынам и что он желает развивать с Румынией

⁷⁴ Назначение Гафенку посланником в СССР было встречено с настороженностью и даже враждебностью «Железной гвардией» в Румынии и национал-социалистской партией в Германии. Во время пребывания румынского премьер-министра Джигурту в Германии в июле 1940 г. гитлеровские главари заявили, что назначение Гафенку в Москву не произвело на них хорошего впечатления, так как у Гафенку очень дружеские отношения с британским послом в СССР С. Криппсом. «По мнению немцев,— докладывал начальник кабинета Джигурту,— отправка Гафенку в Москву должна показать русским, что Румыния не намерена серьезно сблизиться со странами оси» (АМАЕ, fond Conferința dela Paris, dosar N 228). Гафенку сделал все возможное, чтобы рассеять подозрения в нелояльности. К тому же у него были также прекрасные отношения с гитлеровским послом — графом В. Шуленбургом.

мирные и добрососедские отношения»⁷⁵. Возвращаясь к этой мысли в последних разделах своей книги, Гафенку пишет: «Усердие, с которым советские власти просили создать смешанную комиссию для обозначения окончательной линии новой границы»⁷⁶, а также надежды, которые эти власти выражали в отношении возможности завязать скоро переговоры экономического характера, кажется, подтверждали эти хорошие намерения»⁷⁷. В первом своем отчете из Москвы, датированном 19 августа, Гафенку указывал, что и Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин выразил подобные же взгляды. Но здесь же Гафенку, жонглируя избитым тезисом о «советской угрозе», писал о необходимости держать курс на Германию, в дружбе с которой он видел замену обанкротившегося антисоветского союза буржуазно-помещичьей Румынии с панской Польшей⁷⁸. Он считал, что Румыния «может опираться только на новый европейский порядок, когда этот порядок будет установлен. До того времени мы (Румыния.— Б. К., И. Л.) должны выиграть время» (выделено в тексте.— Б. К., И. Л.)⁷⁹. Из этих откровенных высказываний Гафенку, о которых он не упоминает в своей книге, видно, что этот дипломат одобрял ориентацию румынских правящих кругов на тесный союз с гитлеровской Германией⁸⁰. Не удивительно поэтому, что И. Антонеску оставил Гафенку на посту в Москве и защищал его против нападков со стороны железногвардейцев⁸¹.

⁷⁵ G. Gafenco. Op. cit., p. 62.

⁷⁶ Желая ликвидировать всякие пограничные недоразумения, 17 августа 1940 г. НКВД СССР вручил румынской миссии в Москве памятную записку, в которой предлагалось создать смешанную советско-румынскую комиссию в составе трех представителей от каждой стороны для демаркации границы. (АВП СССР, ф. 125, оп. 23, п. 17, д. 1, л. 71).

⁷⁷ G. Gafenco. Op. cit., p. 350.

⁷⁸ AMAE, fond URSS, Dosar special.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Это не мешало ему строить из себя сторонника хороших отношений между Румынией и СССР. В своем письме от 30 августа 1940 г., направленном в НКВД СССР, он лицемерно писал: «Я искренне сожалел бы о возобновлении пограничных инцидентов, потому что никто более меня не желает быстрее восстановления нормальных и добрососедских отношений между обеими странами» (АВП СССР, ф. 125, оп. 25, д. 4, п. 18, л. 33).

⁸¹ Поскольку в своей книге, как и вообще в своих послевоенных вы-

В конфиденциальном докладе в Бухарест от 9 сентября 1940 г. Гафенку писал, что, как заявил ему итальянский посол в Москве, Советский Союз ничего не знал о готовящемся венском «арбитраже» и был поставлен перед совершившимся фактом. Немецкий посол также сказал Гафенку, что он сообщил Советскому правительству лишь 31 августа 1940 г. о венском «арбитраже» и о предоставлении Германией и Италией «гарантии» Румынии⁸². Хотя Гафенку таким образом подтвердил полную непричастность Советского Союза к венскому «арбитражу», он спешил одобрить получение Румынией итало-германских «гарантий»⁸³.

ступлениях, Г. Гафенку пытался выдавать себя за сторонника демократии, небезытересно сообщить, что 30 октября 1940 г. он послал личное письмо Антонеску, которое начиналось словами: «Уважаемый и любимый господин генерал!» В письме говорилось: «Из того, что я знал раньше, а также из Вашего столь точного письма я, как полагаю, понял Вашу внешнюю политику. Желаю Вам *полной победы внутри страны и за ее пределами* (выделено в тексте.— Б. К., И. Л.) и прошу Вас верить в мою совершенную лояльность и в мою преданность. Здравия желаю, господин генерал!» (Arhivele Statului București, pachet 79, dosar 2, scrisoarea lui G. Gafencu din 30 octombrie 1940).

⁸² *Philipp W. Fabry*. Balkan—Wirren, 1940—1941. Darmstadt, 1966, S. 182. Доклад Гафенку напечатан в качестве приложения к книге Фабри, который нашел его в архиве бывшего гитлеровского МИДа. Посланник Германии в Бухаресте переслал его в Берлин 14 сентября 1940 г. со следующим сопроводительным письмом: «Я получил от одного агента приложенный доклад румынского посланника в Москве Гафенку министру иностранных дел Маноилеску. Он дает интересное представление о впечатлениях г-на Гафенку и освещает его позицию по затронутым вопросам. Я считаю доклад заслуживающим внимания и для оценки Гафенку» (ibidem, S. 180). Любопытно, что гитлеровская миссия имела в МИДе Румынии свою агентуру, которая успела к 14 сентября передать копию доклада, написанного Гафенку в Москве 9 сентября.

⁸³ Ibidem, S. 183. В своей книге Гафенку вынужден признать, что никаких намерений наступать на Румынию у Советского Союза не было (*G. Gafenco*. Op. cit., p. 71). В беседе с американским послом в Москве Штейнгардом Гафенку заявил ему о своей убежденности, что Германия принимала все решения в отношении Румынии без всякой консультации с Советским Союзом. («Foreign relations of the United States», 1940, vol. I. Washington, 1959, p. 517). Таким образом, Гафенку был убежден, что Советский Союз никакого отношения к венскому «арбитражу» не имел. О том, что правительство СССР было поставлено в известность Германией о венских решениях только после их подписания, явствует также из опубликованных документов германского МИДа (см.: DGFP, series D, vol. X, doc. 415, p. 588—590). Американский дипломат

Между тем провокации румынской военщины на границе с СССР не прекращались, несмотря на то что в ответной ноте правительства Румынии от 26 августа на советскую ноту от 10 августа указывалось, что румынским пограничникам даны повторные указания «избегать всяких инцидентов, могущих нарушить добрососедские отношения между странами»⁸⁴. В связи с этим Советское правительство было вынуждено 12 сентября 1940 г. заявить новый протест румынскому правительству и потребовать от него прекращения провокационных действий.

Спустя два дня на страницах советской печати появилось заявление ТАСС, в котором опровергались вымыслы румынской фашистской газеты «Буна вестире» и гитлеровской газеты «Националь цайтунг» о том, что якобы в дни венского «арбитража» Гафенку выдвинул предложение о создании советского протектората над Румынией, после чего «положение румынской делегации в Вене стало невыносимым». «Распространение такого рода слухов,— говорилось в сообщении ТАСС,— направлено, как видно, на создание состояния тревоги в Румынии и их следует объяснить теми же провокационными целями, которыми диктуются повторяющиеся в последнее время с румынской стороны инциденты на советско-румынской границе, вызвавшие, как известно, протест со стороны Советского правительства»⁸⁵.

Попытки Советского правительства нормализовать отношения с королевской Румынией не увенчались успехом. Правящие классы Румынии стали на путь превращения страны в сателлита гитлеровской Германии.

Дж. Кеннан, имея в виду СССР и Германию, писал 17 октября 1940 г. из Берлина, что в отношении Румынии «не было никакого проявления сотрудничества и доверия между обоими государствами» (*G. F. Kennan. Memoirs 1925—1950. Boston, 1967, p. 132*).

⁸⁴ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 523

⁸⁵ Там же.

ГЛАВА VI

СОЗДАНИЕ АНТИСОВЕТСКОГО ПЛАЦДАРМА ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ РУМЫНИИ

Приход к власти И. Антонеску и «Железной гвардии» ознаменовал завершение процесса превращения Румынии в сателлита гитлеровской Германии. Объявленный главой румынского государства (кондукэтором), в первый же день своего правления Антонеску поспешил передать через Фабрициуса о «желании тесного сотрудничества с Германией», о согласии на присылку военной миссии, о готовности выполнить решения венского «арбитража» и увеличить поставки Германии необходимых товаров. «Его наиболее страстным желанием, как только здесь все дела будут улажены, — отмечает в своем донесении Фабрициус, — является визит к фюреру для обсуждения ориентации своей политики». Посланник Гитлера в Бухаресте не без основания заключал, что в лице Антонеску Германия имеет «человека во главе румынского правительства, который полон решимости выполнять здесь важнейшие наши требования»¹.

С момента прихода к власти И. Антонеску лелеял мечту о войне против СССР. Выступая 7 сентября 1940 г. перед членами правительства Джигурту, которые оставались на своих постах до образования нового правительства, Антонеску заявил, что, возможно, румынское государство будет очень скоро призвано участвовать в военной акции против Советского Союза². Как указано в

¹ DGFP, series D, vol. XI. Washington, 1961, doc. 19, p. 24—25.

² Arhiva Consiliului de miniştri. Fond stenogramele Consiliului de miniştri, Stenograma şedinţei Consiliului de miniştri din 7 septembrie 1940, p. 8. Это сообщение Антонеску основывалось, по-видимому, и на заявлении, сделанном гитлеровским разведчиком полковником А. Генштенбергом мэру Бухареста генералу В. Домбровскому 30 августа 1940 г.: «Между нами (Германией.—Б. К., И. Л.) и русскими должен произойти разрыв»

одном из меморандумов германского МИДа, Антонеску «проповедовал войну против России с беспрецедентным постоянством»³. Сам Антонеску на процессе главных румынских военных преступников в Бухаресте не отрицал, что с самого начала намеревался воевать против СССР⁴.

Во имя приближения часа антисоветской войны он не упускал малейшей возможности для нагнетания атмосферы между державами оси и СССР. Возглавляемое им правительство активно поддержало антисоветскую затею гитлеровской дипломатии, связанную с изменением существующего международного правового режима Дуная. Совещание по этому вопросу, как известно, было созвано по инициативе Германии в начале сентября в Вене. При этом гитлеровцы пригласили на совещание экспертов всех придунайских государств, а также фашистской Италии — своего основного союзника по оси. Только одно придунайское государство было «забыто» — СССР. Расчет был прост. Во всех этих государствах у власти находились правительства, которые в той или иной мере были зависимы от фашистской Германии и поэтому были готовы согласиться с любыми ее предложениями. Таким образом, гитлеровцы надеялись отстранить СССР от участия в решении вопросов международного режима Дуная и добиться фактически единоличного распоряжения условиями перевозок по этой реке. Отсутствие СССР на совещании должно было, по замыслу инициаторов, подчеркнуть временный характер пребывания нашей страны на берегах Дуная, «незаконность» акта воссоединения Бессарабии с Советской Родиной.

Собравшиеся в Вене эксперты приняли решение образовать Совет речного Дуная (от Братиславы до Браилы) в составе Германии, Италии, Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Словакии, а также Комитет «Железных ворот», в который входили представители Германии, Румынии и Югославии⁵. В то же время было решено не вносить изменений в режим Европейской Дунайской Комиссии, которая управляла так называемым

(АМАЕ, d. 71/1939, vol. II, Intrevederea dintre generalul V. Dombrovski și colonelul Gerstenberg la 30 august 1940).

³ DGFP, series D, vol. XIII. Washington, 1964, doc. 513, p. 871.

⁴ «Procesul mării trădări naționale». București, 1946, p. 49.

⁵ См. «Curentul», 22.IX 1940.

морским Дунаем (от устья до Браилы). Это решение было выгодно гитлеровской Германии, так как в состав этой комиссии входили Франция, Великобритания, Румыния, Германия и Италия. После капитуляции перед Германией Франция перестала фактически участвовать в работе комиссии, а представитель Великобритании также не допускался к ее работе. В итоге и в этой части Дуная гитлеровцы получали полную свободу действий.

Решение не менять режим и состав Европейской Дунайской Комиссии наносило ущерб интересам Советского Союза. В связи с этим еще до окончания работ совещания экспертов в Вене (они закончились 12 сентября 1940 г.) Советское правительство заявило германскому послу в Москве 10 сентября 1940 г., что «Советский Союз, будучи придунайским государством, не может относиться безразлично к режиму судоходства на Дунае и не может не участвовать в решении вопросов, касающихся Дуная»⁶. Сообщение о предпринятом Советским правительством дипломатическом демарше было опубликовано в советской печати и стало достоянием мировой общественности.

Правящие румынские круги решили сразу же воспользоваться сообщением Советского правительства для разжигания военного психоза и обострения германско-советских отношений. 13 сентября Антонеску пригласил к себе Фабрициуса и итальянского посланника Гиджи. Перечислив им еще ряд «фактов» (среди них, естественно, не отсутствовала и ссылка на якобы имеющую место концентрацию советских войск вдоль румынской границы), которые, по его мнению, являются «прелюдией нарушения мира в Восточной Европе», Антонеску под этим видом решил потребовать от своих «гарантов» защиты нефтяных районов от «возможных воздушных атак»⁷. Иными словами, Антонеску усиленно добивался присылки гитлеровских войск в Румынию. Он резонно считал, что присутствие немецких войск вызовет отрицательную реакцию Москвы и приведет к ухудшению отношений

⁶ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 526.

⁷ ИДА, фонд микрофильмов (Dosarul Italia. Notă asupra convorbirei avute în ziua de 13 sept. 1940 de d-l general Antonescu Conducătorul statului și Președintele Consiliului de miniștri cu D-nii Fabricius și Chigi, miniștrii Germaniei și Italiei la Ministerul Afacerilor străine. Redactarea făcută de dl. Manoilescu...).

между СССР и Германией. Присутствие германских войск он рассматривал и как внутреннюю опору своей личной власти.

Долго упрашивать гитлеровцев не приходилось. В разгар подготовки плана войны против СССР Германия сама стремилась как можно быстрее осуществить оккупацию Румынии в целях превращения ее в военный плацдарм для нападения на Советский Союз, а также для осуществления своей агрессивной балканской и ближневосточной политики⁸.

15 сентября в Бухарест прибыл 4-й обер-квартирмейстер генштаба сухопутных сил вермахта генерал К. Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в Румынии. В течение трех дней он договаривался с Антонеску, возглавившим сформированное за день до приезда немецкого генерала новое правительство, в котором ключевые места заняли руководители террористической организации «Железная гвардия». Правительство объявило о превращении Румынии в национал-легионерское государство. Ссылаясь, как обычно, на «русскую угрозу», Антонеску настаивал на быстрейшей отправке в Румынию моторизованных и военно-воздушных сил, а также военного снаряжения для оснащения румынской армии. Он выдвинул также идею о заключении германо-румынского военного союза, что, по его мнению, послужило бы основанием для направления германских войск «в неограниченном количестве». На это последнее предложение Типпельскирх, как это явствует из его отчета, ответил, что он «не уполномочен рассматривать эти вопросы»⁹.

По возвращении в Берлин немецкий генерал доложил о результатах своей поездки в различных инстанциях германского вермахта. По поводу миссии Типпельскирха начальник генштаба сухопутных войск фашистской Германии Ф. Гальдер записал 18 сентября 1940 г. в своем дневнике: «Разговор по телефону с Типпельскирхом, который вернулся из Румынии. Типпельскирх привез письменное предложение Антонеску, в котором предла-

⁸ Об этом подробно см.: И. Н. Чемпалов. Гитлеровская агрессия на Балканах осенью 1940 г. (сентябрь-октябрь). «Международные отношения в новейшее время. Сборник статей», ч. II. Свердловск, 1966, стр. 79.

⁹ DGFP, series D, vol. XI, doc. 75, p. 126—128.

гает перебросить в Румынию необходимое количество немецких войск для помощи румынской армии в ее боевой подготовке и реорганизации. Он просит, если возможно, впоследствии предоставить материальную часть этих немецких войск в распоряжение румынской армии... В целях реорганизации и вооружения румынской армии на основе боевого опыта германской армии будет создана военная миссия с несколькими экспертами. Эта миссия будет работать во взаимодействии с [румынским] генеральным штабом». После перечисления примерного состава первого эшелона немецких войск, предназначенного для отправки через три недели в Румынию, и указания места их дислокации, запись заканчивается весьма примечательной фразой, не оставляющей никаких сомнений относительно предназначения этих «инструкторов»: «Вопрос о взаимодействии в случае войны также должен быть согласован совместно»¹⁰. Через день Гальдер вновь записал: «Во второй половине дня прибыл фон Типпельскирх и доложил о положении в Румынии. По всей вероятности, состав частей, отправляемых в Румынию, будет соответствовать нашему предложению. Антонеску теперь принимает меры к усилению обороны в пограничных с Россией областях. Фюрер также склоняется к тому, чтобы направить наши «учебные» части (кавычки поставлены Гальдером.— Б. К., И. Л.) в пограничные области, ограничившись созданием в районе нефтепромыслов лишь системы ПВО. Окончательное решение — в директиве ОКВ. Штаб должен быть организован таким образом, чтобы он мог заняться разработкой оперативных проблем»¹¹.

Директиву пришлось ждать недолго. В тот же день на основе указаний Гитлера главный штаб верховного главнокомандующего (ОКВ) за подписью Кейтеля составил доклад-директиву о задачах германской военной миссии в Румынии. Этот документ, основное содержание которого по понятным причинам предлагалось дер-

¹⁰ Генерал-полковник Ф. Гальдер. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг., т. 2. М., 1969, стр. 149. Некоторые подробности о миссии Типпельскирха на основе румынских документов см. в кн.: А. А. Шевяков. Указ. соч., стр. 101—102.

¹¹ Ф. Гальдер. Указ. соч., стр. 151—152.

жать в строжайшем секрете не только от румынских, но и немецких войск, не оставлял никаких сомнений относительно истинной цели немецкой «миссии» в Румынии, ее антисоветской направленности. Она полностью совпала с целями, преследуемыми румынскими правящими кругами. В директиве также указывалось, что реорганизация и обучение румынской армии, под единственным предлогом которого и была якобы направлена военная миссия в Бухарест, должны осуществляться с таким расчетом, чтобы «сделать румынские вооруженные силы способными выполнять определенные задачи в соответствии с планом, разработанным в защиту германских интересов», что означало, как явствует из следующего пункта директивы, подготовить их для совместного выступления с немецкой армией в случае войны с Советским Союзом. Военно-воздушным силам миссии вменялось в обязанность подготовить румынскую авиацию для «совместных операций»¹².

Таким образом, уже в сентябре, как, кстати, отмечал на Нюрнбергском процессе и фельдмаршал Ф. Паулюс, «предусматривалось использование румынской территории в качестве плацдарма для наступления правой, т. е. южной группировки германских войск»¹³.

Пока гитлеровские заправилы инструктировали своих генералов относительно истинных и мнимых задач «миссии», фашистские правители Румынии подготавливали аргументы для оправдания своих новых действий, объективно ведущих к утрате независимости страны.

18 сентября 1940 г. Антонеску дал указание департаменту пропаганды «начать кампанию для подготовки мирового общественного мнения в отношении русских стремлений»¹⁴, под ширмой которой он готовил акт

¹² DGFP, vol. XI, doc. 84, p. 144—146.

¹³ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах» (далее — «Нюрнбергский процесс»), т. II. М., 1966, стр. 603.

¹⁴ Эта идея возникла у Антонеску после чтения телеграммы Гафенку, который сообщал о появлении в газете «Красный флот» статьи, утверждающей, что «империалистическая борьба на Балканах продолжается». Румынский дипломат видел в ней проявление интереса СССР к развитию событий на юго-востоке Европы (АМАЕ, fond 71/1939, Telegrama N 2322 din Moscova de la 18 septembrie 1940). Гафенку имел в виду статью «Балканские страны и война в Европе», опубликованную в «Красном флоте» 15 сентября 1940 г.

национального предательства. Провокационный характер этой кампании становится еще более очевидным, если иметь в виду, что 21 сентября 1940 г. Г. Гафенку в конфиденциальном докладе в МИДе Румынии еще раз подтвердил, что «ни до венского диктата, ни во время переговоров в Вене русские не готовили нападения на нас [румын] или оккупацию Румынии. Сообщения о подобных русских намерениях, так же, как и слухи о скоплении советских войск на наших [румынских] границах, были, между прочим, опровергнуты в сообщениях и газетных статьях, так же, как и в заявлениях, сделанных мне зам. наркома иностранных дел и графом Шуленбургом»¹⁵. Гафенку сообщал, что венский «арбитраж» сравнивают в Москве с «мюнхенским сговором» и добавлял, что он вызвал «недовольство как формой, использованной [для его проведения], так и содержанием принятых решений»¹⁶.

В своем докладе румынский дипломат признавал, что сообщение Наркоминдела от 13 сентября 1940 г. по дунайским проблемам явилось «ловким шахматным ходом против немецкой политики»¹⁷. Вместе с тем, поддерживая антисоветский курс своего правительства, Гафенку выражал беспокойство, что Германия «может уступить требованиям СССР»¹⁸.

Предвидя недовольство масс приходом в страну гитлеровских войск, правительство Антонеску и румынская фашистская пресса заблаговременно стали готовить общественное мнение к этому акту. «Война еще не закончена,— писал П. Шейкару.— С сегодняшние наши союзники — державы оси будут нас оценивать в меру того, как мы покажем наш политический потенциал и военную ценность, ибо ни один союзник не пожелает принести

¹⁵ АМАЕ, fond URSS, dosar special, doc. N 2384, f. 2.

¹⁶ Ibidem. Интересно отметить, что примерно в то же время, 17 сентября 1940 г., Риббентроп заявил Муссолини и Чиано, что «Венский арбитраж, гарантии, предоставленные Румынии, создание Дунайской комиссии являются событиями, которые не нравятся русским» («L'Europa verso la catastrofe, ed. Mondadori, 1948, p. 587—588).

¹⁷ АМАЕ, fond URSS, dosar special, doc. 2384, f. 5.

¹⁸ Гафенку не знал, что еще 16 сентября 1940 г. Гальдер записал в свой дневник: «Требование России об участии в Дунайской комиссии отклонено. Россия может участвовать лишь в Комиссии по режиму в устье Дуная» (Ф. Гальдер. Указ. соч., стр. 143).

жертвы и поддерживать союзные отношения с государством слабым, не представляющим реальной мощи»¹⁹. Спустя несколько дней, 29 сентября, все румынские газеты поместили интервью И. Антонеску корреспонденту итальянской газеты «Стампа». Еще раз подтвердив свою решимость «идти вместе с осью», румынский фюрер сказал: «Среди больших проблем находится *проблема румынских границ и реорганизации румынской армии* (курсив наш. — Б. К., И. Л.). При проведении технической реорганизации в случае необходимости будут привлечены к реорганизации итальянские и германские военные техники»²⁰. Намекнув, таким образом, о предстоящем появлении в Румынии немецких и итальянских инструкторов, Антонеску довольно ясно дал понять, во имя чего он добивается реорганизации своей армии.

Коммунистическая партия Румынии через подпольную печать разоблачала антинациональную политику правящей фашистской клики. Еще 10 сентября 1940 г., т. е. спустя несколько дней после установления военно-легионерской диктатуры, в специально выпущенной брошюре «Наша точка зрения», Коммунистическая партия, заклеив предательство реакционных правителей страны, согласившихся с венским диктатом, на основе глубокого анализа событий раскрыла смысл маневров румынских помещиков и буржуазии. «Империалистические власти во главе с военно-легионерской диктатурой, — писали коммунисты, — готовят оккупацию Румынии немецкой армией... Помещичье-капиталистическую Румынию готовят к тому, чтобы она служила аванпостом для предстоящих антисоветских военных провокаций»²¹. Предсказания компартии полностью подтвердились.

¹⁹ «Curentul», 26.IX 1940.

²⁰ По поводу этого заявления 2 октября 1940 г. «Курентул» восторженно писал: «Если не запоздает техническая помощь немцев в освоении авиации, танков и военного опыта современной войны, то через несколько месяцев мы сможем иметь самую могучую на юго-востоке армию и стать значительным участником оси». Чем вызвана такая поспешность в реорганизации армии, газета разъяснила спустя 10 дней, в связи с прибытием первых отрядов немецкой военной «миссии»: «Весной 1941 года мы должны быть другими и должны начать исправлять превратности судьбы».

²¹ «Documente din Istoria Partidului Comunist din România», ed. II, 1953, p. 331.

Во второй декаде октября в Румынию под видом военной миссии прибыли моторизованные и бронетанковые войска под командованием генерала Э. Ганзена и немецкие военно-воздушные части под командованием генерала В. Шпейделя, составлявшие костяк группы войск, которая должна была участвовать в войне на Балканах и против СССР. Гитлеровские «инструкторы», число которых составляло около 25 тыс., заняли наиболее важные стратегические пункты страны, в том числе нефтеносный район вокруг г. Плоешти. Как впоследствии отмечал Паулюс, «для всех тех, кто был посвящен в эти планы (т. е. в планы подготовки войны против СССР. — Б. К., И. Л.), было ясно, что это мероприятие (посылка военной миссии. — Б. К., И. Л.) могло служить только для того, чтобы привести в состояние готовности будущих военных партнеров»²².

Любопытен факт, что в официальном правительственном коммюнике о прибытии в Бухарест первого эшелона немецких войск Антонеску решил отметить, что не он, а предыдущее правительство попросило содействия Германии «в оснащении армии и обучении ее новым методам и способам войны», а он «лишь освоил эту превосходную идею». В этом антинациональном акте «кондуктор», очевидно, не очень добивался сохранить за собой пальму первенства. Далее в сообщении лицемерно заявлялось, что на всем пути следования через Трансильванию «население устроило восторженную встречу славным представителям немецкой армии»²³.

Гитлеровцы стремились, чтобы ввод их войск в Румынию, являвшийся враждебным по отношению к Советскому Союзу актом и явным нарушением советско-германского договора о ненападении, прошел как можно более незамеченным. Чтобы как-то замаскировать истинные цели вступления немецких войск в Румынию, за несколько дней до отправки «миссии» немецкому послу в Москве Шу-

²² «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 603.

²³ «Timpu», 14.X 1940. В действительности же вступление немецких войск вызвало глубокую тревогу среди широких масс румынского народа. Стремясь успокоить общественность, 17 октября некоторые румынские газеты в своих комментариях на прибытие немецких войск писали, что состав их «ничуть не превышает строго необходимое количество инструкторов» («Sirentul»), что, как только их миссия будет выполнена, «они полностью покинут страну» («Timpu»).

ленбургу было предложено найти повод навестить Молотова и как бы между прочим, сообщив о намерениях германского правительства, сказать, что посылка военной миссии вызвана заинтересованностью Германии в защите румынского нефтеносного района от попыток нападения со стороны Англии, в связи с чем она и согласилась с просьбой Румынии об оказании ей помощи в обучении своей армии²⁴. В целях камуфляжа своих агрессивных планов на Востоке об этой фальшивой версии были уведомлены специальным циркуляром Риббентропа посольства Германии в целом ряде стран. Гитлеровским дипломатам предписывалось всячески опровергать антисоветскую направленность новой гитлеровской акции в Румынии²⁵, а немецким войскам, посланным в Румынию, не давать повод, как отмечалось в другой директиве Гитлера, для разговоров о военной оккупации Румынии. Далее в этой директиве указывалось, что командующие немецкими сухопутными и военно-воздушными силами в этой стране будут именоваться «Командующие сухопутной армии и военно-воздушных сил Германии и Румынии»²⁶.

В целях обмана общественного мнения через прессу оккупированных ими стран гитлеровцы распространяли даже слухи о том, что якобы СССР был информирован о целях и количестве войск, направленных в Румынию. 16 октября Советское правительство опровергло это провокационное сообщение датской газеты «Политикен» и тем самым раскрыло антисоветский характер ввода гитлеровских войск в Румынию²⁷.

В своем стремлении укреплять сотрудничество с «вершителями судеб Европы» фашистские правители Румынии не ограничивались приглашением германских «инструкторов». В середине октября, в связи с венгеро-румынскими осложнениями в Трансильвании, в Берлин был направлен Валер Поп, доверенное лицо Антонеску, сыгравший большую роль в приходе последнего к власти. Во время беседы с Риббентропом 14 октября 1940 г. Поп выразил удовлетворение по поводу прибытия в его страну немецких войск, многозначительно отметив, что этим

²⁴ DGFP, vol. XI, doc. 166, p. 276.

²⁵ Ibidem, doc., 169, p. 279.

²⁶ Ibidem, doc. 171, p. 281.

²⁷ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 530.

самым «появилось благоприятное предзнаменование для сотрудничества между Румынией и Германией»²⁸. Валер Поп, как указано в немецкой записи этой беседы, заверил германского министра, что «румынское правительство в любом случае будет сотрудничать с осью во всех областях»²⁹. Он подчеркнул, что, несмотря на этническое родство румынского и итальянского народов, Румыния отдает предпочтение Германии, ибо Италия «...не может предложить румынскому народу то, в чем она сама очень нуждается, а именно... прусского духа»³⁰. Далее Поп еще раз подтвердил, что Румыния желает сотрудничать с Германией «в *военной* (курсив наш.— Б. К., И. Л.), политической и экономической сферах». Он объявил, что румынские правители собираются обратиться к Германии за получением помощи кадрами экономических и финансовых советников, а также специалистов по строительству железных дорог³¹. Риббентроп не преминул воспользоваться усердием румынских правителей. Он, естественно, обещал «изучить» этот вопрос, а спустя несколько дней Фабрициус снисходительно сообщил Антонеску, что «Румыния может рассчитывать на положительное отношение и помощь Германии в реорганизационной программе» и что требуемые эксперты скоро будут направлены. Не стесняясь, Фабрициус сам определил, в каких «специалистах» нуждается Румыния, а именно: по вопросам внешней торговли, контроля цен, увеличения сельскохозяйственной продукции и, естественно, «аризации». Фабрициус недвусмысленно дал понять, что в Румынию будут посланы германские контролеры в тех областях финансово-экономической жизни, в которых больше всего заинтересована Германия. Антонеску согласился с этой «программой»³².

16 октября министр иностранных дел Румынии М. Стурдза сообщил В. Попу, что румынское правительство приняло решение о немедленном присоединении к германо-итальянскому пакту от 27 сентября 1940 г. и просил его выполнить безотлагательно все формальности,

²⁸ DGFP, series D, vol. XI, doc. 179, p. 305.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem., p. 305, 307.

³² Ibidem, doc. 193, p. 325.

связанные с этим присоединением³³. В телеграмме не скрывалось желание румынских фашистов опередить хортистскую Венгрию при подписании этого договора³⁴. Однако гитлеровцы отказались удовлетворить эту просьбу румын.

Одновременно правители фашистской Румынии предпринимали шаги для дальнейшего обострения отношений держав оси с Советским Союзом. В телеграмме из Москвы Гафенку требовал, чтобы бухарестское правительство добивалось при активном вмешательстве немцев отклонения советских требований участвовать в решении вопросов, касающихся Дуная³⁵. Министр иностранных дел Стурдза обратился к Попу с настоятельной просьбой склонить гитлеровское правительство к открытому выступлению против точки зрения Советского Союза по вопросам Дуная³⁶. Гитлеровцы, конечно, не нуждались в напоминании румынских фашистов, чтобы занять враждебную Советскому Союзу позицию. В это время на полном ходу шла разработка «плана Барбаросса». Однако пока подготовка к нападению на СССР не была закончена, пока не были реализованы и другие агрессивные планы, гитлеровские главари избегали афишировать антисоветскую направленность своей политики.

Делая основную ставку на гитлеровскую Германию, новые правители буржуазно-помещичьей Румынии решили не пренебрегать и младшим партнером оси — фашистской Италией. В то время как В. Поп вел переговоры в Берлине, другое доверенное лицо кондукэтора — М. Маноилеску — находился со специальной миссией в Риме, где встречался с Муссолини и Чиано. Главным предметом разговора были румыно-венгерские отношения. Играя на итало-германских противоречиях в сфере Балкан³⁷, различными посулами румынские дипломаты

³³ АМАЕ, fond România, 1940, general. Telegrama cifrată N 65617 din 16 octombrie 1940.

³⁴ Стараясь обеспечить себе привилегированное положение среди вассалов Германии, правители Венгрии в свою очередь торопились опередить Румынию в присоединении к Тройственному пакту (см. «Венгрия и вторая мировая война», стр. 218).

³⁵ АМАЕ, fond România, 1940, general. Telegrama descifrată de la legațiunea din Moscova N 2579, din 14 octombrie 1940.

³⁶ Ibidem. Telegrama cifrată N 66142 din 17 octombrie 1940.

³⁷ Итальянские фашисты с явным неудовольствием следили за про-

старались добиться благосклонности итальянских руководителей в румыно-венгерском конфликте. В свою очередь правители Италии, подогревая реваншистские аппетиты своих румынских коллег и обещая им поддержку в территориальных вопросах, стремились заполучить от них различные экономические льготы, в первую очередь увеличение поставок нефти, в которой Италия особенно нуждалась в связи с предстоящей агрессией против Греции. Помимо всего прочего, когда речь шла об отношениях между Венгрией и Румынией, заправила государств оси, завязывая переговоры с одной из сторон, как правило, использовали их для шантажа другой. Визит Маноилеску, в частности, послужил итальянским политикам для очередного нажима на Венгрию, которая все больше стала ориентироваться на Германию в ущерб прежней дружбы с Италией. «Дуче позволил мне косвенно критиковать венский арбитраж, сравнивая сегодняшнюю Венгрию с Чехословакией», — указывает в своем отчете о беседе с итальянскими руководителями Маноилеску³⁸.

движением своих германских союзников в сторону Балкан, которые, по их мнению, были сферой интересов Италии. Это проявилось и в связи со вступлением немецких войск в Румынию, о чем свидетельствует письмо гитлеровского посла в Риме Г. Макензена на имя статс-секретаря германского МИДа Э. Вейцекера. Во имя «высших интересов» оси Макензен предлагал пойти навстречу пожеланиям Чиано о посылке в Румынию и итальянских частей, тем более что германская оккупация, как он считал, является «временной» (DGFP, vol. XI, doc. 192, p. 324). Любопытно отметить, что Вейцекер подчеркнул слово «временной» и поставил рядом вопросительный знак (см. сноску № 5 этого документа). Этот ближайший сотрудник Риббентропа, хорошо осведомленный о планах гитлеровских заправил, не без основания сомневался во временном характере германской оккупации Румынии.

³⁸ Во время этой же беседы Муссолини, как явствует из отчета Маноилеску, лицемерно заявил: «Сегодня отношения Италии с Венгрией вступают в новую фазу, ибо с этого дня я хочу проводить политику «в пользу Румынии», и эта политика «в пользу Румынии» продиктована политическими соображениями и чувствами, ибо речь идет о романском народе». Во время этой встречи Муссолини официально пригласил Антонеску посетить Рим и обещал устроить ему «красивый прием» (ИДА, фонд микрофильмов. *Dosar Italia. Raport către d-l general Antonescu referitor la misiunea pe care am avut-o la Roma între 13—21 octombrie 1940*). Вслед за этим состоялось явно инспирированное интервью Маноилеску газете «Пополо д'Италия». «В положении, в котором находится Румыния со своими уменьшенными территориями, — сказал он, — я считаю, что после того, как я

Чиано не только выслушал обиды и критику в адрес «арбитража». С явной целью посеять недоверие к немцам и привязать румынскую политику к Италии, Чиано отверг версию о том, якобы итальянский проект раздела Трансильвании был самым неблагоприятным для Румынии. Здесь же он заявил, что «...при первом же случае Румыния получит от него (т. е. Чиано.— Б. К., И. Л.) конкретное удовлетворение». Сами по себе эти обещания, высказанные в самой общей форме, ничего, конечно, не стоили. Важно то, какой вывод для себя сделали из слов итальянского министра Маноилеску и присутствовавший при беседе посланник Румынии в Италии Босси. С самого начала скажем, что слова Чиано не были расценены как намек на пересмотр венского диктата, хотя именно об этом шла речь. Румынские дипломаты понимали, что по крайней мере в ближайшее время это неосуществимо. Разъясняя, как нужно понимать приведенное заявление итальянского министра, Маноилеску в своем отчете указывает: «...намек, сделанный Чиано относительно действий, в ходе которых можно было бы удовлетворить Румынию, касается, по нашему и Босси мнению, *будущих приобретений Румынии за счет России и частично даже за счет Югославии*»³⁹ (курсив наш.— Б. К., И. Л.). Этот вывод румынских дипломатов примечателен в том отношении, что он указывает, в каком направлении были нацелены в тот момент захватнические устремления правящей клики страны.

В этой обстановке продолжались переговоры по проблемам Дуная. Формально гитлеровские представители согласились на ведение переговоров по урегулированию дунайских проблем с участием СССР, надеясь в ходе их похоронить советские предложения. В опубликованном коммюнике говорилось, что было признано необходимым ликвидировать как Международную Дунайскую Комиссию, так и Европейскую Дунайскую Комиссию и вместо них образовать Единую Дунайскую Комиссию из пред-

встретился с дуче, мы можем найти хорошо обоснованные мотивы для утешения, уверенности и надежд». Эта декларация, которая 25 октября появилась и в румынской прессе, была явно рассчитана на то, чтобы внести смятение в правительственных кругах Венгрии.

³⁹ ИДА, фонд микрофильмов (Dosar Italia. Raport către d-l general Antonescu referitor la misiunea pe care am avut-o la Roma între 13—21 octombrie 1940).

ставителей всех придунайских стран и Италии. Кроме того, в коммюнике указывалось, что 28 октября 1940 г. в Бухаресте начнутся переговоры между экспертами СССР, Германии, Румынии и Италии по урегулированию временного международного режима на морском Дунае (от его устья до Браилы) ⁴⁰. Коммюнике свидетельствовало о победе советской точки зрения в отношении необходимости создания Единой Дунайской Комиссии, но вместе с тем из него вытекало, что решение дунайского вопроса является делом будущего. Но и эта весьма ограниченная договоренность испугала румынские правящие круги.

«Россия будет повсюду на Дунае, вплоть до Братиславы», — писал Гафенку, узнавший в Москве о достигнутой договоренности до опубликования официального коммюнике. «Новая комиссия, носящая больше технический характер, не будет располагать необходимой компетенцией и престижем, чтобы оказать нам постоянную политическую поддержку в дунайских вопросах против России» ⁴¹, — запугивал он Антонеску и других румынских правителей.

Находившийся все еще в Берлине В. Поп вновь пытался привлечь внимание Риббентропа к «опасности», исходящей от СССР для Румынии, и умолял его о немедленном вмешательстве Германии. Риббентроп заявил в связи с этим Попу, что Германия не может сейчас занять открыто антисоветскую позицию по вопросам Дуная, указывая в то же время, что это не должно быть истолковано как «отсутствие заинтересованности или дружбы, а является результатом оценки общего положения в данное время и общих больших интересов» ⁴².

Начавшиеся в Бухаресте 28 октября 1940 г. переговоры между представителями СССР, Германии, Румынии и Италии по урегулированию временного международно-правового режима на морском Дунае были с самого начала обречены на провал, ввиду явного стремления представителей трех фашистских государств сорвать их.

⁴⁰ «Известия», 26.X 1940.

⁴¹ АМАЕ, fond URSS, dosar special, doc. 2714 din 21 octombrie 1940.

⁴² АМАЕ, fond România, 1940 general. Telegrama cifrată, N 67623 din 26 octombrie 1940.

Как известно, делегация Советского Союза на конференции в Бухаресте, возглавляемая генеральным секретарем НКВД СССР А. А. Соболевым, предлагала, чтобы устье Дуная было под совместным советско-румынским управлением, так как оно находится во владениях этих двух государств. Предложение Советского Союза исходило из необходимости создания совместной администрации на основе равноправия сторон⁴³. Гитлеровский представитель был вынужден признать обоснованность предложений Советского Союза⁴⁴. Но это вовсе не означало, что немцы собирались согласиться с ними. Они требовали, чтобы администрация морского Дуная была подчинена Единой Дунайской Комиссии, а до создания последней — временному контрольному органу в составе представителей СССР, Германии, Италии и Румынии⁴⁵. Это означало, что Германия, уверенная в поддержке Италии и Румынии, собиралась диктовать правовой режим на морском Дунае. Гитлеровский посланник в Бухаресте в истерическом тоне сообщал в Берлин, что русские «стремятся выгнать Германию из устья Дуная»⁴⁶. Германское правительство в проведении своей линии большую поддержку получало от румынского правительства. Пытаясь оправдать позицию румынской делегации на конференции в Бухаресте, Гафенку писал в своей книге, что предложения СССР о совместной советско-румынской администрации на морском Дунае было якобы только «приманкой, которая не могла никого обмануть»⁴⁷, что СССР под видом совместной советско-румынской администрации хотел якобы установить свое господство над морским Дунаем.

Румыния заняла непримиримо враждебную Советскому Союзу позицию на конференции, требуя, чтобы

⁴³ Следует подчеркнуть, что в 1936 г. Румыния добивалась роспуска Европейской Дунайской Комиссии и передачи управления морским Дунаем Румынии (см. интервью министра иностранных дел Румынии Н. Титулеску в «Le Temps», 26.VII 1936; см. также: *N. Titulescu. Discursuri. București, 1967, p. 543—548*). В 1938 г. права Европейской Дунайской Комиссии были сильно урезаны и переданы Автономному управлению Нижнего Дуная, находящемуся в ведении Румынии.

⁴⁴ DGFP, series D, vol. XI, doc. 249, p. 424.

⁴⁵ Ibidem, p. 511.

⁴⁶ Ibidem, p. 459.

⁴⁷ *Gr. Gafenco. Op. cit., p. 101.*

администрация морского Дуная, в том числе и его устья, была подчинена полностью временному контрольному органу, и отказалась от создания совместной советско-румынской администрации всего этого района⁴⁸. Сообщая румынским посланникам в Берлине и Риме о возникших трудностях в переговорах по дунайским вопросам, румынский министр иностранных дел М. Стурдза указывал, что в румынских интересах «ждать, как развернется начавшийся кризис»⁴⁹.

Постоянно враждебная позиция Румынии по отношению к СССР, размещение в этой стране германских воинских частей, число которых непрерывно росло, не могло не вызвать тревогу Советского правительства. Оно справедливо усматривало в этом угрозу для юго-западных границ страны. Во время пребывания советской правительственной делегации в Берлине 12—13 ноября 1940 г. В. М. Молотов в ходе переговоров с Гитлером и Риббентропом неоднократно требовал разъяснения относительно целей пребывания германских войск в Румынии и Финляндии. Советский представитель, как отмечает в своей книге присутствовавший на этих встречах в качестве переводчика В. Бережков, обращал внимание немецкой стороны на то, что германских войск на территории Румынии «уже слишком много для одной миссии» и что в Москве «подобные мероприятия не могут не вызвать беспокойства»⁵⁰. Указывая на то, что германо-итальянские гарантии Румынии направлены против интересов СССР, советский представитель требовал их аннулирования. Законное требование СССР было направлено на укрепление своей безопасности, но в то же время отвечало интересам румынского народа, так как его осуществление привело бы к выводу гитлеровских войск из страны и открыло бы путь к сохранению Румынией ней-

⁴⁸ *Gr. Gafencu. Op. cit., p. 105—106.* Румыния предложила, чтобы лишь та часть Дуная, которая составляет общую румыно-советскую границу, управлялась совместно советско-румынской администрацией и подчинялась бы комиссии, состоящей из представителей СССР, Германии, Италии и Румынии. В задачи этой администрации должны были входить только административные и технические вопросы.

⁴⁹ АМАЕ, fond România, 1940, general. Telegrama cifrată N 69383 din 4 noiembrie 1940.

⁵⁰ В. Бережков. С дипломатической миссией в Берлин 1940—1941. М., 1966, стр. 27.

тралитета. Но Гитлер заявил, что это требование невыполнимо⁵¹.

Между тем агрессивные круги фашистской Румынии торопились оформить свой военный союз с государствами оси. 23 ноября они официально присоединились к Тройственному пакту. Этому предшествовали переговоры в Риме и Берлине.

Сначала, в середине ноября, Антонеску в сопровождении своего министра иностранных дел Стурдзы побывал в Риме. Как явствует из румынского краткого резюме содержания переговоров, во время их бесед с Муссолини и Чиано был затронут большой круг вопросов⁵², среди них и вопрос об отношении к СССР. Следуя своей антисоветской линии, они не преминули, естественно, обратить внимание на «русскую угрозу». Антонеску не скрывал, что «всеми средствами будет добиваться восстановления границ страны»⁵³, имея в виду как на востоке, так и на западе. Однако увезти что-либо для себя утешительного и приятного из Рима румынским правителям не пришлось. Итальянские фашисты в это время были озабочены собственными неудачами в Греции. Как отмечает в своей книге Г. Барбул, бывший личный секретарь Антонеску, сопровождавший последнего в этих поездках, единственный вопрос, который, кажется, «по-настоящему интересовал Муссолини, был вопрос о поставках нефти и зерновых. Попытка узнать точку зрения итальянского диктатора относительно германо-советского пакта не удалась»⁵⁴.

Вернувшись из поездки в Италию, Антонеску заявил на заседании совета министров 18 ноября 1940 г.: «Русский вопрос мы решим, когда будут решаться все вопросы Центральной и Восточной Европы между Россией и остальными европейскими государствами»⁵⁵. На этом же заседании Антонеску объявил, что он просил у Мус-

⁵¹ Там же, стр. 41.

⁵² Более подробно о них см.: *Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску*, стр. 23—35.

⁵³ ИДА, фонд микрофильмов (*dosar Italia, Intrevederea Antonescu-Duce — Sturdza — Ciano. 14 noiembrie 1940. Conversația Duce — Sturdza, 14 noiembrie 1940*).

⁵⁴ «Memorial Antonescu le III-e homme de l'Axe». 1950, p. 40.

⁵⁵ Arhiva Consiliului de miniștri, fond stenogramele ședințelor Consiliului de miniștri. Stenograma Ședinței din 18 noiembrie, 1940, f. 4.

солини отправить в Румынию роту альпийских егерей⁵⁶. Этим румынский диктатор хотел подчеркнуть, что и фашистская Италия готова «оборонять» Румынию.

20 ноября И. Антонеску в сопровождении своего министра иностранных дел Стурдзы направился в Берлин, где в течение 22—23 ноября вел переговоры с Гитлером, Риббентропом и Кейтелем. Первые контакты с ними, казалось, ничего хорошего румынскому кондукэтору не сулили. При встрече на вокзале Риббентроп с ехидством сказал: «Чтобы Румыния смогла найти путь к нам, нужно было оккупировать Париж»⁵⁷. Затем, на первой официальной встрече, германский министр иностранных дел начал с того, что отчитал румынского гостя за критику, которую последний позволил себе в ходе римских переговоров в адрес решения венского «арбитража». Как Риббентроп, так и Гитлер старались внушить кондукэтору, что, не будь венского диктата, «Румыния перестала бы существовать», так как венгеро-румынский конфликт привел бы к образованию «военного и политического вакуума»⁵⁸, который, как они пугали, заполнил бы СССР. Риббентроп просил Антонеску воздержаться от критики венского решения⁵⁹. Дальше, однако, дела пошли так, как мечтал румынский кондукэтор.

Раболепствуя перед правителями фашистской Германии, Антонеску в беседах с ними несколько раз повторил свое желание и готовность «сражаться до конца на стороне оси»⁶⁰ и «содействовать их победе»⁶¹. Он не скрывал, что идет на этот союз во имя того, чтобы «вернуть все то, что потерял на границах»⁶².

Антонеску и на сей раз не упустил возможности продемонстрировать свою вражду к СССР. Он убеждал, что русские «намерены заставить Германию и Италию полностью уйти из дельты и устья Дуная»⁶³, и ради того, чтобы помешать этому, он не только не примет предложение СССР о создании совместной советско-румынской

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ «Memorial Antonesco», p. 44.

⁵⁸ DGFP, series D, vol. XI, doc. 389, p. 655.

⁵⁹ Ibidem, p. 656.

⁶⁰ Ibidem, doc. 381, p. 665; doc. 380, p. 660.

⁶¹ Ibidem, doc. 381, p. 663.

⁶² Ibidem, doc. 380, p. 660; doc. 381, p. 663.

⁶³ Ibidem, doc. 380, p. 661.

комиссии по управлению морским Дунаем, но и готов при определенной помощи в течение 5 лет построить канал от Черновод до Констанцы для отвода вод Дуная⁶⁴. Выражая свою глубокую веру в «тесное сотрудничество между Румынией и Германией», Антонеску, явно намекая на СССР, стал доказывать, что этот союз нужен не только для взаимной выгоды сторон, но и во имя великих «политических целей», во имя защиты от «этнического и идеологического нашествия, которые грозят всей Европе»⁶⁵. Тут же, набивая себе цену, румынский диктатор стал говорить Гитлеру о «великой силе сопротивления» румын и их предков. Он подчеркнул, что они много веков боролись против славян, в том числе и против русских⁶⁶.

Со своей стороны Гитлер стремился представить СССР в качестве врага Румынии⁶⁷. Он заявил Антонеску, что так называемые «гарантии», предоставленные Румынии, направлены против СССР⁶⁸. Желая подбодрить своего нового союзника, Гитлер дважды в течение своей первой четырехчасовой беседы с Антонеску повторил, что «после всего история мира не кончается ведь 1940 годом»⁶⁹, дав тем самым ему понять, что в союзе с Германией и с ее помощью он сможет осуществить свои планы. Можно себе представить, с каким удовлетворением слушал эти слова Гитлера румынский кондуктор. «Антонеску, — сказано в записи этой беседы, — выразил благодарность за последние слова фюрера и снова объяснил ему подробно о своей программе реорганизации... Он затем повторил свои высказывания о роли, которую сыграла Румыния как латинский остров в славянском море»⁷⁰. Антонеску заявил, что относительно Трансильвании Румыния «будет сейчас молчать, но когда нужно будет, снова поднимет свой полус, чтобы добиться справедливости». И в этом вопросе Гитлер решил не лишать окончательно румынского диктатора надежд, сказав, что в Вене «идеального решения не было»⁷¹.

⁶⁴ DGFP, vol. IX, doc. 380, p. 661—662; doc. 381, p. 669; doc. 387, p. 682.

⁶⁵ Ibidem, doc. 381, p. 662, 669.

⁶⁶ Ibidem, p. 663.

⁶⁷ Ibidem, doc. 380, p. 665; doc. 381, p. 666—667.

⁶⁸ Ibidem, doc. 387, p. 682.

⁶⁹ Ibidem, doc. 381, p. 669, 670.

⁷⁰ Ibidem, doc. 381, p. 669.

⁷¹ Ibidem, p. 669—670.

После этого Риббентропу уже ничего не стоило заполучить согласия Антонеску на принятие разработанного немцами многолетнего плана румыно-германского сотрудничества, а также согласия на увеличение ежегодных поставок нефти. Когда же Риббентроп во второй беседе с Антонеску заявил, что «Германия хочет создать Румынии такую армию, чтобы она была как можно сильнее»⁷², а затем повторил слова Гитлера, что «история не кончается 1940 годом», румынский кондукэтор не только подтвердил, что «Румыния всегда будет на стороне Германии», но и обещал, что «немцам будет дана возможность обосноваться в румынской экономике»⁷³.

Судя по немецким записям этих переговоров, ни Гитлер, ни Риббентроп в ходе бесед не говорили прямо и открыто о своих планах войны против СССР и никаких конкретных сроков не называли. Но, когда Гитлер во время беседы заявил о том, что к марту 1941 г. Германия будет иметь 230 хорошо оснащенных дивизий, в том числе много бронетанковых и моторизованных, когда к этому он добавил, что уже сейчас готовы 180 дивизий и только 50 дивизий будет находиться на Западе⁷⁴, Антонеску, по-видимому, нетрудно было понять, против кого и для каких целей предназначена эта огромная армия. В этом отношении весьма примечательна беседа Антонеску с фельдмаршалом В. Кейтелем, которая состоялась 23 ноября, после беседы с Гитлером, и проходила, как отмечено в немецкой записи, «в очень теплой атмосфере»⁷⁵. Напрашиваясь в союзники по разбою, румынский генерал стал заверять немецкого фельдмаршала в том, что «ценность румынской армии совершенно другая, чем та, какой она представляется в действительности после событий лета 1940 года». Он обещал к весне 1941 г. подготовить 39 «организованных, вымуштрованных и хорошо обеспеченных руководством дивизий»⁷⁶, притом план организации новой армии, по словам Антонеску, уже представлен и одобрен руководителем немецкой военной «миссии» в Румынии генералом Ганzenом⁷⁷. Но, если Германия

⁷² DGFP, vol. XI, doc. 387, p. 681.

⁷³ Ibidem, p. 683.

⁷⁴ Ibidem, p. 666, 667.

⁷⁵ Ibidem, doc. 388, p. 689.

⁷⁶ Ibidem, p. 684.

⁷⁷ Ibidem, p. 686.

«хочет рассчитывать на румынскую армию»,— заявил Антонеску, (естественно, что речь могла идти только о наступательных операциях.— *Б. К., И. Л.*),— то она должна помочь ей в моторизации службы снабжения. Мотивировка этой просьбы не оставляет никаких сомнений, с кем собирался воевать Антонеску. Он объяснял, что румынские конные обозные части не смогут обеспечить снабжение армии, тем более что тыловые базы созданы далеко от фронта, чтобы не подвергнуться опасности со стороны русской авиации⁷⁸. Если Кейтель в чем-то и стал переубеждать кондуктора, то вовсе не относительно будущего противника. Он лишь высказал сомнение в возможности обеспечить румынскую армию необходимым автотранспортом.

Затем Антонеску «доложил о мерах, которые он принял против России»⁷⁹. Его волновало лишь то, что в случае отступления к Карпатам связь с тылом нужно будет осуществлять через территорию Венгрии и в этом случае придется прибегать к помощи Германии. Кейтель поторопился заверить своего союзника, что «Германия сделает все, что будет необходимо с ее стороны»⁸⁰.

Но, как, впрочем, видно из дальнейшей записи, Антонеску рассчитывал вести наступательные, а вовсе не оборонительные операции. «Он, — говорится далее в этом немецком документе, — пренебрежительно говорил о русской армии», растянутой вдоль границы от Балтийского до Черного моря, указывал на неприспособленность коммуникаций, особенно «на бессарабском фронте», и т. д. Расхваставшийся кондуктор договорился до того, что «двумя моторизованными дивизиями он сможет, если будет необходимо, перейти через русский фронт и продвигнуться в направлении к Киеву»⁸¹.

Гитлеровским законам пришлось, естественно, умерить воинственность своего коллеги. Они явно опасались, как бы не в меру пылкие румынские фашисты, теряя чувство меры, преждевременно не втокнули их в какую-нибудь авантюру⁸². Вместе с тем они ловко исполь-

⁷⁸ Ibidem, doc. 388, p. 686.

⁷⁹ Ibidem, p. 687.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid.

⁸² Как явствует из румынских записей бесед с гитлеровскими законами, приведенных А. А. Шевяковым, в ответ на сетования

зовали агрессивные устремления своих союзников для осуществления своих собственных интересов. Кейтель, поведав Антонеску о ближайших планах гитлеровцев на Балканах, добился от него согласия на посылку в Румынию дополнительных контингентов войск⁸³.

Перед отъездом глава румынского государства имел еще одну встречу с Гитлером. С удовлетворением отметив, что по всем обсуждаемым вопросам он достиг полной договоренности с официальными лицами рейха, Антонеску еще раз заверил фюрера, что он будет «продолжать усиленно реорганизовывать румынскую армию и она будет готова для действий следующей весной». «Румыния, — заявил с пафосом кондуктор, — не просит о восстановлении своих границ без борьбы»⁸⁴. На это Гитлер ответил, что «он очень рад встретить такого человека, как Антонеску, что он, фанатик национал-социалист, превосходно понимает чувства, задачи и цели, о которых говорит Антонеску», и обещал оказать Румынии поддержку в политической и в экономической областях⁸⁵.

Поездка Антонеску в Берлин закрепила превращение Румынии в сателлита гитлеровской Германии. Позже, в своих показаниях следственным органам СССР, румынский диктатор признал, что его встречи с Гитлером в ноябре 1940 г. можно считать началом сговора с немецкими фашистами о подготовке войны против Советского Союза⁸⁶. На процессе же главных военных румынских пре-

Стурдзы, что «легионерская Румыния еще не сражается с оружием в руках на стороне Германии», Риббентроп говорил: «Пока не заходите слишком далеко. Прежде всего укрепляйтесь. Партия — армия. Армия — партия. Не упускайте из виду эти оба обстоятельства. Никогда не ссорьтесь с армией, так как она вам всегда будет нужна, так же, как и вы ей. Берите пример с нас... Не торопитесь. Не требуйте того, чего сегодня нельзя сделать» (см. А. А. Шевяков. Указ. соч., стр. 107).

⁸³ DGFP, vol. XI, p. 688—689. Как известно, вслед за этим, 13 декабря 1940 г., появилась директива Гитлера о подготовке операции против Греции (операция «Марита»). В директиве указано на необходимость концентрации около 7 дивизий в южной части Румынии для использования их против Греции — бывшей союзницы Румынии по Балканской Антанте. После проведения операции «Марита», указано в конце директивы, части и соединения, участвовавшие в ее проведении, должны быть отозваны «для дальнейших операций» (DGFP, vol. XI, doc., 511, p. 867—868).

⁸⁴ DGFP, vol. XI, doc. 389, p. 690.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 686.

ступников в мае 1946 г. И. Антонеску пытался отказаться от этих показаний, заявив, что ни в ноябре 1940 г. ни затем в январе 1941 г. при встречах с Гитлером не было речи о войне против СССР⁸⁷.

Однако приведенные записи беседы Антонеску с Гитлером и Кейтелем и многие другие документы, о которых речь пойдет ниже, изобличают Антонеску, а также тех буржуазных историков, которые, стараясь обелить румынских фашистских преступников, заявляют, что Антонеску стало известно о готовившемся походе против СССР и он дал согласие в нем участвовать только во время своего визита у Гитлера 11 июня 1941 г., т. е. за десять дней до начала войны⁸⁸.

Во время поездки в Берлин в ноябре 1940 г. Антонеску сопровождал его министр иностранных дел Стурдза. Поскольку Антонеску мало ему доверял, то на встречи с Гитлером его не брал. Тем не менее Стурдза, известный железногвардеец и представитель именитого княжеского рода, имел много встреч с гитлеровскими представителями и по возвращении в Румынию составил документ, в котором суммировал свои впечатления от пребывания в Берлине. Стурдза писал, что сведения, полученные им, носят строго конфиденциальный характер. Германия желает, указывал Стурдза, продлить как можно дольше состояние нейтралитета или невоюющей стороны на востоке и юго-востоке Европы. Но это стремление, объяснял Стурдза, вызвано не ее миролюбием, а желанием покончить с Великобританией до того, «как наступит новая стадия войны — стадия установления ее (Германии) гегемонии на востоке и юго-востоке, для чего в конечном счете и была начата эта война»⁸⁹. Стурдза сообщал, что в это время Германия готовится усиленно к операции за Дунаем. Он был информирован о делах, которые в то время были известны лишь немногим.

⁸⁷ «Procesul mării trădări naționale». București, 1946, p. 49. Подобное же заявление Антонеску сделал на предварительном следствии в Бухаресте (см. Arhiva ministerului afacerilor interne, d. 40010, v. 36, p. 33).

⁸⁸ После своего отказа от первых показаний Антонеску на процессе заявил: «Война разразилась неожиданно для нас. Мы были неподготовленными» (см. «Procesul mării trădări naționale», p. 51).

⁸⁹ АМАЕ, fond România, 1940, general, documentăl «După călătoria la Berlin. Reflecțiuni», 5 decembrie 1940, f. 2.

«Сегодня подготовка на восточном фронте,— писал Стурдза, явно преувеличивавший сведения, полученные у своих собеседников,— от Балтийского до Черного моря почти закончена». Стурдза восторгался «будущим, уготовленным легионерской Румынии в Европе после германской победы». Для обеспечения этого будущего ему представлялось абсолютно необходимым участие румынской армии в победоносных военных операциях Германии. По полученным им сведениям, указывал Стурдза, гитлеровские главари рассчитывают на активное участие румынской армии в войне против Советского Союза, в то время как в предшествующих этой войне операциях на Балканах Румыния будет лишь прикрывать фланги против возможного вмешательства СССР. Железнодорожница Стурдзу не удовлетворяла «пассивная» роль Румынии во время предстоящего захватнического похода Германии на Балканы. «Я считаю нужным,— писал он,— обратить внимание на ... необходимость для государства и железнодорожного движения участвовать вместе с немецкими войсками уже в первой стадии операции, т. е. перейти Дунай вместе с ними»⁹⁰.

Проповедь агрессивной войны против дружественных балканских стран, с которыми Румыния никогда не воевала (Греция, Югославия), оправдывалась необходимостью завоевать у Германии «признательность, которая является основой нашего (Румынии) восстановления».

Радуюсь уже при одной мысли, что румынская армия или ее бригада из «зеленых» батальонов⁹¹ будет маршировать по балканским городам и селам, Стурдза писал, что «героические» подвиги, совершенные на поле брани в союзе с гитлеровцами, будут содействовать «воссоединению страны». «Я считаю, — отмечал он, — что в этом случае (переход Дуная вместе с гитлеровцами.— Б. К., И. Л.), мы найдем Трансильванию за Дунаем, так же, как во втором случае (участие в агрессивной войне против СССР.— Б. К., И. Л.) — мы ее найдем за Прутом».

Документ, составленный Стурдзой, свидетельствует о том, что в ноябре 1940 г. румынские правители безусловно вели переговоры о предстоящей войне против СССР.

⁹⁰ АМАЕ, fond România, 1940, general, documentul «După călătoria la Berlin. Reflecțiuni», 5 decembrie 1940. f. 2.

⁹¹ Железнодорожницы носили зеленые рубашки.

Сам Антонеску, сообщая членам своего правительства о результатах своей поездки в Берлин, заявил: «Что касается восточной границы, то это вопрос, который будет решаться в европейском плане, и Румыния примет участие (в его решении.— В. К., И. Л.), когда положение будет благоприятным и когда она сумеет действовать одновременно со всеми державами, заинтересованными в решении славянской и большевистской проблем»⁹².

На этом же заседании Антонеску информировал кабинет о своем решении пропустить через Румынию гитлеровские дивизии, которые направляются на помощь итальянским войскам, воюющим в Греции⁹³. Эти заявления Антонеску еще раз подкрепляют вывод, что в ноябре 1940 г. фашистское правительство Румынии обсуждало вопрос об участии в грабительских походах вместе с гитлеровской Германией, в частности — в готовящейся агрессии против Советского Союза⁹⁴.

Не случайно на заседании по рассмотрению плана «Отто» (первоначальное кодовое наименование плана войны против Советского Союза), которое состоялось 5 декабря 1940 г., среди будущих участников войны против СССР, как явствует из дневника Гальдера, были названы Финляндия и Румыния⁹⁵.

В варианте «Барбаросса», подписанном 18 декабря 1940 г., уже прямо указывалось: «На флангах нашей опе-

⁹² Arhiva Consiliului de miniştri, fond stenogramele şedinţelor Consiliului de miniştri, stenograma şedinţei din 26.XI 1940, f. 3.

⁹³ Ibidem, f. 5.

⁹⁴ В 1960 г. Хиллгрубер сообщил в журнальной статье, что генерал Ганзен по поручению Гитлера передал Антонеску предупреждение, чтобы он усилил «оборонительные меры» на советско-румынской границе. Как указывает Хиллгрубер, в то время гитлеровская армия проводила в Румынии мероприятия, «наступательный характер которых был абсолютно ясен». Отсюда Хиллгрубер делал вывод, что Антонеску должен был себе отдать отчет в подготовке Германией войны против СССР («Wehrwirtschaftliche Rundschau», Dezember 1960, S. 661).

Во втором издании книги Хиллгрубера «Гитлер, король Кароль и маршал Антонеску» указывается, что в конце декабря 1940 г. генерал Ганзен, возглавлявший гитлеровскую военную миссию в Румынии, информировал по поручению Гитлера Антонеску об основных направлениях «плана Барбаросса» (A. Hillgruber. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. 2 Auflage, S. VIII).

⁹⁵ «Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы». М., 1967, стр. 147 (далее «Совершенно секретно...»).

рации мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России. Верховное командование германской армии своевременно согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран будут при их вступлении в войну подчинены германскому командованию»⁹⁶.

Результаты встречи Гитлера с Антонеску не замедлили сказаться. 29 ноября 1940 г. Антонеску вновь дал указание румынской делегации на конференции по Дунаю ни в коем случае не соглашаться с созданием румыно-советской администрации⁹⁷. Предложения румынской делегации полностью соответствовали интересам Германии. Чиновник гитлеровского министерства иностранных дел Э. Виль, раскрывая подлинные цели, преследуемые его правительством, писал: «Интересы Германии состоят в том, чтобы предупредить, даже в переходный период (т. е. до образования Единой Дунайской Комиссии.— Б. К., И. Л.), установление чисто русско-румынской администрации на морском Дунае»⁹⁸. Даже Гафенку признавал, что страны оси были счастливы тем, что имели возможность «толкнуть Румынию на передний план и отнести за ее счет заслуги и ответственность за решение, которое удовлетворяло их бесконечно больше, чем предложения советской делегации»⁹⁹. Румынская делегация фактически выполняла волю гитлеровской Германии. Конференция по вопросам Дуная в конечном итоге была сорвана. 21 декабря 1940 г. ее решили отложить, но впоследствии ее работа так и не возобновлялась. Враждебная позиция, занятая Румынией на этой конференции, свидетельствовала о нежелании ее правящих кругов сотрудничать с Советским Союзом в решении весьма важного вопроса для обеих сторон на предложенных ей условиях равноправия и на паритетных началах¹⁰⁰. Отвергая предложения Советского Союза о

⁹⁶ «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 560.

⁹⁷ «Monatshefte für Auswärtige Politik», Januar — Februar, 1944, S. 32.

⁹⁸ DGFP, series D, vol. XI, p. 511.

⁹⁹ Gr. Gafenco. Op. cit., p. 106.

¹⁰⁰ С первых же дней вероломного нападения на СССР стали ясны причины упорного отказа фашистских государств согласиться с заключением соглашения о морском Дунае. В районе дельты и устья Дуная были построены военные аэродромы, которые использовались для нападения на Черноморский флот СССР (см.

заклучении соглашения о морском Дунае, которое оградило бы этот важный район от хозяйничания гитлеровской Германии и могло явиться шагом на пути сотрудничества двух соседних стран, румынские фашистские правители полагали, что они могут ускорить развязывание гитлеровцами войны против СССР.

После отъезда Антонеску из Берлина, где был оформлен политический союз Румынии с государством оси, гитлеровцы поторопились быстро оформить и дальнейшее экономическое закабаление этой страны.

4 декабря 1940 г. был подписан «Протокол о немецко-румынском сотрудничестве для осуществления румынского десятилетнего плана»¹⁰¹. Это экономическое соглашение под видом «интеграции румынской экономики в новый европейский порядок» превращало экономику страны в придаток германской военной экономики. Оно предусматривало усиление эксплуатации сельскохозяйственных и лесных богатств Румынии, ограбление ее нефтяных запасов и огромное повышение курса марки. Расхваливая «результаты», достигнутые в Берлине, И. Антонеску позволил себе грубые выпады против румынского народа, который якобы не понимает, что фашистский режим хочет его осчастливить. «Мы имеем дело,— заявил цинично кондукэтор,— с находящейся в оцепенении нацией, и если мы ее не сумеем разбудить при помощи убеждения, то мы ее заставим работать насильственными мерами»¹⁰².

Хотя внешнеполитический курс правящих политических кругов Румынии был ясен, тем не менее Советское правительство во имя поддержания мира и добрососедских отношений продолжало прилагать усилия к тому, чтобы установить нормальные экономические и политические отношения с Румынией. Это проявилось и во время происходивших в Москве в начале декабря советско-румынских экономических переговоров. «Прием, оказанный

«New York Times», 28.VI 1941). Известный реакционный историк М. Беллофф также признавал, что Германия возражала против советских предложений, так как добивалась для себя «беспрепятственного и никем не наблюдаемого передвижения военных и гражданских грузов по всей реке» (*Max Beloff. The foreign policy of Soviet Russia, vol. II. New York, p. 341*).

¹⁰¹ «Argus», 6.XII 1940.

¹⁰² Arhiva Consiliului de miniştri, fond stenogramele şedinţelor Consiliului de miniştri. Stenograma şedinţei din 4 decembrie 1940, f. 2.

советскими властями румынской экономической делегации в Москве,— указывает в своем отчете от 4 декабря 1940 г. Гафенку,— и ряд проявлений специального внимания, а также отношение г-на Микояна, народного комиссара внешней торговли, во время первых двух заседаний указывают на особую благожелательность Советского правительства по отношению к Румынии»¹⁰³.

Но при всем этом экономические переговоры, несмотря на выгодные для Румынии условия, продвигались очень медленно. Они завершились только в конце февраля 1941 г. подписанием «Договора о торговле и мореплавании» и «Соглашения о товарообороте и платежах». Общий товарооборот между двумя странами на первый год действия Соглашения был определен в сумме 8 млн. долларов, по 4 млн. долларов с каждой стороны¹⁰⁴. Правительства Румынии не могли не видеть разницы между кабальными договорами, навязанными им гитлеровцами, и советско-румынским договором, составленным на основе равноправия сторон. И тем не менее они избегали заключения каких-либо соглашений с Советским Союзом, так как это могло, по их мнению, помешать ускоренной подготовке войны с СССР. Правительства Румынии строго наказывали своим дипломатам отвергать и избегать дискуссий, которые могли быть интерпретированы в том смысле, что «Румыния отдаляется от политики рядом с осью»¹⁰⁵.

Необходимо отметить, что лидеры буржуазно-помещичьих партий, которые не участвовали в правительстве Антонеску, поддерживали его антисоветскую политику. 28 декабря 1940 г. руководитель крупнейшей румынской буржуазно-помещичьей партии национал-царанистов Ю. Маниу направил Гитлеру и Муссолини меморандум, в котором просил их пересмотреть решения венского «арбитража» по поводу Трансильвании. В этом меморандуме Ю. Маниу признавал, что в момент отторжения Северной Трансильвании СССР никоим образом не угрожал Румынии¹⁰⁶. Следовательно, Маниу, как и

¹⁰³ Цит. по кн.: «Procesul mării trădări naționale», p. 15.

¹⁰⁴ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 544.

¹⁰⁵ «Procesul mării trădări naționale», p. 16.

¹⁰⁶ Arhiva Consiliului de miniștri, fond special, dosar 88 «Memoriul lui I. Maniu adresat la 28 decembrie 1940 lui Hitler și Mussolini», f. 13.

другие реакционные политики, знал, что все слухи о советских угрозах носили провокационный характер и распространялись с целью обмана народных масс. Но Маниу не был бы представителем эксплуататорских классов, ярким ненавистником страны социализма, если бы он сделал из известных ему фактов логические выводы и обвинил бы правительства Германии и Италии в провокации.

В своем меморандуме Маниу пытался доказать, что в будущей войне против СССР Румыния может принести больше пользы, чем Венгрия, и поэтому Румыния заслуживает более «чуткого» отношения к себе. Задавая Гитлеру и Муссолини вопрос, на что они рассчитывают, укрепляя хортистскую Венгрию, Маниу сам отвечал: «Прикрытия пути перед восточной анархией?»¹⁰⁷. Мы выполнили эту роль в прошлом (имеется в виду участие буржуазно-помещичьей Румынии в антисоветской интервенции и в разгроме Венгерской Советской Республики в 1919 г.— *Б. К., И. Л.*) и сумеем ее выполнить и в будущем вместе с ними или без них (т. е. без венгров.— *Б. К., И. Л.*)»¹⁰⁸. Чтобы внести полную ясность в свои предложения, национал-царанистский лидер уточнял: «Основным фактором на Юго-Востоке Европы является румынская армия. Ее не следует деморализовать»¹⁰⁹. Письмо Маниу изобиловало выражениями признательности Германии и Италии за оказанные ими в прошлом «услуги» Румынии. Маниу напоминал, что румынские правящие круги еще в марте 1939 г. заключили выгодное для Германии экономическое соглашение и что с самого начала второй мировой войны «Румыния не сделала ни одного жеста против стран оси»¹¹⁰. Меморандум Ю. Маниу одобрял по существу участие Румынии в антисоветской войне за 6 месяцев до ее развязывания. Для отправки своего меморандума Гитлеру и Муссолини Маниу воспользовался услугами самого Антонеску, который действительно переслал его адресатам. На оставшемся у него экземп-

¹⁰⁷ Так на языке реакции именовалась Советская власть.

¹⁰⁸ Arhiva Consiliului de miniştri, fond special, dosar 88, Memoriul lui I. Maniu adresat la 28 decembrie 1940 lui Hitler și Mussolini, f. 10.

¹⁰⁹ Ibidem.

¹¹⁰ Ibidem, f. 11.

ляре И. Антонеску написал собственноручно, что позиция Маниу «всем содержанием очень сильно обоснована»¹¹¹.

Антисоветизм во внешней политике сочетался в Румынии со все растущим наступлением реакции на прогрессивные силы страны, в первую очередь против Коммунистической партии. Страх перед коммунистами у румынских правителей был настолько велик, что 28 октября 1940 г. было созвано специальное заседание совета министров, на котором обсуждался вопрос о принятии полицейских мер в связи с праздником 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Докладчик, министр внутренних дел К. Петровическу, сообщил, что уже в ночь на 25 октября полиция сделала много обысков и произвела аресты, причем ей удалось конфисковать 2000 экземпляров подпольного органа КПП газеты «Скынтейя»¹¹². И. Антонеску потребовал принятия самых строгих мер против коммунистов и усиления контроля за промышленными районами страны: Галаца, Бухареста, Тимошоарэ, Арада, Брашова, Плоешти. Он заявил, что «хорошим средством борьбы против коммунистов будут авиация и моторизованные войска»¹¹³. Петровическу доложил, что концентрационные лагеря для коммунистов, евреев и других «агитаторов» спешно строятся¹¹⁴.

Все репрессивные меры, однако, не помогли фашистским правителям. В тяжелых условиях террора Коммунистическая партия и румынские трудящиеся вели самоотверженную борьбу с фашистской диктатурой. По всей Румынии была распространена брошюра «Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 7.XI 1917—7.XI 1940 гг.», которая рассказывала об огромных успехах, достигнутых трудящимися Советского Союза, и призывала к установлению дружеских отношений между Румынией и страной социализма¹¹⁵. Были выпущены и отдельные прокламации областными партийными комитетами Баната и Трансиль-

¹¹¹ Arhiva Consiliului de miniştri, fond special, dosar 88, Memoriul lui I. Maniu adresat la 28 decembrie 1940 lui Hitler şi Mussolini, f. 1.

¹¹² Arhiva Consiliului de miniştri, fond stenogramele şedinţelor Consiliului de miniştri, Stenograma şedinţei din 29 octombrie 1940, f. 2.

¹¹³ Ibidem, f. 10.

¹¹⁴ Ibidem, f. 16.

¹¹⁵ См. текст брошюры в «Arhiva Institutului de Studii istorice şi social-politice», d. 6458/151.

вани. Илфовский комитет (Илфов — название уезда, в котором находится г. Бухарест) также выпустил листовку, зовущую трудящихся к демонстрации в день великого праздника¹¹⁶. Чтобы ввести в заблуждение военно-фашистские власти, руководство КПР решило отметить в Бухаресте 23-ю годовщину Великого Октября не 7 ноября, а на четыре дня раньше. 3 ноября 1940 г. в районе Обор г. Бухареста состоялась крупная демонстрация, в которой участвовали много рабочих, ремесленников и мелких торговцев¹¹⁷. Во время демонстрации провозглашались лозунги, призывающие к борьбе за демобилизацию армии, за повышение заработной платы, за дружбу с СССР, против военно-фашистского режима.

Бухарестский комитет КПР указал в своем решении от 16 февраля 1941 г., что, несмотря на бешеный террор правительства Антонеску, Коммунистическая партия и Коммунистический союз молодежи, «распространив десятки тысяч прокламаций, надписей и вывесив десятки красных флагов, организовав собрания и т. д., сумели широко отметить 7 ноября — годовщину победоносной социалистической революции»¹¹⁸.

Выступления народных масс, возглавляемых коммунистами, приводили в бешенство фашистских главарей. В декабре месяце 1940 г. вопрос о борьбе с коммунистами дважды слушался на специальных заседаниях правительства¹¹⁹. По сообщениям газет, аресты коммунистов производились в Бухаресте, Рэдэуцах, Сибиу, Сучаве, Яссах, Джурджу и других городах. Массовые репрессии против коммунистов и других прогрессивных, антифашистских сил страны стали составной частью внутривнутриполитических мероприятий румынского фашистского правительства, направленных на подготовку войны против СССР.

¹¹⁶ Ibidem, d. 2112/3013, vol. 13, f. 352.

¹¹⁷ Ibidem, partea II, f. 635.

¹¹⁸ «Marea Revoluție socialistă din Octombrie și mișcarea revoluționară și democratică din România». București, 1967, p. 227.

¹¹⁹ ИДА, фонд микрофильмов (Comunicatul Președinției Consiliului de Miniștri din 17 decembrie 1940).

ГЛАВА VII

ПОДГОТОВКА РУМЫНИИ К ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР. ЗАХВАТНИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ РУМЫНСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ

Правящая фашистская клика Румынии усиленно готовилась к войне против СССР. Был создан специальный правительственный координационный комитет, который руководил перестройкой всей жизни на военный лад. В декабре 1940 г. был издан декрет о реорганизации министерства обороны и создании при нем высшего военного совета.

Первостепенное значение уделялось реорганизации армии, осуществлявшейся под руководством немецких офицеров. По распоряжению кондуктора все офицеры запаса румынской армии должны были пройти двухмесячную переподготовку. В течение 1940 г. в армию на разные сроки было призвано 40% всех офицеров запаса¹. Как отметил в своих показаниях следственным органам СССР бывший военный министр Румынии корпусной генерал К. Пантази, «в период переподготовки офицеров запаса генеральный штаб румынской армии разработал план призыва двенадцати возрастов, подлежащих мобилизации в армию на случай войны, с таким расчетом, чтобы к 1 июня 1941 г. все эти возрасты были подготовлены в соответствии с уставными требованиями германской армии»². В 1940/41 финансовом году только на содержание призванных на переподготовку резервистов было израсходовано около 6,5 млрд. лей, специально выделенных по бюджету для этой цели³. Было увеличено число военных школ и курсов.

¹ ИДА, фонд микрофильмов (Situația ofiterilor de rezervă concentrați în perioada 1920—1940).

² «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 694.

³ ИДА, фонд микрофильмов (Situația bugetelor armatei dela 1920—1940/41).

Миллиарды лей затратило правительство Антонеску на строительство складов, казарм, аэродромов, шоссейных дорог, ремонт железных дорог и строительство вторых путей⁴. Резко увеличились ассигнования на закупку вооружения, снаряжения и обмундирования. Если за пять с половиной лет (с 1935 до сентября 1940 г.) ассигнования на военные заказы составляли 80 млрд. лей, то за два с половиной года после прихода к власти Антонеску — 230 млрд. лей, притом, как указано в докладе о деятельности министерства оснащения армии, «большинство заказов было размещено до 1942 года по довоенным ценам»⁵.

Производилась военная перестройка всей экономики страны. По приказу правительства 2600 промышленных предприятий подверглись проверке со стороны специальных комиссий на предмет установления их точной производственной мощности, наличия резервов сырья и полуфабрикатов. На особо важные предприятия еще в декабре 1940 г. были направлены представители правительства, наделенные большими полномочиями⁶.

10 декабря 1940 г. был издан декрет о милитаризации целого ряда государственных и частных фабрик и заводов, прямо или косвенно связанных с военным производством. Они были переведены на особый режим. Были запрещены увольнения рабочих по собственному желанию, последние в порядке мобилизации считались закрепленными за предприятиями и в случае нарушения ими дисциплины направлялись в армию⁷. Контроль за работой милитаризованных предприятий был возложен на генштаб.

Правительство взяло на себя функции распределения сырьевых и продовольственных ресурсов. Для этого бы-

⁴ ИДА, фонд микрофильмов («Activitatea căilor ferate române în perioada 6.IX 1940—31.XII 1942»; «Realizările direcției generale a drumurilor»).

⁵ Там же («Realizările Ministerului înzestrării armatei»).

⁶ Там же («Realizările Ministerului economiei naționale»).

⁷ Еще до прихода к власти Антонеску в официальном правительственном вестнике был опубликован декрет «Об условиях работы при исключительных обстоятельствах», который давал право администрации удлиннять рабочий день и рабочую неделю, отменять летние отпуска, воскресные и праздничные дни и т. д. Были запрещены забастовки. В случае же коллективного прекращения работы на каком-либо предприятии правительство могло в порядке мобилизации заставить рабочих и служащих выполнять свои обязанности.

ли созданы специальные ведомства, осуществлявшие в централизованном порядке закупку и снабжение промышленных предприятий и заготовительных баз сырьем и продовольствием⁸. Усиленно закупались за границей и создавались запасы сырья (цветных металлов, каучука, хлопка, кожи и т. д.)⁹ для промышленности, призванной обеспечить нужды армии. Были приняты меры по увеличению производства важнейших военно-стратегических материалов (нефти, бензина, взрывчатых веществ, вооружения и т. д.)¹⁰.

Милитаризация коснулась и сельского хозяйства. В течение 1940—1941 гг. мобилизацией на сельскохозяйственные работы было охвачено 67 500 человек¹¹. Как указано в отчете министерства земледелия, «при содействии армии были созданы специальные сельскохозяйственные отряды, численный состав которых в 1941 г. превышал 20 000 человек»¹².

На строгий учет брались все продовольственные ресурсы, семенной фонд, тягловая сила. По требованию генштаба снабженческие организации приступили к созданию месячного продовольственного запаса для армии численностью в 835 тыс. человек и 346,5 тыс. лошадей¹³.

Все эти приготовления, а также бремя сельскохозяйственных поставок на содержание титлеровских войск сильно отразились на положении трудящихся. Еще в октябре 1940 г. было объявлено о запрещении продажи и потребления мяса в течение трех дней недели¹⁴, введены новые налоги на доходы рабочих и служащих и на пенсии¹⁵. Накануне нового года печать сообщила, что в связи «с необходимостью рационализации внутреннего потребления» при сохранении старой цены за один хлеб его вес уменьшится на 200 г¹⁶. Еще через день газеты объявили, что с 1 февраля при выпечке хлеба к пшенич-

⁸ ИДА, фонд микрофильмов («Realizările Ministerului economiei naționale»).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же («Realizările Ministerului înzestrării armatei»).

¹¹ Там же («Realizările Ministerului agriculturii»).

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 109—110 («Realizările subsecretariatului de stat al aprovizionării»).

¹⁴ «Timpul», 12.X 1940.

¹⁵ Ibidem, 24.X 1940.

¹⁶ Ibidem, 29.XII 1940.

ной муке будет примешиваться 20% кукурузной муки. Была введена карточная система на жиры, мясо и другие продукты.

Готовясь к войне против СССР, правящие круги Румынии интенсивно проводили идеологическую обработку населения и личного состава армии. Чтобы преждевременно не разоблачать себя, они избегали открытых антисоветских призывов на страницах своей центральной печати. Зато под различными предлогами и соусами по-прежнему протаскивались явно реваншистские высказывания, велись подсчеты количества «зарубежных румын», в скрытой форме подогревались реваншистские настроения. Так, в начале ноября 1940 г., под видом празднования очередной годовщины вступления войск валахского господаря Михая Витязу в г. Алба-Юлия, почти все бухарестские газеты опубликовали содержание лекции по радио известного реакционного политического деятеля Г. Братиану. Проводя параллель между прошлым и настоящим положением страны, он выражал надежды, что «нынешний король Михай торжественно вступит в Трансильванию, как король всех румын от Тиссы до Днестра». Газета «Универсул» в статье «За искусственными границами», приводя подсчеты румын, проживающих «между Тиссой, Днестром и дельтой Дуная», недвусмысленно давала понять, что существующие границы, включая границы по р. Прут, являются временными¹⁷.

Чтобы вселить уверенность в этом и поддержать в стране воинственный дух, румынская печать и радио на все лады превозносили германо-румынский союз и «непревзойденное могущество» вермахта, под руководством которого, как писал фашистский листок «Буна вестире», румынская армия «станет к весне 1941 года одной из сильнейших армий в мире» и «будет призвана играть решающую роль в создании новой Европы и восстановлении потерянного»¹⁸. В другом номере эта же газетенка, многозначительно напоминая, что в прошлом румыны успешно «выступали против армий, намного превосходящих по силе и численности», обещала, что в недалеком будущем вместе с немецкой армией румынские солдаты будут сражаться за свои «вечные права». «Тем, которые со злобой спрашивают, с кем будем бороться и куда нап-

¹⁷ «Universul», 27.X 1940.

¹⁸ «Bunavestire», 20.XII 1940.

равим наше оружие,— продолжал автор статьи,— мы отвечаем: на запад, на восток или на юг, куда угодно, где и когда будет необходимо, где только обнаружится удобный для Румынии момент»¹⁹. В самой армии весной 1941 г. офицерами проводилась уже открытая пропаганда войны против СССР. В информационном бюллетене за 15.IV — 15.V 1941 г. 12-го пехотного полка, расположенного на границе с Советским Союзом в районе нижнего течения Прута, прямо указывалось: «Офицеры живут среди солдат своих частей и постоянным контактом с ними внушают людям чувства реванша»²⁰.

Особая роль в идеологической обработке населения отводилась специально созданным на средства правительства газетам «Раза», «Екоул Басарабией» и другим, во главе которых стояли бежавшие из Бессарабии молдавские буржуазные националисты. Этой прессе была отведена задача вести систематическую антисоветскую пропаганду. Ее страницы пестрели небылицами об «ужасах большевиков» в Бессарабии, о «насильственной русификации» жителей края и т. д.

Под эгидой правительства Антонеску в Румынии вели активную антисоветскую деятельность различные белоэмигрантские комитеты бессарабских и буковинских помещиков и буржуазии. Еще в начале июля 1940 г. в прессе появилось сообщение о создании «Кружка бессарабцев» и о том, что в помещение этой организации на 3 и 4 июля приглашаются бывшие члены «Сфатул цэрий», депутаты румынского парламента от Бессарабии, а также другие «общественные» деятели для «получения важной информации»²¹. В декабре было объявлено об учреждении «беженцами из-за Прута» так называемого «Культурного общества Бессарабии», ставившего своей целью путем чтения лекций и проведения других мероприятий «поддерживать вечно горящим пламя любви к отчужденной провинции», а также «проводить работу по братскому сближению бессарабцев со всеми румынами».

Подобно гитлеровцам, румынские фашисты старались внушить народу свои расистские идеи о превосходстве над другими народами, воспитывать в них пренебреже-

¹⁹ «Buna vestire», 4.I 1941.

²⁰ Центральный государственный архив Молдавской ССР (ЦГА МССР), ф. 706, оп. 2, д. 12, л. 239.

²¹ «Timpu», 4.VII 1940.

ние и ненависть к народам СССР. Представляя Россию как «хаотический биологический конгломерат», фашистский листок «Порунка времий» писал: «Мы являемся островом на угрожающем славяно-монгольском море, островом арийским, бисерной скалой латинской народности»²².

С каждым днем военно-легионерская Румыния все больше становилась главным оплотом гитлеровцев на Балканах, ее важнейшим плацдармом для претворения в жизнь своих агрессивных планов. Характеризуя обстановку в Европе в связи с обсуждением будущих военных акций вермахта, Гитлер не без основания заявил: «На Балканах дружественную позицию к державам оси занимает только Румыния, позиция Болгарии лояльна»²³.

Антонеску беспрекословно соглашался на каждое требование Гитлера о размещении в Румынии новых контингентов германских войск, готовивших нападение на вчерашних балканских союзников Румынии, обильно снабжал их продовольствием, горючим и т. д.²⁴ К середине января 1941 г. численность германских войск в Румынии составила 500 тыс. человек²⁵, а спустя месяц — 680 тыс. солдат и офицеров²⁶. Как признает Барбул, на улицах Бухареста и других городов чаще встречались военнослужащие в мундирах вермахта, чем в форме румынской армии²⁷. Более того, во время беседы с германским посланником в Бухаресте, навестившим 21 декабря кондуктэтора, чтобы известить его о прибытии очередных «подкреплений» войскам в Румынии, Антонеску выразил желание выступить на стороне держав оси во имя якобы того, чтобы приблизить конец войны и воспрепятствовать англичанам захватить Балканы²⁸. Этим самым Ан-

²² «Porunca vremii», 11.I 1941.

²³ «Совершенно секретно...», стр. 156.

²⁴ С октября 1940 до 22 июня 1941 г. только для немецкой армии в Румынии было выделено через правительственные органы 5000 вагонов продовольствия (ИДА, фонд румынских микрофильмов, «Realizările subsecretariatului de stat al aprovizionării»), не считая того, что закупалось немцами в Румынии нелегально и что по договорам отправлялось в Германию.

²⁵ DGFP, series D, vol. XI, doc. 664, p. 1114.

²⁶ Ibidem, vol. XII. London, 1962, doc. 70, p. 127.

²⁷ «Memorial Antonescu», p. 79.

²⁸ DCFP, vol. XI, doc. 544, p. 922. Фабрициус, ссылаясь на отсутствие у него полномочий, уклонился от обсуждения этого вопроса.

тонску старался, по-видимому, не только умножить свои «заслуги» перед Гитлером и Муссолини, заручиться их поддержкой в территориальных требованиях Румынии, но также преодолеть все возрастающий внутривластный кризис в стране, который усугублялся ожесточенной борьбой за власть внутри самой фашистской верхушки Румынии, между сторонниками Антонеску и главарем легионеров Хория Симой²⁹.

В январе 1941 г. Антонеску напросился на прием к Гитлеру, чтобы обсудить вопрос насчет «обороны Румынии и получить совет относительно внутренней политики»³⁰. Главной же целью Антонеску было заручиться поддержкой фюрера в междоусобной борьбе с Хория Симой. Беседа состоялась 14 января в Оберзальцберге и продолжалась четыре часа. Гитлер, будучи хорошо осведомленным о положении в Румынии, считал, что для предстоящей войны против СССР генерал Антонеску лучше сумеет поставить на службу Германии материальные и людские ресурсы Румынии, чем его соперник Сима, который не имел поддержки в армии и не пользовался доверием румынских промышленно-финансовых кругов³¹. Гитлер дал понять, что он большее значение придает отношениям по государственной линии с генералом Антонеску, нежели партийным, с железногвардейцами, которые «менее важны для Германии»³². Собеседники обсудили и международное положение Румынии. Отношения с СССР Антонеску охарактеризовал как плохие. Тут же он поспешил сообщить фюреру, что из ряда бесед с американским посланником в Бухаресте Гюнтером он сделал вывод, что США «скорее всего против русских»³³. Это

²⁹ Подробнее об этом см.: *Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску*, глава 2.

³⁰ DGFP, series D, vol. XI, doc. 631, p. 1060.

³¹ Интересы Германии собственно и предопределили исход борьбы между двумя соперничающими группами румынских фашистов, кульминационным пунктом которой был легионерский мятеж 21—23 января 1941 г., закончившийся победой Антонеску.

³² DGFP, vol. XI, doc. 652, p. 1091.

³³ *Ibidem*, p. 1092. В ходе беседы между Антонеску и Гюнтером, которая состоялась 8 января 1941 г., т. е. за несколько дней до выезда кондуктора в Германию, американский посланник по сути одобрил антисоветскую политику военно-легионерской Румынии. Подробно об этом см.: *B. Balteanu. Relațiile guvernului SUA cu regimul fascist din România (sept. 1940— iunie 1942)*. «Studii», 1958, N 6, p. 83.

сообщение было сделано главой румынского фашистского правительства с явно провокационными целями. Заверив Гитлера в том, что в апреле румынская армия «будет готова для мобилизации»³⁴, кондукэтор вновь выразил свою готовность участвовать в войне и предоставить для «общего дела» 30 дивизий. Гитлер, поблагодарив Антонеску за быструю реорганизацию армии, дал понять, что Германия не нуждается пока в поддержке румынской армии, но что он будет рад иметь ее на своей стороне, «если Германия предпримет или займет,— как фарисейски сказано в документе,— позицию в защиту Румынии»³⁵.

Вместе с тем, чтобы показать, какую «услугу» Румынии делает он, фюрер, держа на ее территории полумиллионную армию, Гитлер не случайно еще до этого затронул вопрос о переговорах В. М. Молотова в Берлине и старался внушить кондукэтору, что якобы СССР вынашивает агрессивные планы на Балканах³⁶.

Во время своего визита Антонеску передал «на рассмотрение фюрера» меморандум румынского правительства. Поскольку этот документ раскрывает планы правящих кругов королевской Румынии и показывает, в каком свете они представляли себе место Румынии в системе гитлеровского блока и в будущей «новой Европе», приведем из него отдельные выдержки.

³⁴ DGFP, vol. XI, p. 1088.

³⁵ Ibidem, p. 1094.

³⁶ Хотя в своих политических комбинациях Гитлер и Антонеску попеременно друг другу внушали мысль о «русской угрозе» и спекулировали этим пугалом для обоснования своих планов, в действительности ни тот, ни другой не верили в ими же пущенную в ход версию. Как явствует из дневника Гальдера, на бреннерском совещании с Муссолини Гитлер заявил: «Однако невероятно, чтобы Россия сама начала с нами конфликт» (*Ф. Гальдер. Указ. соч.*, стр. 186). Антонеску в беседе с Гюнтером, которая состоялась 18 февраля 1941 г., на вопрос последнего, насколько вероятно нападение России на Германию в случае неблагоприятного исхода немецкой акции на Балканах, ответил, что «...никто не должен рассчитывать на такую неудачу и не должен верить в серьезность угрозы русского нападения». В ходе этой беседы Гюнтер вновь дал понять, что его правительство одобряет антисоветский внешнеполитический курс Румынии (см. *B. Bălteanu. Op. cit.*, «Studii», 1958, N 6 p. 84). В начале февраля американский посланник в Бухаресте сообщал в госдепартаменте, что умелые маневры румын «в сторону войны с Россией не следует недооценивать» (см. «Foreign relations of the United States», 1941, vol. I, p. 130).

«Румыния,— сказано в меморандуме,— является сегодня для Германии стратегической базой политического господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. При развитии дипломатических и военных событий весной Румыния может стать в центре военных операций.

Сознавая роль и свое географическое положение, а также необходимость поддержания общественного порядка в Европе, Румыния готова на самое близкое сотрудничество с Германией. С этой целью Румыния вступила в Тройственный пакт. Она позволила немецким войскам вступить на ее территорию. Румыния готова, в случае необходимости, присоединиться к военным действиям на стороне Германии»³⁷.

Таким образом, Антонеску и его клика были готовы выполнять как жандармские функции по обеспечению «общественного порядка» в Европе, что, иными словами, означало подавлять сопротивление народных масс в оккупированных гитлеровцами странах, так и непосредственно участвовать в военных действиях против очередных жертв гитлеровской агрессии.

В случае войны на Балканах правители Румынии предпочитали активно не участвовать в ней, зато в войне против СССР «Румыния,— как сказано в меморандуме,— будет участвовать в военных операциях со своей армией»³⁸. Из этого явствует, что своей первой внешней задачей фашистские правители считали участие в замышлявшейся Гитлером войне против СССР.

Разумеется, за это правители Румынии надеялись получить от своих хозяев хорошее вознаграждение. «Присоединяясь к Германии для совместных операций,— сказано далее в цитируемом документе,— Румыния убеждена, что при будущей реконструкции Европы она встретится с полным пониманием со стороны Германии и великого фюрера — мудрого творца. Будучи связанной с Германией Дунаем, Румыния желает также иметь с ней прямую сухопутную связь на севере и северо-западе»³⁹.

Намеки на желание иметь «прямую сухопутную связь на севере и северо-западе» указывают на то, что правя-

³⁷ DGFP, series D, vol. XI, doc. 661, p. 1110.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem, p. 1111.

щие круги мечтали уже не просто о «восстановлении» границ 1940 г., но и о нечто большем.

Мусоля свой избитый тезис об особой роли румын в «славянском море» как о факторе «безопасности для Германии и всей цивилизации», Антонеску выражал надежду, что «в новой Европе Германия будет признавать естественную роль Румынии, как регионального гегемона»⁴⁰ (курсив наш.— Б. К., И. Л.).

Гитлеровцы с явным пренебрежением относились к разгоряченным аппетитам своих румынских союзников. Как явствует из телефонного разговора между Риббентропом и Клодиусом, состоявшегося через день после беседы Антонеску с Гитлером, германский министр иностранных дел советовал в беседах с румынскими дипломатами делать вид, что он знаком лишь с той частью меморандума, которая касается области экономики. При этом Риббентроп подчеркнул, что «единственный интерес для Германии представляет пункт меморандума, касающийся вопроса об увеличении продукции румынской военной промышленности»⁴¹.

Именно в этом направлении и был дан ход меморандуму румынского диктатора. В начале марта 1941 г. Антонеску был приглашен в Вену, где в присутствии целого штата своих сотрудников Геринг изложил ему свой план увеличения добычи румынской нефти и поставки ее в Германию. Прекрасно зная, на чем можно купить румынского диктатора, Геринг, как явствует из немецкой записи этой беседы, заявил: «Если Россия еще теснее сблизится с Англией или же произойдет разрыв с Россией из-за Финляндии или румынского вопроса, тогда положение относительно поставки нефти станет затруднительным при условии, если добыча румынской нефти не будет увеличена»⁴².

Явно намекая на вероятность быстрого изменения политической ситуации на Востоке, Геринг неоднократно подчеркивал неотложность мер по резкому увеличению добычи нефти. Он предложил Антонеску немедленно приступить совместно с Германией к разработке новых нефтяных месторождений, установить дополнительное оборудование, доставленное из Германии, на действу-

⁴⁰ Ibidem, p. 1111.

⁴¹ Ibidem, p. 1110.

⁴² DGFP, series D, vol. XII. London, 1962, doc. 126, p. 222.

ющих предприятиях румынской нефтяной промышленности, а также поставить под германский контроль весь экспорт нефти из Румынии в другие европейские страны. Хотя в ходе беседы Антонеску и пытался выторговать для Румынии кое-какую самостоятельность в этом вопросе, в целом, однако, он согласился на принятие германских предложений и обещал «сделать все в пределах его возможностей, чтобы увеличить продукцию румынской нефти»⁴³. Кондукэтор не преминул при этом еще раз напомнить о своей готовности выставить на стороне гитлеровского блока 30 румынских дивизий⁴⁴. Примечательно, что это последнее предложение Антонеску высказал при обсуждении вопроса о положении на советско-румынской границе, куда с февраля 1941 г. началась скрытая переброска дополнительных румынских и немецких дивизий. Дело в том, что, готовя нападение на Югославию и Грецию и опасаясь, как бы эта новая агрессивная акция не вызвала сильную реакцию со стороны Советского Союза, гитлеровская Германия предложила Антонеску «усилить оборонительные мероприятия на русской границе, не привлекая на себя подозрения русских»⁴⁵. Иными словами, на румынскую армию была возложена миссия «сдерживать наступление» Красной Армии в случае, если она выступит на помощь балканским народам, ставшим жертвами гитлеровской агрессии.

Чувствуя за своей спиной гитлеровскую Германию, чьи многочисленные дивизии наводнили страну, фашистские правители Румынии в целях нагнетания атмосферы и поддержания в армии воинственного духа организовали новые провокации на границе с СССР. В ноте Советского правительства от 18 января 1941 г., переданной румынской миссии в Москве, в которой приводились факты обстрела румынскими воинскими подразделениями советских пограничников, указывалось, что «нарушения пограничного режима находятся в противоречии с заявлениями румынского правительства» о том, что такие случаи не будут повторяться и что приказом генштаба запрещено румынским пограничным войскам использовать оружие для обстрела советской территории⁴⁶.

⁴³ DGFP, series D, vol. XII, doc. 126, p. 224.

⁴⁴ Ibidem, p. 227.

⁴⁵ DGFP, series D., vol. XII, doc. 249, p. 433.

⁴⁶ АВП СССР, ф. 125, оп. 28, п. 2, д. 1, лл. 1—2.

Демарш Советского правительства остался, однако, без последствий. Как явствует из последующих нот НКВД СССР от 21 января, 22 февраля, 21 и 31 марта, 12 и 26 апреля, 5, 9 и 19 мая, случаи обстрела советских пограничников румынскими войсками, а также нарушения в явно разведывательных целях советской границы румынскими самолетами не только не прекращались, а заметно участились ⁴⁷.

Фашистская клика Румынии с нетерпением ждала начала военного похода против Страны Советов. Участие в этой акции было их заветной мечтой. Когда 31 марта, т. е. за неделю до нападения фашистских государств на Югославию, посланник Италии в Бухаресте Гиджи вручил Антонеску меморандум дуче, в котором последний рекомендовал Румынии официально предъявить свои требования на Югославский Банат, кондукэтор ответил, что «скорее можно рассчитывать на румынское участие в военных действиях на Востоке, чем на Западе и Юге» ⁴⁸ (курсив наш.— Б. К., И. Л.).

Это, конечно, не означало, что правители буржуазно-помещичьей Румынии не мечтали о территориальных приобретениях на Балканах. Они внимательно следили за событиями на полуострове, стремясь не упустить возможности увеличить свои территориальные владения за счет соседних стран. Помимо всего прочего, они опасались, как бы в результате перекройки границ балканских государств не произошло усиление Болгарии и Венгрии ⁴⁹.

В упомянутой выше беседе с Гиджи Антонеску сказал, что «Румыния скажет свое слово, когда речь будет идти о судьбе румын Баната, долины Тимока и Македонии», а спустя несколько дней, в самый канун вероломного нападения фашистских полчищ на Югославию, новый посланник Румынии в Берлине Босси по указанию Антонеску навестил Риббентропа, чтобы сообщить же-

⁴⁷ Там же, лл. 4, 17—18, 26—27, 30—31, 38—40, 43—44, 45, 47, 48.

⁴⁸ ИДА, фонд микрофильмов (Notă asupra convorbirii d-lui g-l Antonescu cu d-l Ghigi 31 Martie, 1941).

⁴⁹ Именно на этих опасениях румынских правителей играл Муссолини, когда, интригуя против своих немецких и венгерских «друзей», «великодушно» предлагал Румынии предъявить свои «права» на Югославский Банат, хотя в действительности вовсе не собирался их поддерживать.

ление румынского правительства занять своими войсками Югославский Банат в том случае, если венгерские войска примут участие в нападении на Югославию и политическая структура последней претерпит в будущем изменения⁵⁰. Решив успокоить своих румынских союзников, Риббентроп заявил, что Югославский Банат будет оккупирован только немецкими войсками⁵¹. На всякие требования румынского правительства относительно «компенсации» за счет Югославии дипломатической миссии Германии в Бухаресте было предложено отвечать, что «судьба различных территорий, принадлежащих Югославии, не может быть определенно решена, пока не будет заключен мир»⁵². Когда же после разгрома Югославии и Греции кое-какие территории все же отошли к Венгрии и Болгарии, Антонеску развернул большую дипломатическую активность, чтобы добиться удовлетворения своих территориальных притязаний.

В 20-х числах апреля германский МИД получил меморандум румынского правительства, в котором были изложены его взгляды относительно перекройки границ балканских стран и выставлены территориальные требования Румынии.

Как военный, сказано в этом документе, он, Антонеску, не желал бы выставлять свои территориальные требования до тех пор, пока его страна непосредственно не будет принимать участия в войне. Но поскольку Румыния уже оказала державам оси большую экономическую помощь, он осмеливается это сделать уже в настоящее время. Он выразил сожаление по поводу нарушения «расового равновесия» на Балканах в результате увеличения территории славянской Болгарии. По его словам, это привело к ущемлению национальных прав 600 тысяч румын, проживающих в Греции и Югославии, и явилось тяжелым ударом по его, Антонеску, престижу, так как он «говорил румынскому народу, что полон доверия к фюреру». Антонеску не скрывал своего разочарования

⁵⁰ DGFP, series D, vol. XII, doc. 276, p. 468.

⁵¹ Гитлер, предложив хортистской Венгрии участвовать в нападении против Югославии, обещал ей югославские территории Бачку и Банат. Но он лишь частично удовлетворил своего союзника по разбою (см. А. И. Пушкаш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 173, 188).

⁵² DGFP, vol. XII, doc. 330, p. 534.

по поводу того, что территориальные уступки сделаны Болгарии и Венгрии, хотя «жертвы, принесенные Румынией, и ее роль в отношении России (как антисоветского форпоста.— Б. К., И. Л.) давали его государству право питать надежды»⁵³.

После такого предисловия румынский фюрер предложил во имя восстановления политического равновесия пересмотреть границы государств Юго-Восточной Европы, чьи территории увеличились в 1940—1941 гг. В этой связи он выдвинул требования на Сербский Банат и на Южную Добруджу. Под предлогом отделения сербов от болгар и «защиты» дороги, ведущей от Белграда до Салоник, правительство Румынии высказалось за образование самостоятельной Македонии с включением в нее «румынской национальной группы», предоставление автономии для румынского населения в долинах рек Тимок и Вардар или же установление германо-румыно-итальянского кондоминиума для области Тимок, возможно, с участием болгар⁵⁴.

Этим, конечно, не кончились дипломатические демарши правительства Румынии, направленные на осуществление своих планов «региональной гегемонии». В конце апреля Антонеску дал указание своим дипломатам поставить перед Берлином и Римом вопрос «о восстановлении границ Румынии». Позицию Румынии в отношении Балкан он предлагал определить после того, как станут известны точки зрения двух столиц⁵⁵. Но выяснить их позиции оказалось нелегко. Свою докладную записку от 2 мая 1941 г., озаглавленную «Проблема раздела Балкан», новый румынский посланник в Риме В. Григорча закончил словами: «Кажется, проблема Юго-Восточной Европы будет решаться без участия заинтересованных государств. В связи с этим необходимо представить подробные доклады с приложением карт и документов, в которых должна быть изложена наша точка зрения как в отношении территорий, расположенных севернее, так и южнее Дуная. В этот подготовительный период можно действовать с шансами на успех. Эти

⁵³ Ibidem, doc. 387, p. 617.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ ИДА, фонд микрофильмов (Rezoluția lui I. Antonescu pe raportul Legației române de la Roma din 29 aprilie 1941).

шансы кажутся мне более вероятными в Берлине, чем в Риме»⁵⁶.

Спустя несколько дней, 10 мая, румынским посланникам в Берлине и Риме были направлены от имени И. Антонеску телеграммы, в которых излагались территориальные требования Румынии и «аргументы» для их обоснования. Правители Румынии старались убедить главарей Германии и Италии, что все территориальные уступки, сделанные Болгарии, «будут тоже служить России» и что «основным звеном в системе защиты против славянской опасности» является Румыния.

На этой основе послам было дано указание добиваться увеличения территории Румынии за счет своих вчерашних союзников — Польши, Чехословакии, Югославии, а также Западной Украины. Расширение Румынии, указывалось в телеграмме, «может быть осуществлено за счет Словакии..., а также за счет Галиции, по линии Черновцы — Львов — Краков, так как она является легким, прямым и коротким путем для связей между устьем Дуная и Германией. Исходя из этого, нам необходима не только Бессарабия и Буковина..., но и Покутье, которое расширило бы общую границу между Румынией, Словакией и Германией через оккупированную Польшу». На юге от Дуная правители Румынии, под тем же старым предлогом о необходимости отделить сербов от болгар, вновь выдвигали свои требования на Югославский Банат и район Тимока, а также предлагали создать албано-македонское государство или коридор Дунай—Салоники. «Прошу Вас,— писал в заключение Антонеску,— в дипломатических действиях и беседах пытаться изо дня в день убеждать правительство и влиятельные круги страны, где Вы аккредитованы, в важности этого вопроса в свете организации нового порядка в Юго-Восточной Европе и на Балканах»⁵⁷.

⁵⁶ ИДА, фонд микрофильмов (Rezoluția lui I. Antonescu pe raportul Legației române de la Roma din 29 aprilie 1941). Пока румынские дипломаты проводили зондаж в столицах государств оси, румынская печать развернула кампанию за «справедливый» раздел Югославии и Греции, умоляя фюрера не забывать «верную службу» Румынии, учесть ее «естественные нужды». «Румыны из Югославского Баната и Тимока просят и ожидают,— писала «Унирея»,— чтобы наконец-то была справедливо решена их судьба» («Unirea», 23.V 1941).

⁵⁷ ИДА, фонд микрофильмов (Telegrama cifrată către legațiile din Roma și Berlin, 10 Mai 1941); А. А. Шевяков. Указ. соч., стр. 141.

Эти свои требования правительство буржуазно-помещичьей Румынии и ее дипломаты еще не один раз ставили перед правителями Германии и Италии⁵⁸. Однако гитлеровцы с явной иронией относились к разгоряченным аппетитам своих румынских союзников. Они весьма невысоко ценили боеспособность румынской армии. Как явствует из дневника Гальдера, 30 марта 1940 г. на совещании по обсуждению вопроса о подготовке к войне против СССР Гитлер, со свойственным ему пренебрежением к другим народам, сказал: «От румын вообще ничего ожидать нельзя. Возможно, они окажутся в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию вместо того, чтобы уменьшить ее и улучшить»⁵⁹. Учитывая, однако, значение румынской нефти для ведения войны и стараясь как можно быстрее и легче подчинить себе экономику этой страны, при встречах с румынскими руководителями и дипломатами гитлеровцы продолжали оберегать их иллюзии о создании «Великой Румынии». В покровительственно-поучительном тоне Геббельс говорил румынскому посланнику в Берлине Босси во время их беседы, которая состоялась 23 апреля 1941 г.: «В настоящее время все границы еще жидкие. Очень легко их провести ближе или дальше. Когда же границы установятся, нельзя будет их менять. Сейчас, следовательно, для вас психологический момент. Чем лучше вы докажете нам, что являетесь сильным и сплоченным народом, народом, объединенным едиными чувствами, тем больше мы будем склонны расширять вам границы. Ведь нельзя же доверить управление обширными территориями и огромным населением народу расчлененному. Следовательно, объединитесь в этот час»⁶⁰.

⁵⁸ Вопрос о предоставлении Румынии роли «регионального гегемона» был вновь поднят в меморандумах правительства Антонеску от 11 и 21 июня, направленных в Берлин (см. *Н. И. Лебедев*. Указ. соч., стр. 109). Территориальные притязания Румынии изложены также в письме Антонеску на имя Муссолини от 16 июня 1941 г. (ИДА, фонд микрофильмов. Adresa MAE către Legățiunea din Româ însoțită de scrisoarea d-lui g-l Antonescu către d-l Mussolini.)

⁵⁹ «Совершенно секретно...», стр. 180.

⁶⁰ ИДА, фонд микрофильмов (Telegrama N 41251, 23.IV 1941. Convorbirea Goebbels—Bossy).

И клика Антонеску из кожи лезла вон, чтобы Румыния выглядела в глазах гитлеровцев достойным союзником рейха. Ведущие политические партии Румынии, национал-царанистская и национал-либеральная, которые формально считались распущенными, а на деле продолжали действовать и строили из себя «оппозицию», не только не выступали против, а явно поддерживали политику правительства Антонеску, направленную на подготовку вместе с Германией войны против СССР. Фактически между фашистскими главарями и лидерами этих так называемых «исторических» партий было достигнуто негласное соглашение о роли последних в случае какого-либо неожиданного поворота в ходе мировой войны. В беседе с двумя представителями руководства национал-царанистской партии Н. Лупу и В. Сердичем, состоявшейся в апреле 1941 г. во время завтрака, на который они были приглашены И. Антонеску, последний сказал: «Хотя я на 90% убежден, что шансы на конечную победу на стороне немцев, все же не собираюсь лишиться возможного резерва для проведения политики, противоположной той, которой я служу. Доказательством этого, несмотря на существующий декрет — закон о смертной казни для тех, кто занимается политикой, я приглашаю вас на завтрак»⁶¹. Антонеску прекрасно знал, что лидеры национал-царанистов не собираются препятствовать его прогерманской политике, ибо в таком случае он не стал бы им предлагать войти в состав возглавляемого им военно-фашистского правительства.

Однако вожаки «исторических» партий не решались пойти на открытый сговор с Антонеску, чтобы сохранить за собой возможность политического маневрирования и не скомпрометировать себя полностью перед массами. Во время беседы с К. Арджетояну, которая состоялась в июне 1941 г., до начала войны против СССР, вице-председатель национал-царанистской партии М. Попович заявил ему, что Ю. Маниу верит в победу Англии, «но отдает себе отчет в том, что до того времени, пока не перейдем реку (Прут.— Б. К., И. Л.) вместе с немцами, не может быть речи о другом правительстве, кроме его,

⁶¹ ACISISP, C. Argetoianu, însemnări zilnice, caietul 66/33, însemnarea din ziua de 6 mai 1941, p. 9211.

Антонеску. Следовательно, не нужно ему создавать трудности, а помогать, но только косвенно, извне, без прямого контакта или разделения ответственности»⁶².

Таким образом, в части ведения войны против СССР внутри господствующей верхушки страны не было никаких разногласий.

Только Коммунистическая партия продолжала вести борьбу против превращения страны в придаток гитлеровской Германии, за дружбу с народами СССР.

15 января 1941 г. КПП выработала и распространила нелегально брошюру «За мир и национальную независимость румынского народа», явившуюся программой борьбы против военно-фашистской диктатуры. В этом важном партийном документе разоблачалась антинародная политика румынской буржуазии и помещиков, превративших страну в сателлита гитлеровской Германии и установивших кровавую военно-фашистскую диктатуру Антонеску. Выдвинутая Коммунистической партией платформа указывала в качестве первостепенной задачи: «Борьба за мир. Борьба против превращения Румынии в придаток германского империализма, за национальную независимость румынского народа по отношению ко всем империалистическим державам, за политику тесной дружбы с Советским Союзом»⁶³.

КПП заявляла, что «единственным условием для сотрудничества является позиция по вопросу национальной независимости румынского народа». Это была подлинно патриотическая позиция, направленная на объединение всех патриотических сил страны для борьбы против военно-фашистского строя.

В изданном 26 февраля 1941 г. новом документе «От легионерского режима к военной диктатуре» Коммунистическая партия, раскрыв архиреакционный характер военно-фашистского правительства Антонеску, указала, что она готова «сотрудничать со всеми лицами и политическими группировками, которые желают вести борьбу за требования, содержащиеся в платформе (от 15 января 1941 г. — Б. К., И. Л.), или за любые частичные требования этой платформы»⁶⁴.

В условиях, когда подготовка Румынии к войне ста-

⁶² Ibidem, p. 9445.

⁶³ «Documenta din istoria PCR», 1953, ed. a II-a, p. 335.

⁶⁴ Ibidem.

ла очевидной, Коммунистическая партия призывала народ проявлять бдительность к разбойничьим планам военно-фашистской диктатуры, бороться против распространения войны, за прекращение военных действий на Балканах. В апреле 1941 г. ЦК КПР выступил с протестом против поддержки правителями Румынии гитлеровской агрессии в отношении Югославии и Греции⁶⁵.

КПР возглавила борьбу трудящихся, выражавших свое недовольство ростом цен и инфляцией, недостатком продовольствия и промышленных товаров, режимом террора и бесправия, ограблением страны немецкими оккупантами. Весной 1941 г. имеют место многочисленные выступления рабочего класса против военно-фашистской диктатуры, среди которых особое значение имеет забастовка шахтеров долины Жиу, продолжавшаяся несколько недель и угрожавшая сорвать снабжение углем промышленность, работавшую на подготовку к антисоветской войне⁶⁶.

Чтобы сломить силу сопротивления народа, военно-фашистская клика обрушила новые удары по Коммунистической партии. На представленный румынскими карательными органами отчет об арестах коммунистов Антонеску наложил 10 июня 1941 г. следующую резолюцию: «Подвергнуть их строжайшему режиму»⁶⁷. В этот трудный для румынских коммунистов период, когда многим из них грозила верная смерть, Коммунистическая партия и Советское правительство, выполняя свой интернациональный долг, приняли меры к освобождению из тюрем и отправке в СССР целого ряда руководящих деятелей Румынской коммунистической партии. 29 марта 1941 г. советский посланник в Бухаресте А. И. Лаврентьев вел переговоры об освобождении из тюрьмы и о предоставлении убежища в СССР тов. Георге Георгиу-Деж⁶⁸. Однако фашистское правительство Румынии не пожелало его освободить из заточения.

⁶⁵ E. Neamu și A. Fedotova. Din lupta PCR împotriva țiririi României în războiul antisovetic (septembrie 1939—iunie 1941). «Analele...», 1960, N 3, p. 39.

⁶⁶ Подробно об этом см.: Н. И. Лебедев. Падение диктатуры Антонеску, гл. 5; А. А. Шевяков. Указ. соч., стр. 133—139; E. Neamu și A. Fedotova. Op. cit., p. 38—40.

⁶⁷ ACISISP, dosar N 4591/26 f. 122

⁶⁸ АМАЕ, cazierul 2, România general, anul 1941 (Notă asupra convorbirii dintre Al. Cretzianu și Lavrentiev la 29 martie 1941).

В условиях разнузданного террора и раскольнических действий оппортунистических элементов в рядах рабочего класса Коммунистической партии не удалось создать единый антифашистский фронт трудящихся, повлиять на политику господствующих классов, в том числе на развитие румыно-советских отношений.

Применяя характерную для фашизма демагогию в сочетании с террором против демократических и антифашистских организаций, разжигая шовинистические настроения, клика Антонеску проводила в мае-июне последние приготовления для развязывания совместно с Германией войны против СССР, в которой она искала выход и против нарастания в стране недовольства народных масс военно-фашистской диктатурой⁶⁹.

На границу с Советским Союзом направлялись все новые контингенты румынских войск. В мае, после окончания военных операций на Балканах, немецкое командование в спешном порядке стало перебрасывать принимавшую участие в этих боях 11-ю немецкую армию, которая стала сосредоточиваться севернее г. Яссы.

1 июня по указанию командующего немецкими войсками в Румынии началась скрытая мобилизация⁷⁰, а спустя 10 дней И. Антонеску выехал в Мюнхен, где во время встречи с Гитлером, Кейтелем и Йодлем окончательно договорился относительно участия Румынии в антисоветской войне⁷¹. Румынский генерал подтвердил свою готовность поставить на службу войне все материальные и людские ресурсы страны и принять в ней участие с первого же дня. За это Гитлер обещал Антонеску территориальное вознаграждение за счет будущих захваченных советских земель. «Гитлер,— как отмечает в своих показаниях Антонеску,— подчеркнул, что Румыния не должна стоять вне войны, так как для возвращения Бессарабии и Северной Буковины она не имеет иного пути, как только воевать на стороне Германии»⁷².

⁶⁹ Впоследствии журнал «Гындирия» писал, что участие Румынии в антисоветской войне означает «спасение внутреннего социального порядка от угрозы большевизации» («Gîndirea», N 7, septembrie 1941, p. 340).

⁷⁰ «Военно-исторический журнал», 1959, № 3, стр. 83 (см. разработанный штабом оперативного руководства ОКВ «Расчет времени к операции «Барбаросса». Состояние подготовки на 1.VI 1941 г.»).

⁷¹ DGFP, vol. XII, doc. 614, p. 996—1005.

⁷² «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 689.

Но правители Румынии не довольствовались этим. Как впоследствии информировал на заседании правительства вице-премьер М. Антонеску, в ряде меморандумов и в ходе переговоров И. Антонеску с Гитлером, как до, так и в начале войны против СССР ставился вопрос и о советских землях восточнее Днестра, на которых якобы проживает «многочисленное румынское население». «Естественно,— продолжал М. Антонеску,— мы обратили внимание, что это население должно быть включено в состав румынского государства с политической формулой, которую мы сохраняем за собой право обсудить в момент, когда возникнет необходимость окончательного решения»⁷³. Гитлер во время встречи с И. Антонеску 11 июня 1941 г., как отмечает последний в своих показаниях следственным органам СССР, «указал, что за нашу помощь в войне Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории, вплоть до Днепра»⁷⁴.

Известно, что захватнические планы в отношении советской территории восточнее Днестра вынашивались наиболее шовинистически настроенными кругами Румынии задолго до начала похода Гитлера против СССР. Не случайно еще в 20—30-х годах издано было немало «трудов», в которых их авторы стремились обосновать «права» королевской Румынии на владение территорией Молдавской АССР и других советских земель, расположенных восточнее Днестра⁷⁵. Поэтому Антонеску стремился с самого начала не просто «оккупировать и администрировать» территорию между Днестром и Бугом, именуемую оккупантами «Транснистрией», но при определенных условиях, связанных с решением вопроса о Северной Трансильвании, присоединить и ее к румынскому королевству⁷⁶.

⁷³ ЦГА СССР, ф. 706, оп. 1, д. 53, л. 55 (Desbateri și instrucțiuni date în consiliile de miniștri referitoare la statutul Transnistriei. Consiliul din 20 august 1941).

⁷⁴ «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 689.

⁷⁵ Об этом см.: И. Э. Левит. Захватнические планы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны. «Ученые записки ИИЯЛ Молдавского филиала АН СССР», т. VI, 1957, стр. 208—209.

⁷⁶ В ходе войны с СССР аннексия и колонизация так называемой Транснистрии стала одной из главных целей политики правящей фашистской клики Румынии. «Не секрет, что я не склонен упустить

Следует сразу же подчеркнуть, что захватнические планы военно-фашистской клики королевской Румынии в отношении территорий Советского Союза и других государств, равно как и расчеты о возвращении при помощи Германии утраченной в результате венского «диктата» Северной Трансильвании, были, конечно, иллюзорными от начала до конца. Поддерживая эти иллюзии у своих румынских сателлитов и заставляя их таким образом выставить на службу трагической войне все материальные и людские ресурсы страны, гитлеровцы вовсе не собирались делить захваченное со своими младшими партнерами по разбою. Излагая свои планы «освоения» советской территории, Гитлер говорил на совещании 16 июля 1941 г. в узком кругу своих приближенных: «Теперь является важным, чтобы мы не раскрывали своих целеустановок перед всем миром... Поэтому мы пока будем действовать так, как если бы мы осуществляли мандат. Но нам самим при этом должно быть совершенно ясно, что мы из этих областей никогда уже не уйдем.

Исходя из этого речь идет о следующем: ничего не строить для окончательного регулирования, но исподтишка подготовить все для этого...

В настоящее время наши взаимоотношения с Румынией хороши, но никто не знает, как эти отношения сложатся в будущем. С этим нам нужно считаться, и соответственно этому мы должны устроить свои границы. Не следует ставить себя в зависимость от благожелательства третьих государств. Исходя из этого, мы должны строить наши отношения с Румынией»⁷⁷.

Как бы то ни было, из вышеприведенного явствует, что не скромная цель «освобождения своих братьев», как об этом трубила румынская пропаганда в первые дни войны и сейчас продолжают говорить буржуазные фальсификаторы истории, а обширные захватнические планы, мечта о «региональной гегемонии», о захвате огромных советских территорий, включая Молдавскую ССР и ряд

из рук то, что я приобрел,— заявил И. Антонеску на заседании правительства 26 февраля 1942 г.,— Транснистрия станет румынской областью, мы ее сделаем румынской, выгнав оттуда всех чужих... Мы должны создать [жизненное] пространство для румын» (ЦГА МССР, ф. 706, оп. 1, ед. хр. 443, л. 166).

⁷⁷ «Нюрнбергский процесс», т. II, стр. 581—582.

областей Украины, толкали правящие круги Румынии на союз с гитлеровской Германией, на участие в антисоветском походе.

Возвратившись из Мюнхена, И. Антонеску созвал кабинет и официально поставил в известность своих министров о скором совместном выступлении Германии и Румынии против СССР. Он приказал им выделить в распоряжение военного командования известное количество чиновников, пригодных для использования их в качестве организаторов гражданской администрации на оккупированной территории Советского Союза. Проверка исполнения этих приказов была возложена на Михая Антонеску⁷⁸. Последний провел 17 и 19 июня⁷⁹ заседания кабинета, на которых были рассмотрены мероприятия, связанные с подготовкой к войне против СССР⁸⁰.

18 июня Гитлер направил И. Антонеску письмо, в котором изложил конкретный план действия немецко-румынских войск, расположенных на территории Румынии⁸¹.

В это время вдоль всей западной границы СССР, в том числе на советско-румынской границе, заканчивалось сосредоточение и развертывание армий гитлеровской Германии и ее союзников. Огромное, вооруженное до зубов войско ждало сигнала, чтобы обрушиться на мирные города и села Советской страны.

Таким образом, как показывают факты, война против СССР, которая лицемерно была объявлена фашистской пропагандой «превентивной», да и сейчас провозглашается таковой буржуазными фальсификаторами истории, в действительности готовилась за много месяцев до ее начала.

⁷⁸ «Нюрнбергский процесс», стр. 692; «Procesul marii trădări naționale», p. 88.

⁷⁹ И. Антонеску как командующий фашистскими армиями, расположенными на советско-румынской границе, выехал проверить состояние боевой готовности войск. Решение объявить И. Антонеску командующим было принято 14 июня на совещании у Гитлера. Как отмечает в своем дневнике Гальдер, это назначение носило формальный характер, фактическое же руководство было возложено на штаб 11-й немецкой армии («Совершенно секретно...», стр. 184).

⁸⁰ «Procesul marii trădări naționale», p. 87.

⁸¹ DGFP, series D, vol. XII, doc. 644, p. 1047—1049.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный нами период истории внешней политики буржуазно-помещичьей Румынии характеризуется усилением антисоветского курса ее правящих кругов. В этой своей политике они неизменно старались опереться как на англо-французский, так и на германо-итальянский блок.

Стараясь уйти от решения вопроса о Бессарабии и избегая всяких прямых переговоров на этот счет с Советским правительством, буржуазно-помещичья Румыния после разгрома панской Польши, с которой она была связана антисоветским договором, свои расчеты строила в надежде на то, что в конечном счете произойдет примирение двух враждующих империалистических блоков и создастся возможность сколотить широкую коалицию против СССР. Проявлением этих расчетов являлась активность румынской дипломатии в попытках создать так называемый блок «нейтралов», при помощи которого она стремилась не только сохранить все свои территориальные приобретения в результате первой мировой войны и участия в интервенции против Страны Советов, но и превратить его в орудие, могущее служить любым антисоветским империалистическим авантюрам. Именно этим объясняется, что Советский Союз не был приглашен для участия в этом блоке «нейтралов» и даже не был поставлен в известность румынским правительством о своей инициативе по его созданию. Не случайно также, что главенствующая роль в этом блоке отводилась фашистской Италии, наиболее воинственная антисоветская позиция которой в тот период особенно прельщала румынских реакционеров.

Попытка Румынии сколотить блок «нейтралов» сочеталась с усилиями ее дипломатии придать сугубо антисоветскую направленность англо-французским гарантиям от 13 апреля 1939 г.

Наличие глубоких противоречий не только в среде воюющих великих империалистических держав, но и среди малых государств Юго-Восточной и Центральной Европы, наиболее острыми из которых являлись румыно-венгерские и румыно-болгарские, препятствовало превращению в жизнь этих антисоветских планов. Мощь Советского Союза, возросший престиж его внешней политики, последовательно отстаивающей мир в Юго-Восточной и Центральной Европе, сделали невозможной реализацию антисоветских замыслов румынских правящих кругов и их империалистических покровителей.

После краха авантюры империалистических государств в Финляндии и первых побед гитлеровцев на Западе королевская Румыния стала усиленно добиваться союза с фашистской Германией, при помощи которой она надеялась удержать свои послеверсальские границы. В обстановке превращения Румынии в сателлита гитлеровской Германии и установления открытой фашистской диктатуры в стране Советский Союз, проявляя заботу о безопасности своих границ и жизненных интересах бессарабских трудящихся, которые в течение двадцати двух лет вели непрекращающуюся борьбу за воссоединение с Советской Родиной, добился мирного разрешения вопроса о Бессарабии, вероломно отторгнутой от Советского государства в начале 1918 г.

Хотя после 28 июня 1940 г. создались благоприятные условия для установления нормальных и добрососедских отношений между двумя странами, чего хотели трудящиеся Румынии и к чему неизменно стремилось Советское правительство, румынские реакционные круги пошли по пути экономического и военно-политического закабаления страны гитлеровской Германией и превращения территории страны в плацдарм для нападения на СССР. Антисоветская направленность внешнеполитического курса Румынии в этот период особенно ярко проявилась в принятии итало-германских гарантий, приглашении немецких войск в страну, превратившем Румынию в плацдарм для нападения на СССР, в позиции румынской дипломатии во время переговоров о режиме судо-

ходства на Дунае. Логическим завершением этой политики явилось вступление Румынии в войну против СССР на стороне фашистской Германии — ударной силы международной реакции.

Советский народ и его Вооруженные Силы, руководимые Коммунистической партией, разгромили фашистских захватчиков и не только изгнали их из пределов нашей Родины, но и помогли народам многих стран Европы избавиться от ярма германского империализма. Благодаря Советской Армии освободился от фашизма и завоевал свободу и независимость также и румынский народ. Жизнь показала правильность и дальновидность политики Румынской коммунистической партии, которая решительно выступала против закабаления страны империалистами, разоблачала антисоветские происки реакционных румынских правителей и неизменно боролась за дружбу с Советским Союзом.

Анализ внешней политики Румынии и румыно-советских отношений в первый период второй мировой войны убедительно доказывает всю несостоятельность утверждений буржуазных фальсификаторов истории о так называемой «советской угрозе» Румынии и балканским государствам вообще, о мнимом миролюбии тогдашних румынских правителей, утверждений, которые имеют своей целью не только обелить обанкротившуюся антисоветскую политику последних, но и служить оружием в стремлениях империалистов вбить клин между странами социалистического лагеря.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Албор Т. (Albord T.) 94
Аллард П. (Allard P.) 90
Анджелеску К. 57, 98, 99
Антонеску В. 66, 68—70
Антонеску И. 5, 6—8, 23, 102, 103, 127, 128, 130, 132, 135, 136, 138—143, 145—148, 150—152, 155—161, 163—165, 167—169, 171, 174—192
Антонеску М. 190, 192
Анфузо Ф. 132
Арджетояну К. 21, 23, 36, 37, 41, 42—44, 46, 56, 109, 117, 186, 187
Арджешану Г. 36
Аттолико Б. 41, 91
Ачикалын Дж. 76
- Байерлейн Ф. 9
Барбул Г. 7, 155, 175
Барду Ж. (Bardoux J.) 94
Бастинини Д. 49, 54
Бек Ю. (Beck J.) 18
Белофф М. (Beloff M.) 165
Бережков В. 154
Блюментрит Г. 9
Боннэ Ж. (Bonnet G.) 25
Босси Р. 69, 132, 151, 181, 185
Братиану Г. 173
Братиану И. К. И (Дну) 17, 109
Брюгель И. В. 59
Бужой И. 56
Бунеску Т. (Bunescu Tr.) 11
- Вайда-Воевод А. (Вайда) 21, 36, 57, 82, 109, 116
Варга В. А. (Varga V. A.) 14
Вейган М. 71, 76, 81, 89, 93, 94
Вейнберг Г. Л. (Weinberg G. L.) 9, 10
Вейцекер Э. 41, 150
Верман Э. 47
- Вестфаль З. 8, 9
Виль Э. 164
Виноградов В. Н. 11
- Гайда В. 54
Гальдер Ф. 9, 141, 142, 144, 163, 177, 185, 192
Гамелен М. (Gamelin M.) 18, 89, 90
Ганзен Э. 146, 158, 163
Гафенку Гр. (Gafenco Gr.) 5, 6, 9, 14, 19, 21, 26, 30—35, 37, 39—42, 44—48, 50, 51, 54, 55, 57—65, 67—70, 74—77, 86, 88, 92, 94, 95, 97, 98, 101—104, 131, 134—137, 143, 144, 149, 152—154, 164, 166
Геббельс И. 185
Георге И. (Gheorghe I.) 7, 82
Георгиу-Деж Г. 129, 188
Геринг Г. 25, 27, 33, 85, 110, 119, 179
Германи Д. (Ghermani D.) 7
Герштенберг А. 138, 139
Гиджи П. 20, 22, 31, 32, 37, 43, 46, 47, 65, 69, 70, 72, 88, 97, 99, 140, 181
Гитлер А. 8—10, 14, 18, 26, 33, 36, 38, 41, 80, 85, 92, 107, 110, 117, 118, 121—129, 138, 154—164, 166, 167, 175—177, 178, 179, 185, 189, 190—192
Глисон С. Э. (Gleason S. E.) 11
Гога О. 19, 25, 57
Горжиу А. (Gorjiu A.) 7
Григорча В. 183
Гюнтер Ф. 107, 176, 177
- Даладые Э. 81
Дарре В. 29
Джигурту И. 25, 27, 33, 40, 57,

- 104, 105, 107—109, 113, 114,
119, 120, 122—128, 134
Джуреску К. 92, 98
Диану Н. 30, 87
Домбровский В. 138, 139
Дорио Ж. 94
Дучич И. 48
- Жилин П. А. 8
Жоно Ж. (Jauneaud J. H.) 93, 94
- Захария Г. (Zaharia Gh.) 30
- Иненю И. 15
Инкулец И. 109
Иодль А. 189
Израэлян В. Л. 11, 39, 121
- Йорга Н. 63, 84, 109, 115
- Калинеску А. 19—21, 25, 27—31,
36, 57, 101
Калинин М. И. 135
Кампус Е. (Campus E.) 11, 83,
122
Канарис В. 96, 101
Кантакузино С. (Cantacuzino S.)
56
Капече Дж. 54, 59, 61
Кароль II Гогенцоллерн 15, 20,
21, 24, 30, 36, 64, 70, 72, 77,
79, 82, 83, 89, 91, 95, 96, 99,
100, 101, 103, 104, 106, 107,
109, 110, 118, 130, 131, 133
Карпещенко Е. Д. 11
Кейтель В. 142, 156, 158—161, 189
Кеннан Дж. Ф. (Kennan G. F.)
137
Киллингер М. 78, 91, 96, 101—
103, 110
Киосейванов Г. 75, 76
Клодиус К. 26, 37, 86, 111, 179
Кодряну К. З. 19, 83
Колкер Б. М. (Bălțeanu B.) 15,
22, 130, 176, 177
Константинеску М. 80
Копанский Я. М. 13, 24
Коппола Ф. 54
Корне М. (Korne M.) 7
Крайник Н. 120
Крейпе В. 9
Крецяну А. (Cretzianu Al.) 6, 20,
23, 28, 29, 48, 67, 72, 81, 102,
103, 109, 188
Криппс Ст. 134
- Круцеску Р. 47
Куза А. 115
Куколев П. 35, 60, 61
Кутаков Л. Н. 11, 39, 121
- Лаваль П. 94
Лаврентьев А. И. 188
Ланджер В. Л. (Langer W. L.) 10
Лебедев Н. И. 10, 11, 28, 130,
155, 176, 185, 188
Левит И. Э. 13, 24, 190
Леже А. 59, 63
Ленин В. И. 12
Ллойд Дж. 62
Лупу Н. 186
- Макензен Г. 47, 150
Малионе Л. 43
Манну Ю. 6, 109, 166, 167, 186
Маноилеску М. 84, 120, 122—126,
128, 136, 140, 149, 150, 151, 155
Мантейфель Х. 9
Маркович Ц. 48
Мартелли Дж. 50
Микоян А. И. 166
Миронеску Г. Г. 21
Миронович Р. 83
Михай Витязь, господарь 173
Михай I Гогенцоллерн 173
Мическу И. 56, 98, 99
Молотов В. М. 59, 86, 134, 146,
154, 177
Морuzов М. 84, 96, 101—103, 110
Муссолини Б. 37, 41, 47, 77, 80,
83, 85, 86, 88, 92, 107, 125—
128, 144, 149, 150, 156, 166, 167,
176, 177, 181, 185
- Нейбахер Г. (Neubacher H.) 78,
79, 90
Некулче Н. (Neculce N.) 7
Нетта Г. 74
Нистор И. 98, 99, 109
Няму Е. (Neamu E.) 130, 188
- Ожиганов Н. И. 11
- Палагита Шт. (Palaghita Șt.) 83
Пантази К. 170
Папен Ф., фон 38—40
Патрашкану Л. (Pătrășcanu L.)
92, 93
Паулюс Ф. 143
Петен Ф. 45
Петреску-Комфен Н. (Комфен) 38

- Петри А. (Petri A.) 30
Петровическу К. 168
Поп В. 147—149, 152
Попиштяну К. (Popișteanu C.) 12
Попович М. 186
Пресэйзен Э. Л. (Presseisen E. L.) 10
Пушкаш А. И. 121, 182
Пэтрашку Н. 83, 100
- Рейле О. (Reile O.) 96
Рейно П. (Reynaud P.) 93, 94
Риббентроп И. 8, 33, 38, 47, 100, 111, 118, 122—124, 126—128, 144, 147, 148, 152, 154, 156, 158, 160, 179, 181, 182
Розенберг А. 29
Росетти Р. (Rosetti R.) 8, 9
Рот Г. О. 120
Рузвельт Ф. 68
- Саву Ал. Г. (Savu Al. Gh.) 12, 57, 116
Сараджоглу Ш. 31, 35, 45, 46, 51, 58, 59, 66, 76
Серафим Г. Г. (Seraphim Hans Günter) 8
Сердич В. 186
Сидорович Т. 77, 78, 83, 117
Сима Х. 83, 100, 101, 106, 109, 176
Соболев А. А. 153
Сталин И. В. 59
Стефанов Б. 60
Стойка В. 38, 39, 51, 58, 66
Стойкэнеску К. 83
Стурдза М. 148, 149, 154, 155, 161, 162
Суриц Я. З. 94
- Татареску Г. 5, 17, 22, 56, 57, 60, 68, 72, 84, 86, 88, 94, 95, 98, 99, 102—104, 106, 107, 115, 119
Телеки П. 86, 118, 128
Телегин Ф. Н. 8
Тия В. В. 43—45, 49, 50, 62
Типпельскирх К. 141, 142
Титулеску Н. 13, 24, 30, 49, 56, 66, 122, 153
Томпсон Д. 89, 97
Топалу В. (Topalu V.) 113, 130
Тоскано М. (Toscano M.) 42, 51, 68
Тьерри А. 25, 31, 35, 45, 61, 97
- Урдэряну Е. 21, 64, 83, 91, 95, 99, 101, 103, 104, 117
Уэллес С. 68
- Фабри Ф. В. (Fabry Ph. W.) 9, 136
Фабрициус В. 19, 22, 32, 33, 54, 59, 83, 86, 88, 91, 93, 96, 97, 99, 101, 103, 104, 106—110, 117, 118, 126, 138, 140, 148, 175
Федотова А. (Fedotova A.) 130, 188
Филити Г. (Filiti G.) 7
Филов Б. 77
Фланден П. Е. (Flandin P. E.) 18
Флореску Р. (Floresco R.) 7
Франко Ф. 68
- Хиллгрубер А. (Hillgruber A.) 7, 8, 14, 18, 90, 91, 96, 163
Хор Р. (Hoare R.) 31, 61, 63—65
- Цейтцлер К. 9
Циммерман Б. 9
- Чаки И. 53, 54, 69—71, 111, 128
Чакмак Ф. 72
Чемберлен Н. 77, 81, 93
Чемпалов Н. И. 10, 121, 141
Чесяну К. (Cesianu C.) 75
Чиано Г. (Ciano G.) 32, 38, 47, 55, 59, 63, 65, 68—71, 77, 78, 85, 118, 125, 127, 128, 132, 144, 149, 151, 155
Чиобану Шт. 99, 115
Чуря Е. (Ciurea E. C.) 7
Чьоранеску Г. (Cioranescu G.) 7
- Шевяков А. А. 10, 142, 159, 160, 184, 188
Шейкару П. 97, 116, 144
Шпейдель В. 146
Шпницмюллер (Spitzmüller) 71, 72
Штейнгард Г. 136
Штельцер Г. 103
Шуленбург В. 134, 144, 146
- Эррио Э. 72
- Язькова А. А. 11, 13

С Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
<i>Глава I</i>	
Провозглашение Румынией нейтралитета. Отношения Румынии с СССР	16
<i>Глава II</i>	
Крах попыток создания антисоветского «блока нейтралов»	39
<i>Глава III</i>	
Новые маневры румынской дипломатии	56
<i>Глава IV</i>	
Мирное разрешение вопроса о Бессарабии	82
<i>Глава V</i>	
Германо-итальянские «гарантии» Румынии и их антисоветская направленность	113
<i>Глава VI</i>	
Создание антисоветского плацдарма гитлеровской Германии на территории Румынии	138
<i>Глава VII</i>	
Подготовка Румынии к войне против СССР. Захватнические планы румынских правящих кругов	170
Заключение	193
Указатель имен	196

Борис Михайлович Колкер
Изяслав Эликович Левит

**Внешняя политика Румынии
и румыно-советские отношения**

*Утверждено к печати Институтом истории
Молдавской ССР*

Редактор издательства *Г. В. Шелудько*
Художник *Н. Г. Дворников*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 5/XI 1970 г.
Подписано к печати 15/II 1971 г. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 10,6
Тираж 3000 экз. Т-04013 Тип. зак. 4375.
Цена 84 к.

Издательство «Наука».
Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10